Российская академия наук
Институт мировой литературы
им. А.М.Горького

Сергей ЕСЕНИН

Полное собрание сочинений

в семи томах

МОСКВА
ИМЛИ РАН
2004

Сергей ЕСЕНИН

Полное собрание сочинений

Том четвертый

СТИХОТВОРЕНИЯ,
не вошедшие
в «Собрание стихотворений»

Издание второе

МОСКВА
ИМЛИ РАН
2004

ББК 84
Е 81

Составление, подготовка текстов и комментарии
С.П.КОШЕЧКИНА и Н.Г.ЮСОВА

Научный редактор тома
Л.Д.ГРОМОВА

Оформление художника
Б.А.ЛАВРОВА

ISBN 5-9208-0185-9
ISBN 5-9208-0198-0 (т. 4)

Стихотворения

ПОЭТ

Он бледен. Мыслит страшный путь.
В его душе живут виденья.
Ударом жизни вбита грудь,
А щеки выпили сомненья.

Клоками сбиты волоса,
Чело высокое в морщинах,
Но ясных грез его краса
Горит в продуманных картинах.

Сидит он в тесном чердаке,
Огарок свечки режет взоры,
А карандаш в его руке
Ведет с ним тайно разговоры.

Он пишет песню грустных дум,
Он ловит сердцем тень былого.
И этот шум... душевный шум...
Снесет он завтра за целковый.

<1910—1912>

ЗВЕЗДЫ

Звездочки ясные, звезды высокие!
Что вы храните в себе, что скрываете?
Звезды, таящие мысли глубокие,
Силой какою вы душу пленяете?

Частые звездочки, звездочки тесные!
Что в вас прекрасного, что в вас могучего?
Чем увлекаете, звезды небесные,
Силу великую знания жгучего?

И почему так, когда вы сияете,
Маните в небо, в объятья широкие?
Смотрите нежно так, сердце ласкаете,
Звезды небесные, звезды далекие!

<1911>

И.Д.РУДИНСКОМУ

Солнца луч золотой
Бросил искру свою
И своей теплотой
Согрел душу мою.

И надежда в груди
Затаилась моей;
Что-то жду впереди
От грядущих я дней.

Оживило тепло,
Озарил меня свет.
Я забыл, что прошло
И чего во мне нет.

Загорелася кровь
Жарче дня и огня.
И светло и тепло
На душе у меня.

Чувства полны добра,
Сердце бьется сильней.
Оживил меня луч
Теплотою своей.

Я с любовью иду
На указанный путь,
И от мук и тревог
Не волнуется грудь.

<1911>

ВОСПОМИНАНИЕ

За окном, у ворот
Вьюга завывает,
А на печке старик
Юность вспоминает.

«Эх, была-де пора,
Жил, тоски не зная,
Лишь кутил да гулял,
Песни распевая.

А теперь что за жизнь?
В тоске изнываю
И порой о тех днях
С грустью вспоминаю.

Погулял на веку,
Говорят, довольно.
Размахнуть старину
Не дают раздолья.

Полно, дескать, старик,
Не дури ты много,
Твой конец не велик,
Жизнь твоя у гроба.

Ну и что ж, покорюсь,—
Видно, моя доля.
Придет им тоже час
Старческого горя».

За окном, у ворот
Вьюга завывает,
А на печке старик
С грустью засыпает.

1911—1912

МОЯ ЖИЗНЬ

Будто жизнь на страданья моя обречёна;
Горе вместе с тоской заградили мне путь;
Будто с радостью жизнь навсегда разлучёна,
От тоски и от ран истомилася грудь.

Будто в жизни мне выпал страданья удел;
Незавидная мне в жизни выпала доля.
Уж и так в жизни много всего я терпел,
Изнывает душа от тоски и от горя.

Даль туманная радость и счастье сулит,
А дойду — только слышатся вздохи да слезы.
Вдруг наступит гроза, сильный гром загремит
И разрушит волшебные, сладкие грезы.

Догадался и понял я жизни обман,
Не ропщу на свою незавидную долю.
Не страдает душа от тоски и от ран,
Не поможет никто ни страданьям, ни горю.

1911—1912

ЧТО ПРОШЛО — НЕ ВЕРНУТЬ

Не вернуть мне ту ночку прохладную,
Не видать мне подруги своей,
Не слыхать мне ту песню отрадную,
Что в саду распевал соловей!

Унеслася та ночка весенняя,
Ей не скажешь: «Вернись, подожди».
Наступила погода осенняя,
Бесконечные льются дожди.

Крепким сном спит в могиле подруга,
Схороня в своем сердце любовь.
Не разбудит осенняя вьюга
Крепкий сон, не взволнует и кровь.

И замолкла та песнь соловьиная,
За моря соловей улетел,
Не звучит уже более, сильная,
Что он ночкой прохладною пел.

Пролетели и радости милые,
Что испытывал в жизни тогда.
На душе уже чувства остылые.
Что прошло — не вернуть никогда.

1911—1912

НОЧЬ

Тихо дремлет река.
Темный бор не шумит.
Соловей не поет
И дергач не кричит.

Ночь. Вокруг тишина.
Ручеек лишь журчит.
Своим блеском луна
Все вокруг серебрит.

Серебрится река.
Серебрится ручей.
Серебрится трава
Орошенных степей.

Ночь. Вокруг тишина.
В природе все спит.
Своим блеском луна
Все вокруг серебрит.

1911—1912

ВОСХОД СОЛНЦА

Загорелась зорька красная
В небе темно-голубом,
Полоса явилась ясная
В своем блеске золотом.

Лучи солнышка высоко
Отразили в небе свет.
И рассыпались далеко
От них новые в ответ.

Лучи ярко-золотые
Осветили землю вдруг.
Небеса уж голубые
Расстилаются вокруг.

1911—1912

К ПОКОЙНИКУ

Уж крышку туго закрывают,
Чтоб ты не мог навеки встать,
Землей холодной зарывают,
Где лишь бесчувственные спят.

Ты будешь нем на зов наш зычный,
Когда сюда к тебе придем.
И вместе с тем рукой привычной
Тебе венков мы накладем.

Венки те красотою будут,
Могила будет в них сиять.
Друзья тебя не позабудут
И будут часто вспоминать.

Покойся с миром, друг наш милый,
И ожидай ты нас к себе.
Мы перетерпим горе с силой,
Быть может, скоро и придем к тебе.

1911—1912

ЗИМА

Вот уж осень улетела
И примчалася зима.
Как на крыльях, прилетела
Невидимо вдруг она.

Вот морозы затрещали
И сковали все пруды.
И мальчишки закричали
Ей «спасибо» за труды.

Вот появилися узоры
На стеклах дивной красоты.
Все устремили свои взоры,
Глядя на это. С высоты

Снег падает, мелькает, вьется,
Ложится белой пеленой.
Вот солнце в облаках мигает,
И иней на снегу сверкает.

1911—1912

ПЕСНЯ СТАРИКА РАЗБОЙНИКА

Угасла молодость моя,
Краса в лице завяла,
И удали уж прежней нет,
И силы — не бывало.

Бывало, пятерых сшибал
Я с ног своей дубиной,
Теперь же хил и стар я стал
И плачуся судьбиной.

Бывало, песни распевал
С утра до темной ночи,
Теперь тоска меня сосет
И грусть мне сердце точит.

Когда-то я ведь был удал,
Разбойничал и грабил,
Теперь же хил и стар я стал,
Все прежнее оставил.

1911—1912

НОЧЬ

Усталый день склонился к ночи,
Затихла шумная волна,
Погасло солнце, и над миром
Плывет задумчиво луна.
Долина тихая внимает
Журчанью мирного ручья.
И темный лес, склоняся, дремлет
Под звуки песен соловья.
Внимая песням, с берегами,
Ласкаясь, шепчется река.
И тихо слышится над нею
Веселый шелест тростника.

<1911—1912>

БОЛЬНЫЕ ДУМЫ

* * *

Нет сил ни петь и ни рыдать,
Минуты горькие бывают,
Готов все чувства изливать,
И звуки сами набегают.

<1911—1912>

* * *

Я ль виноват, что я поэт
Тяжелых мук и горькой доли,
Не по своей же стал я воле —
Таким уж родился на свет.

Я ль виноват, что жизнь мне не мила,
И что я всех люблю и вместе ненавижу,
И знаю о себе, чего еще не вижу,—
Ведь этот дар мне муза принесла.

Я знаю — в жизни счастья нет,
Она есть бред, мечта души больной,
И знаю — скучен всем напев унылый мой,
Но я не виноват — такой уж я поэт.

<1911—1912>

ДУМЫ

Думы печальные, думы глубокие,
Горькие думы, думы тяжелые,
Думы, от счастия вечно далекие,
Спутники жизни моей невеселые!

Думы — родители звуков мучения,
Думы несчастные, думы холодные,
Думы — источники слез огорчения,
Вольные думы, думы свободные!

Что вы терзаете грудь истомлённую,
Что заграждаете путь вы мне мой?..
Что возбуждаете силу сломлённую
Вновь на борьбу с непроглядною тьмой?

Не поддержать вам костра догоревшего,
Искры потухшие... Поздно, бесплодные.
Не исцелить сердца вам наболевшего,
Думы больные, без жизни, холодные!

<1911—1912>

ЗВУКИ ПЕЧАЛИ

Скучные песни, грустные звуки,
Дайте свободно вздохнуть.
Вы мне приносите тяжкие муки,
Больно терзаете грудь.

Дайте отрады, дайте покоя,
Дайте мне крепко заснуть.
Думы за думами смутного роя,
Вы мне разбили мой путь.

Смолкните, звуки — вестники горя,
Слезы уж льются из глаз.
Пусть успокоится горькая доля.
Звуки! Мне грустно от вас!

Звуки печали, скорбные звуки,
Долго ль меня вам томить?
Скоро ли кончатся тяжкие муки,
Скоро ль спокойно мне жить?

<1911—1912>

СЛЕЗЫ

Слезы... опять эти горькие слезы,
Безотрадная грусть и печаль;
Снова мрак... и разбитые грезы
Унеслись в бесконечную даль.

Что же дальше? Опять эти муки?
Нет, довольно... Пора отдохнуть
И забыть эти грустные звуки,
Уж и так истомилася грудь.

Кто поет там под сенью березы?
Звуки будто знакомые мне —
Это слезы опять... Это слезы
И тоска по родной стороне.

Но ведь я же на родине милой,
А в слезах истомил свою грудь.
Эх... лишь, видно, в холодной могиле
Я забыться могу и заснуть.

<1911—1912>

* * *

Не видать за туманною далью,
Что там будет со мной впереди,
Что там... счастье, иль веет печалью,
Или отдых для бедной груди.

Или эти седые туманы
Снова будут печалить меня,
Наносить сердцу скорбные раны
И опять снова жечь без огня.

Но сквозь сумрак в туманной дали́
Загорается, вижу, заря;
Это смерть для печальной земли,
Это смерть, но покой для меня.

<1911—1912>

ВЬЮГА НА 26 АПР<ЕЛЯ> 1912 г.

Что тебе надобно, вьюга?
Ты у окна завываешь,
Сердце больное тревожишь,
Грусть и печаль вызываешь.

Прочь уходи поскорее,
Дай мне забыться немного,
Или не слышишь — я плачу,
Каюсь в грехах перед Богом?

Дай мне с горячей молитвой
Слиться душою и силой.
Весь я истратился духом,
Скоро сокроюсь могилой.

Пой ты тогда надо мною,
Только сейчас удалися
Или за грешную душу
Вместе со мной помолися.

<1912>

ПРЕБЫВАНИЕ В ШКОЛЕ

Душно мне в этих холодных стенах,
Сырость и мрак без просвета.
Плесенью пахнет в печальных углах —
Вот она, доля поэта.

Видно, навек осужден я влачить
Эти судьбы приговоры,
Горькие слезы безропотно лить,
Ими томить свои взоры.

Нет, уже лучше тогда поскорей
Пусть я иду до могилы,
Только там я могу, и лишь в ней,
Залечить все разбитые силы.

Только и там я могу отдохнуть,
Позабыть эти тяжкие муки,
Только лишь там не волнуется грудь
И не слышны печальные звуки.

<1911—1912>

ДАЛЕКАЯ ВЕСЕЛАЯ ПЕСНЯ

Далеко-далеко от меня
Кто-то весело песню поет.
И хотел бы провто́рить ей я,
Да разбитая грудь не дает.

Тщетно рвется душа до нея,
Ищет звуков подобных в груди,
Потому что вся сила моя
Истощилась еще впереди.

Слишком рано я начал летать
За мечтой идеала земли,
Рано начал на счастье роптать,
Разбираясь в прожитой дали.

Рано пылкой душою своей
Я искал себе мрачного дня
И теперь не могу вторить ей,
Потому что нет сил у меня.

<1911—1912>

МОИ МЕЧТЫ

Мои мечты стремятся вдаль,
Где слышны вопли и рыданья,
Чужую разделить печаль
И муки тяжкого страданья.

Я там могу найти себе
Отраду в жизни, упоенье,
И там, наперекор судьбе,
Искать я буду вдохновенья.

<1911—1912>

БРАТУ ЧЕЛОВЕКУ

Тяжело и прискорбно мне видеть,
Как мой брат погибает родной.
И стараюсь я всех ненавидеть,
Кто враждует с его тишиной.

Посмотри, как он трудится в поле,
Пашет твердую землю сохой,
И послушай те песни про горе,
Что поет он, идя бороздой.

Или нет в тебе жалости нежной
Ко страдальцу сохи с бороной?
Видишь гибель ты сам неизбежной,
А проходишь его стороной.

Помоги же бороться с неволей,
Залитою вином, и с нуждой!
Иль не слышишь, он плачется долей
В своей песне, идя бороздой?

<1911—1912>

* * *

Я зажег свой костер,
Пламя вспыхнуло вдруг
И широкой волной
Разлилося вокруг.

И рассыпалась мгла
В беспредельную даль,
С отягченной груди
Отгоняя печаль.

Безнадежная грусть
В тихом треске углей
У костра моего
Стала песней моей.

И я весело так
На костер свой смотрел,
Вспоминаючи грусть,
Тихо песню запел.

Я опять подо мглой.
Мой костер догорел,
В нем лишь пепел с золой
От углей уцелел.

Снова грусть и тоска
Мою грудь облегли,
И печалью слегка
Веет вновь издали.

Чую — будет гроза,
Грудь заныла сильней,
И скатилась слеза
На остаток углей.

<1911—1912>

ДЕРЕВЕНСКАЯ ИЗБЕНКА

Ветхая избенка
Горя и забот,
Часто плачет вьюга
У твоих ворот.

Часто раздаются
За твоей стеной
Жалобы на бедность,
Песни звук глухой.

Все поют про горе,
Про тяжелый гнет,
Про нужду лихую
И голодный год.

Нет веселых песен
Во стенах твоих,
Потому что горе
Заглушает их.

<1911—1912>

ОТОЙДИ ОТ ОКНА

Не ходи ты ко мне под окно
И зеленой травы не топчи;
Я тебя разлюбила давно,
Но не плачь, а спокойно молчи.

Я жалею тебя всей душою,
Что тебе до моей красоты?
Почему не даешь мне покою
И зачем так терзаешься ты?

Все равно я не буду твоею,
Я теперь не люблю никого,
Не люблю, но тебя я жалею,
Отойди от окна моего!

Позабудь, что была я твоею,
Что безумно любила тебя;
Я теперь не люблю, а жалею —
Отойди и не мучай себя!

<1911—1912>

ВЕСЕННИЙ ВЕЧЕР

Тихо струится река серебристая
В царстве вечернем зеленой весны.
Солнце садится за горы лесистые,
Рог золотой выплывает луны.

Запад подернулся лентою розовой,
Пахарь вернулся в избушку с полей,
И за дорогою в чаще березовой
Песню любви затянул соловей.

Слушает ласково песни глубокие
С запада розовой лентой заря.
С нежностью смотрит на звезды далекие
И улыбается небу земля.

<1911—1912>

* * *

И надо мной звезда горит,
Но тускло светится в тумане,
И мне широкий путь лежит,
Но он заросший весь в бурьяне.

И мне весь свет улыбки шлет,
Но только полные презренья,
И мне судьба привет несет,
Но слезы вместо утешенья.

<1911—1912>

ПОЭТ

Не поэт, кто слов пророка
Не желает заучить,
Кто язвительно порока
Не умеет обличить.

Не поэт, кто сам боится,
Чтобы сильных уязвить,
Кто победою гордится,
Может слабых устрашить.

Не поэт и кто имеет
К людям разную любовь,
Кто за правду не умеет
Проливать с врагами кровь.

Тот поэт, врагов кто губит,
Чья родная правда — мать,
Кто людей как братьев любит
И готов за них страдать.

Он все сделает свободно,
Что другие не могли.
Он поэт, поэт народный,
Он поэт родной земли!

<1912>

КАПЛИ

Капли жемчужные, капли прекрасные,
Как хороши вы в лучах золотых,
И как печальны вы, капли ненастные,
Осенью черной на окнах сырых.

Люди, веселые в жизни забвения,
Как велики вы в глазах у других
И как вы жалки во мраке падения,
Нет утешенья вам в мире живых.

Капли осенние, сколько наводите
На душу грусти вы чувства тяжелого.
Тихо скользите по стеклам и бродите,
Точно как ищете что-то веселого.

Люди несчастные, жизнью убитые,
С болью в душе вы свой век доживаете.
Милое прошлое, вам не забытое,
Часто назад вы его призываете.

<1912>

НА ПАМЯТЬ ОБ УСОПШЕМ У МОГИЛЫ

В этой могиле под скромными ивами
Спит он, зарытый землей,
С чистой душой, со святыми порывами,
С верой зари огневой.

Тихо погасли огни благодатные
В сердце страдальца земли,
И на чело, никому не понятные,
Мрачные тени легли.

Спит он, а ивы над ним наклонилися,
Свесили ветви кругом,
Точно в раздумье они погрузилися,
Думают думы о нем.

Тихо от ветра, тоски напустившего,
Плачет, нахмурившись, даль.
Точно им всем безо времени сгибшего
Бедного юношу жаль.

<1912—1913>

* * *

Грустно... Душевные муки
Сердце терзают и рвут,
Времени скучные звуки
Мне и вздохнуть не дают.
Ляжешь, а горькая дума
Так и не сходит с ума...
Голову кружит от шума.
Как же мне быть... и сама
Моя изнывает душа.
Нет утешенья ни в ком.
Ходишь едва-то дыша.
Мрачно и дико кругом.
Доля! Зачем ты дана!
Голову негде склонить,
Жизнь и горька и бедна,
Тяжко без счастия жить.

<1913>

* * *

Ты плакала в вечерней тишине,
И слезы горькие на землю упадали,
И было тяжело и так печально мне,
И все же мы друг друга не поняли.
Умчалась ты в далекие края,
И все мечты мои увянули без цвета,
И вновь опять один остался я
Страдать душой без ласки и привета.
И часто я вечернею порой
Хожу к местам заветного свиданья,
И вижу я в мечтах мне милый образ твой,
И слышу в тишине тоскливые рыданья.

<1913>

БЕРЕЗА

Белая береза
Под моим окном
Принакрылась снегом,
Точно серебром.

На пушистых ветках
Снежною каймой
Распустились кисти
Белой бахромой.

И стоит береза
В сонной тишине,
И горят снежинки
В золотом огне.

А заря, лениво
Обходя кругом,
Обсыпает ветки
Новым серебром.

<1913>

* * *

Я положил к твоей постели
Полузавядшие цветы,
И с лепестками помертвели
Мои усталые мечты.

Я нашептал моим левкоям
Об угасающей любви,
И ты к оплаканным покоям
Меня уж больше не зови.

Мы не живем, а мы тоскуем.
Для нас мгновенье красота,
Но не зажжешь ты поцелуем
Мои холодные уста.

И пусть в мечтах я все читаю:
«Ты не любил, тебе не жаль»,
Зато я лучше понимаю
Твою любовную печаль.

<1913—1915>

ИСПОВЕДЬ САМОУБИЙЦЫ

Простись со мною, мать моя,
Я умираю, гибну я!
Больную скорбь в груди храня,
Ты не оплакивай меня.
Не мог я жить среди людей,
Холодный яд в душе моей.
И то, чем жил и что любил,
Я сам безумно отравил.
Своею гордою душой
Прошел я счастье стороной.
Я видел пролитую кровь
И проклял веру и любовь.
Я выпил кубок свой до дна,
Душа отравою полна.
И вот я гасну в тишине,
Но пред кончиной легче мне.
Я стер с чела печать земли,
Я выше трепетных в пыли.
И пусть живут рабы страстей —
Противна страсть душе моей.

Безумный мир, кошмарный сон,
А жизнь есть песня похорон.
И вот я кончил жизнь мою,
Последний гимн себе пою.
А ты с тревогою больной
Не плачь напрасно
надо мной.

<1913—1915>

МОЕЙ ЦАРЕВНЕ

Я плакал на заре, когда померкли дали,
Когда стелила ночь росистую постель,
И с шепотом волны рыданья замирали,
И где-то вдалеке им вторила свирель.

Сказала мне волна: «Напрасно мы тоскуем»,—
И, сбросив свой покров, зарылась в берега,
А бледный серп луны холодным поцелуем
С улыбкой застудил мне слезы в жемчуга.

И я принес тебе, царевне ясноокой,
Тот жемчуг слез моих печали одинокой
И нежную вуаль из пенности волны.

Но сердце хмельное любви моей не радо...
Отдай же мне за все, чего тебе не надо,
Отдай мне поцелуй за поцелуй луны.

<1913—1915>

ЧАРЫ

В цветах любви весна-царевна
По роще косы расплела,
И с хором птичьего молебна
Поют ей гимн колокола.
Пьяна под чарами веселья,
Она, как дым, скользит в лесах,
И золотое ожерелье
Блестит в косматых волосах.
А вслед ей пьяная русалка
Росою плещет на луну.
И я, как страстная фиалка,
Хочу любить, любить весну.

<1913—1915>

БУРЯ

Дрогнули листочки, закачались клены,
С золотистых веток полетела пы́ль...
Зашумели ветры, охнул лес зеленый,
Зашептался с эхом высохший ковыль...

Плачет у окошка пасмурная буря,
Понагнулись ветлы к мутному стеклу
И качают ветки, голову понуря,
И с тоской угрюмой смотрят в полумглу...

А вдали, чернея, выползают тучи,
И ревет сердито грозная река,
Подымают брызги водяные кручи,
Словно мечет землю сильная рука.

<1913—1915>

* * *

Ты ушла и ко мне не вернешься,
Позабыла ты мой уголок
И теперь ты другому смеешься,
Укрываяся в белый платок.

Мне тоскливо, и скучно, и жалко,
Неуютно камин мой горит,
Но измятая в книжке фиалка
Все о счастье былом говорит.

<1913—1915>

БАБУШКИНЫ СКАЗКИ

В зимний вечер по задворкам
Разухабистой гурьбой
По сугробам, по пригоркам
Мы идем, бредем домой.
Опостылеют салазки,
И садимся в два рядка
Слушать бабушкины сказки
Про Ивана-дурака.
И сидим мы, еле дышим.
Время к полночи идет.
Притворимся, что не слышим,
Если мама спать зовет.
Сказки все. Пора в постели...
Но, а как теперь уж спать?
И опять мы загалдели,
Начинаем приставать.
Скажет бабушка несмело:
«Что ж сидеть-то до зари?»
Ну, а нам какое дело —
Говори да говори.

<1913—1915>

ЛЕБЕДУШКА

Из-за леса, леса темного,
Подымалась красна зорюшка,
Рассыпала ясной радугой
Огоньки-лучи багровые.

Загорались ярким пламенем
Сосны старые, могучие,
Наряжали сетки хвойные
В покрывала златотканые.

А кругом роса жемчужная
Отливала блестки алые,
И над озером серебряным
Камыши, склонясь, шепталися.

В это утро вместе с солнышком
Уж из тех ли темных зарослей
Выплывала, словно зоренька,
Белоснежная лебедушка.

Позади ватагой стройною
Подвигались лебежатушки,
И дробилась гладь зеркальная
На колечки изумрудные.

И от той ли тихой заводи,
Посередь того ли озера,
Пролегла струя далекая
Лентой темной и широкою.

Уплывала лебедь белая
По ту сторону раздольную,
Где к затону молчаливому
Прилегла трава шелковая.

У побережья зеленого,
Наклонив головки нежные,
Перешептывались лилии
С ручейками тихозвонными.

Как и стала звать лебедушка
Своих малых лебежатушек
Погулять на луг пестреющий,
Пощипать траву душистую.

Выходили лебежатушки
Теребить траву-муравушку,
И росинки серебристые,
Словно жемчуг, осыпалися.

А кругом цветы лазоревы
Распускали волны пряные
И, как гости чужедальние,
Улыбались дню веселому.

И гуляли детки малые
По раздолью по широкому,
А лебедка белоснежная,
Не спуская глаз, дозорила.

Пролетал ли коршун рощею,
Иль змея ползла равниною,
Гоготала лебедь белая,
Созывая малых детушек.

Хоронились лебежатушки
Под крыло ли материнское,
И когда гроза скрывалася,
Снова бегали-резвилися.

Но не чуяла лебедушка,
Не видала оком доблестным,
Что от солнца золотистого
Надвигалась туча черная —

Молодой орел под облаком
Расправлял крыло могучее
И бросал глазами молнии
На равнину бесконечную.

Видел он у леса темного,
На пригорке у расщелины,
Как змея на солнце выползла
И свилась в колечко, грелася.

И хотел орел со злобою
Как стрела на землю кинуться,
Но змея его заметила
И под кочку притаилася.

Взмахом крыл своих под облаком
Он расправил когти острые
И, добычу поджидаючи,
Замер в воздухе распластанный.

Но глаза его орлиные
Разглядели степь далекую,
И у озера широкого
Он увидел лебедь белую.

Грозный взмах крыла могучего
Отогнал седое облако,
И орел, как точка черная,
Стал к земле спускаться кольцами.

В это время лебедь белая
Оглянула гладь зеркальную
И на небе отражавшемся
Увидала крылья длинные.

Встрепенулася лебедушка,
Закричала лебежатушкам,
Собралися детки малые
И под крылья схоронилися.

А орел, взмахнувши крыльями,
Как стрела на землю кинулся,
И впилися когти острые
Прямо в шею лебединую.

Распустила крылья белые
Белоснежная лебедушка
И ногами помертвелыми
Оттолкнула малых детушек.

Побежали детки к озеру,
Понеслись в густые заросли,
А из глаз родимой матери
Покатились слезы горькие.

А орел когтями острыми
Раздирал ей тело нежное,
И летели перья белые,
Словно брызги, во все стороны.

Колыхалось тихо озеро,
Камыши, склонясь, шепталися,
А под кочками зелеными
Хоронились лебежатушки.

<1913—1915>

КОРОЛЕВА

Пряный вечер. Гаснут зори.
По траве ползет туман.
У плетня на косогоре
Забелел твой сарафан.

В чарах звездного напева
Обомлели тополя.
Знаю, ждешь ты, королева,
Молодого короля.

Коромыслом серп двурогий
Плавно по небу скользит.
Там, за рощей, по дороге
Раздается звон копыт.

Скачет всадник загорелый,
Крепко держит повода.
Увезет тебя он смело
В чужедальни города.

Пряный вечер. Гаснут зори.
Слышен четкий храп коня.
Ах, постой на косогоре
Королевой у плетня.

<1913—1915>

ПОРОША

Еду. Тихо. Слышны звоны
Под копытом на снегу.
Только серые вороны
Расшумелись на лугу.

Заколдован невидимкой,
Дремлет лес под сказку сна.
Словно белою косынкой
Повязалася сосна.

Понагнулась, как старушка,
Оперлася на клюку,
А под самою макушкой
Долбит дятел на суку.

Скачет конь, простору много.
Валит снег и стелет шаль.
Бесконечная дорога
Убегает лентой вдаль.

<1914>

СЕЛО

(Пер<евод> из Шевченко)

Село! В душе моей покой.
Село в Украйне дорогой.
И, полный сказок и чудес,
Кругом села зеленый лес.
Цветут сады, белеют хаты,
А на горе стоят палаты,
И перед крашеным окном
В шелковых листьях тополя,
А там всё лес, и всё поля,
И степь, и горы за Днепром...
И в небе темно-голубом
Сам Бог витает над селом.

<1914>

* * *

Колокол дремавший
Разбудил поля,
Улыбнулась солнцу
Сонная земля.

Понеслись удары
К синим небесам,
Звонко раздается
Голос по лесам.

Скрылась за рекою
Белая луна,
Звонко побежала
Резвая волна.

Тихая долина
Отгоняет сон,
Где-то за дорогой
Замирает звон.

<1914>

КУЗНЕЦ

Душно в кузнице угрюмой,
И тяжел несносный жар,
И от визга и от шума
В голове стоит угар.
К наковальне наклоняясь,
Машут руки кузнеца,
Сетью красной рассыпаясь,
Вьются искры у лица.
Взор отважный и суровый
Блещет радугой огней,
Словно взмах орла, готовый
Унестись за даль морей...
Куй, кузнец, рази ударом,
Пусть с лица струится пот.
Зажигай сердца пожаром,
Прочь от горя и невзгод!
Закали свои порывы,
Преврати порывы в сталь
И лети мечтой игривой
Ты в заоблачную даль.

Там вдали, за черной тучей,
За порогом хмурых дней,
Реет солнца блеск могучий
Над равнинами полей.
Тонут пастбища и нивы
В голубом сиянье дня,
И над пашнею счастливо
Созревают зеленя.
Взвейся к солнцу с новой силой,
Загорись в его лучах.
Прочь от робости постылой.
Сбрось скорей постыдный страх.
. . . .

<1914>

С ДОБРЫМ УТРОМ!

Задремали звезды золотые,
Задрожало зеркало затона,
Брезжит свет на заводи речные
И румянит сетку небосклона.

Улыбнулись сонные березки,
Растрепали шелковые косы.
Шелестят зеленые сережки,
И горят серебряные росы.

У плетня заросшая крапива
Обрядилась ярким перламутром
И, качаясь, шепчет шаловливо:
«С добрым утром!»

<1914>

ЮНОСТЬ

Мечты и слезы,
Цветы и грезы
        Тебе дарю.

От тихой ласки
И нежной сказки
        Я весь горю.

А сколько муки
Святые звуки
        Наносят мне!

Но силой тертой
Пошлю все к черту.
        Иди ко мне.

<1914>

3*

ЕГОРИЙ

В синих далях плоскогорий,
В лентах облаков
Собирал святой Егорий
Белыих волков.

«Ой ли, светы, [ратобойцы],
Слухайте мой сказ.
У меня в лихом изгойце
Есть поклон до вас.

Все волчицы строят гнезда
В муромских лесах.
В их глазах застыли звезды
На ребячий страх.

И от тех ли серолобых
Ваш могучий род,
Как и вы, сгорает в злобах
Грозовой оплот.

Долго злились, долго бились
В пуще вы тайком,
Но недавно помирились
С русским мужиком.

Там с закатных поднебесий
Скочет враг — силен,
Как на эти ли полесья
Затаил полон.

Чую, выйдет лохманида —
Не ужиться вам,
Но уж черная планида
Машет по горам».

Громовень подняли волки:
«Мы ль тросовики!
Когти остры, зубы колки —
Разорвем в клоки!»

Собирались все огулом
Вырядить свой суд.
Грозным криком, дальним гулом
Замирал их гуд.

Как почуяли облаву,
Вышли на бугор.
«Ты веди нас на расправу,
Храбрый наш Егор!»

«Ладно,— молвил им Егорий,—
Я вас поведу
Меж далеких плоскогорий,
Укрочу беду».

Скачет всадник с длинной пикой,
Распугал всех сов.
И дрожит земля от крика
Волчьих голосов.

<1914>

МОЛИТВА МАТЕРИ

На краю деревни старая избушка,
Там перед иконой молится старушка.

Молится старушка, сына поминает,
Сын в краю далеком родину спасает.

Молится старушка, утирает слезы,
А в глазах усталых расцветают грезы.

Видит она поле, это поле боя,
Сына видит в поле — павшего героя.

На груди широкой запеклася рана,
Сжали руки знамя вражеского стана.

И от счастья с горем вся она застыла,
Голову седую на руки склонила.

И закрыли брови редкие сединки,
А из глаз, как бисер, сыплются слезинки.

<1914>

БОГАТЫРСКИЙ ПОСВИСТ

Грянул гром. Чашка неба расколота.
Разорвалися тучи тесные.
На подвесках из легкого золота
Закачались лампадки небесные.
Отворили ангелы окно высокое,
Видят — умирает тучка безглавая,
А с запада, как лента широкая,
Подымается заря кровавая.
Догадалися слуги Божии,
Что недаром земля просыпается,
Видно, мол, немцы негожие
Войной на мужика подымаются.
Сказали ангелы солнышку:
«Разбуди поди мужика, красное,
Потрепи его за головушку,
Дескать, беда для тебя опасная».
Встал мужик, из ковша умывается,
Ласково беседует с домашней птицею,
Умывшись, в лапти наряжается
И достает сошники с палицею.

Думает мужик дорогой в кузницу:
«Проучу я харю поганую».
И на ходу со злобы тужится,
Скидает с плечей сермягу рваную.
Сделал кузнец мужику пику вострую,
И уселся мужик на клячу брыкучую.
Едет он дорогой пестрою,
Насвистывает песню могучую.
Выбирает мужик дорожку приметнее,
Едет, свистит, ухмыляется.
Видят немцы — задрожали дубы столетние,
На дубах от свиста листы валятся.
Побросали немцы шапки медные,
Испугались посвисту богатырского...
Правит Русь праздники победные,
Гудит земля от звона монастырского.

<1914>

БЕЛЬГИЯ

Побеждена, но не рабыня,
Стоишь ты гордо без доспех,
Осквернена твоя святыня,
Зато душа чиста, как снег.
Кровавый пир в дыму пожара
Устроил грозный сатана,
И под мечом его удара
Разбита храбрая страна.
Но дух свободный, дух могучий
Великих сил не угасил,
Он, как орел, парит за тучей
Над цепью доблестных могил.
И жребий правды совершится:
Падет твой враг к твоим ногам
И будет с горестью молиться
Твоим разбитым алтарям.

<1914>

СИРОТКА

(Русская сказка)

Маша — круглая сиротка.
Плохо, плохо Маше жить,
Злая мачеха сердито
Без вины ее бранит.

Неродимая сестрица
Маше места не дает.
Плачет Маша втихомолку
И украдкой слезы льет.

Не перечит Маша брани,
Не теряет дерзких слов,
А коварная сестрица
Отбивает женихов.

Злая мачеха у Маши
Отняла ее наряд,
Ходит Маша без наряда,
И ребята не глядят.

Ходит Маша в сарафане,
Сарафан весь из заплат,
А на мачехиной дочке
Бусы с серьгами гремят.

Сшила Маша на подачки
Сарафан себе другой
И на голову надела
Полушалок голубой.

Хочет Маша понарядней
В церковь Божию ходить
И у мачехи сердитой
Просит бусы ей купить.

Злая мачеха на Машу
Засучила рукава,
На устах у бедной Маши
Так и замерли слова.

Вышла Маша, зарыдала,
Только некуда идти,
Побежала б на кладбище,
Да могилки не найти.

Замела седая вьюга
Поле снежным полотном,
По дороженькам ухабы,
И сугробы под окном.

Вышла Маша на крылечко,
Стало больно ей невмочь.
А кругом лишь воет ветер,
А кругом лишь только ночь.

Плачет Маша у крылечка,
Притаившись за углом,
И заплаканные глазки
Утирает рукавом.

Плачет Маша, крепнет стужа,
Злится Дедушка Мороз,
А из глаз ее, как жемчуг,
Вытекают капли слез.

Вышел месяц из-за тучек,
Ярким светом заиграл.
Видит Маша — на приступке
Кто-то бисер разметал.

От нечаянного счастья
Маша глазки подняла
И застывшими руками
Крупный жемчуг собрала.

Только Маша за колечко
Отворяет дверь рукой,—
А с высокого сугроба
К ней бежит старик седой:

«Эй, красавица, постой-ка,
Замела совсем пурга!
Где-то здесь вот на крылечке
Позабыл я жемчуга».

Маша с тайною тревогой
Робко глазки повела
И сказала, запинаясь:
«Я их в фартук собрала».

И из фартука стыдливо,
Заслонив рукой лицо,
Маша высыпала жемчуг
На обмерзшее крыльцо.

«Стой, дитя, не сыпь, не надо,—
Говорит старик седой,—
Это бисер ведь на бусы,
Это жемчуг, Маша, твой».

Маша с радости смеется,
Закраснелася, стоит,
А старик, склонясь над нею,
Так ей нежно говорит:

«О дитя, я видел, видел,
Сколько слез ты пролила
И как мачеха лихая
Из избы тебя гнала.

А в избе твоя сестрица
Любовалася собой
И, расчесывая косы,
Хохотала над тобой.

Ты рыдала у крылечка,
А кругом мела пурга,
Я в награду твои слезы
Заморозил в жемчуга.

За тебя, моя родная,
Стало больно мне невмочь
И озлобленным дыханьем
Застудил я мать и дочь.

Вот и вся моя награда
За твои потоки слез...
Я ведь, Маша, очень добрый,
Я ведь Дедушка Мороз».

И исчез мороз трескучий...
Маша жемчуг собрала
И, прислушиваясь к вьюге,
Постояла и ушла.

Утром Маша рано-рано
Шла могилушку копать.
В это время царедворцы
Шли красавицу искать.

Приказал король им строго
Обойти свою страну
И красавицу собою
Отыскать себе жену.

Увидали они Машу,
Стали Маше говорить,
Только Маша порешила
Прежде мертвых схоронить.

Тихо справили поминки,
На душе утихла боль,
И на Маше, на сиротке,
Повенчался сам король.

<1914>

УЗОРЫ

Девушка в светлице вышивает ткани,
На канве в узорах копья и кресты.
Девушка рисует мертвых на поляне,
На груди у мертвых — красные цветы.

Нежный шелк выводит храброго героя,
Тот герой отважный — принц ее души.
Он лежит, сраженный в жаркой схватке боя,
И в узорах крови смяты камыши.

Кончены рисунки. Лампа догорает.
Девушка склонилась. Помутился взор.
Девушка тоскует. Девушка рыдает.
За окошком полночь чертит свой узор.

Траурные косы тучи разметали,
В пряди тонких локон впуталась луна.
В трепетном мерцанье, в белом покрывале
Девушка, как призрак, плачет у окна.

<1914>

ЧТО ЭТО ТАКОЕ?

В этот лес завороженный
По пушинкам серебра
Я с винтовкой заряженной
На охоту шел вчера.
По дорожке чистой, гладкой
Я прошел, не наследил...
Кто ж катался здесь украдкой?
Кто здесь падал и ходил?
Подойду, взгляну поближе:
Хрупкий снег изломан весь.
Здесь вот когти, дальше — лыжи...
Кто-то странный бегал здесь.
Кабы твердо знал я тайну
Заколдованным речам,
Я узнал бы хоть случайно,
Кто здесь бродит по ночам.
Из-за елки бы высокой
Подсмотрел я на кругу:
Кто глубокий след далекий
Оставляет на снегу?..

<1914>

ЯМЩИК

За ухабины степные
Мчусь я лентой пустырей.
Эй вы, соколы родные,
Выносите поскорей!

Низкорослая слободка
В повечерешнем дыму.
Заждалась меня красотка
В чародейном терему.

Светит в темень позолотой
Размалевана дуга.
Ой вы, санки-самолеты,
Пуховитые снега!

Звоны резки, звоны гулки,
Бубенцам в шлее не счет.
А как гаркну на проулке,
Выбегает весь народ.

Выйдут парни, выйдут девки
Славить зимни вечера.
Голосатые запевки
Не смолкают до утра.

<1914>

УДАЛЕЦ

Ой, мне дома не сидится,
Размахнуться б на войне.
Полечу я быстрой птицей
На саврасом скакуне.

Не ревите, мать и тетка,
Слезы сушат удальца.
Подарила мне красотка
Два серебряных кольца.

Эх, достану я ей пикой
Душегрейку на меху.
Пусть от радости великой
Ходит ночью к жениху.

Ты гори, моя зарница,
Не страшён мне вражий стан.
Зацелует баловница,
Как куплю ей сарафан.

Отчего вам хныкать, бабы,
Домекнуться не могу.
Али руки эти слабы,
Что пешню согнут в дугу.

Буду весел я до гроба,
Удалая голова.
Провожай меня, зазноба,
Да держи свои слова.

<1914—1915>

* * *

Вечер, как сажа,
Льется в окно.
Белая пряжа
Ткет полотно.

Пляшет гасница,
Прыгает тень.
В окна стучится
Старый плетень.

Липнет к окошку
Черная гать.
Девочку-крошку
Байкает мать.

Взрыкает зыбка
Сонный тропарь:
«Спи, моя рыбка,
Спи, не гутарь».

<1914—1916>

* * *

Прячет месяц за овинами
Желтый лик от солнца ярого.
Высоко над луговинами
По востоку пышет зарево.
Пеной рос заря туманится,
Словно глубь очей невестиных.
Прибрела весна, как странница,
С посошком в лаптях берестяных.
На березки в роще теневой
Серьги звонкие повесила
И с рассветом в сад сиреневый
Мотыльком порхнула весело.

<1914—1916>

* * *

По лесу леший кричит на сову,
Прячутся мошки от птичек в траву.
Ау!

Спит медведиха, и чудится ей:
Колет охотник острогой детей.
Ау!

Плачет она и трясет головой:
— Детушки-дети, идите домой.
Ау!

Звонкое эхо кричит в синеву:
— Эй ты, откликнись, кого я зову!
Ау!

<1914—1916>

* * *

За рекой горят огни,
Погорают мох и пни.
Ой, купало, ой, купало,
Погорают мох и пни.

Плачет леший у сосны —
Жалко летошней весны.
Ой, купало, ой, купало,
Жалко летошней весны.

А у наших у ворот
Пляшет девок корогод.
Ой, купало, ой, купало,
Пляшет девок корогод.

Кому радость, кому грех,
А нам радость, а нам смех.
Ой, купало, ой, купало,
А нам радость, а нам смех.

<1914—1916>

МОЛОТЬБА

Вышел за́раня дед
На гумно молотить:
«Выходи-ка, сосед,
Старику подсобить».

Положили гурьбой
Золотые снопы.
На гумне вперебой
Зазвенели цепы.

И ворочает дед
Немолоченый край:
«Постучи-ка, сосед,
Выбивай каравай».

И под сильной рукой
Вылетает зерно.
Тут и солод с мукой,
И на свадьбу вино.

За тяжелой сохой
Эта доля дана.
Тучен колос сухой —
Будет брага хмельна.

<1914—1916>

* * *

На лазоревые ткани
Пролил пальцы багрянец.
В темной роще, по поляне,
Плачет смехом бубенец.

Затуманились лощины,
Серебром покрылся мох.
Через прясла и овины
Кажет месяц белый рог.

По дороге лихо, бойко,
Развевая пенный пот,
Скачет бешеная тройка
На поселок в хоровод.

Смотрят девушки лукаво
На красавца сквозь плетень.
Парень бравый, кучерявый
Ломит шапку набекрень.

Ярче розовой рубахи
Зори вешние горят.
Позолоченные бляхи
С бубенцами говорят.

<1915>

* * *

На небесном синем блюде
Желтых туч медовый дым.
Грезит ночь. Уснули люди.
Только я тоской томим.

Облаками перекрещен,
Сладкий дым вдыхает бор.
За кольцо небесных трещин
Тянет пальцы косогор.

На болоте крячет цапля,
Четко хлюпает вода,
А из туч глядит, как капля,
Одинокая звезда.

Я хотел бы в мутном дыме
Той звездой поджечь леса
И погинуть вместе с ними,
Как зарница — в небеса.

<1915>

ГРЕЦИЯ

Могучий Ахиллес громил твердыни Трои.
Блистательный Патрокл сраженный умирал.
А Гектор меч о траву вытирал
И сыпал на врага цветущие левкои.

Над прахом горестно слетались с плачем сои,
И лунный серп сеть туник прорывал.
Усталый Ахиллес на землю припадал,
Он нес убитого в родимые покои.

Ах, Греция! мечта души моей!
Ты сказка нежная, но я к тебе нежней,
Нежней, чем к Гектору, герою, Андромаха.

Возьми свой меч. Будь Сербии сестрою.
Напомни миру сгибнувшую Трою,
И для вандалов пусть чернеют меч и плаха.

<1915>

ПОЛЬША

Над Польшей облако кровавое повисло,
И капли красные сжигают города.
Но светит в зареве былых веков звезда.
Под розовой волной, вздымаясь, плачет Висла.

В кольце времен с одним оттенком смысла
К весам войны подходят все года.
И победителю за стяг его труда
Сам враг кладет цветы на чашки коромысла.

О Польша, светлый сон в сырой тюрьме Костюшки,
Невольница в осколках ореола.
Я вижу: твой Мицкевич заряжает пушки.

Ты мощною рукой сеть плена распорола.
Пускай горят родных краев опушки,
Но слышен звон побед к молебствию костела.

<1915>

ЧЕРЕМУХА

Черемуха душистая
С весною расцвела
И ветки золотистые,
Что кудри, завила.
Кругом роса медвяная
Сползает по коре,
Под нею зелень пряная
Сияет в серебре.
А рядом, у проталинки,
В траве, между корней,
Бежит, струится маленький
Серебряный ручей.
Черемуха душистая,
Развесившись, стоит,
А зелень золотистая
На солнышке горит.
Ручей волной гремучею
Все ветки обдает
И вкрадчиво под кручею
Ей песенки поет.

<1915>

* * *

Рюрику Ивневу

Я одену тебя побирушкой,
Подпояшу оструганным лыком.
Упираяся толстою клюшкой,
Уходи ты к лесным повиликам.

У стогов из сухой боровины
Шьет русалка из листьев обновы.
У ней губы краснее малины,
Брови черные круче подковы.

Ты скажи ей: «Я странник усталый,
Равнодушный к житейским потерям».
Скинь-покинь свой армяк полинялый,
Проходи с нею к зарослям в терем.

Соберутся русалки с цветами,
Заведут под гармони гулянку
И тебя по заре с петухами
Поведут провожать на полянку.

Побредешь ты, воспрянутый духом,
Будешь зыкать прибаски на цевне
И навстречу горбатым старухам
Скинешь шапку с поклоном деревне.

29 марта 1915 г.

* * *

О дитя, я долго плакал над судьбой твоей,
С каждой ночью я тоскую все сильней, сильней...

Знаю, знаю, скоро, скоро, на закате дня,
Понесут с могильным пеньем хоронить меня...

Ты увидишь из окошка белый саван мой,
И сожмется твое сердце от тоски немой...

О дитя, я долго плакал с тайной теплых слов,
И застыли мои слезы в бисер жемчугов...

И связал я ожерелье для тебя из них,
Ты надень его на шею в память дней моих!

<1915>

ПОБИРУШКА

Плачет девочка-малютка у окна больших хором,
А в хоромах смех веселый так и льется серебром.
Плачет девочка и стынет на ветру осенних гроз,
И ручонкою иззябшей вытирает капли слез.

Со слезами она просит хлеба черствого кусок,
От обиды и волненья замирает голосок.
Но в хоромах этот голос заглушает шум утех,
И стоит малютка, плачет под веселый, резвый смех.

<1915>

ДЕВИЧНИК

Я надену красное монисто,
Сарафан запетлю синей рюшкой.
Позовите, девки, гармониста,
Попрощайтесь с ласковой подружкой.

Мой жених, угрюмый и ревнивый,
Не велит заглядывать на парней.
Буду петь я птахой сиротливой,
Вы ж пляшите дробней и угарней.

Как печальны девичьи потери,
Грустно жить оплаканной невесте.
Уведет жених меня за двери,
Будет спрашивать о девической чести.

Ах, подружки, стыдно и неловко:
Сердце робкое охватывает стужа.
Тяжело беседовать с золовкой,
Лучше жить несчастной, да без мужа.

<1915>

ГОРОД

Храня завет родных поверий —
Питать к греху стыдливый страх,
Бродил я в каменной пещере,
Как искушаемый монах.
Как муравьи кишели люди
Из щелей выдолбленных глыб,
И, схилясь, двигались их груди,
Что чешуя скорузлых рыб.
В моей душе так было гулко
В пеленках камня и кремней.
На каждой ленте переулка
Стонал коровий рев теней.
Дризжали дроги, словно стекла,
В лицо кнутом грозила даль,
А небо хмурилось и блекло,
Как бабья сношенная шаль.
С улыбкой змейного грешенья
Девичий смех меня манул,
Но я хранил завет крещенья —
Плевать с молитвой в сатану.

Как об ножи стальной дорогой
Рвались на камнях сапоги,
И я услышал зык от Бога:
«Забудь, что видел, и беги!»

<1915>

* * *

У крыльца в худой логушке деготь.
Струи черные расхлябились, как змейки.
Ходят куры черных змей потрогать
И в навозе чистят клюв свой клейкий.
В колымаге колкая засорень,
Без колес, как лапы, смотрят оси.
Старый дед прямит на втулке шкворень,
Словно косу долбит на покосе.
У погребки с маткой поросята,
Рядом с замесью тухлявая лоханка.
Под крылом на быльнице измятой
Ловит вшей расхохленная канка.
Под горой на пойло скачет стадо.
Плачут овцы с хлебистою жовкой.
Голосят пастушки над оградой:
«Гыть кыря!» — и щелкают веревкой.

<1915>

СТАРУХИ

Под окном балякают старухи.
Вязлый хрип их крошит тишину.
С чурбака, как скатный бисер, мухи
Улетают к лесу-шушуну.
Смотрят бабки в черные дубровы,
Где сверкают гашники зарниц,
Подтыкают пестрые поневы
И таращат веки без ресниц.
«Быть дождю,— решают в пересуде,—
Небо в куреве, как хмаровая близь.
Ведь недаром нонче на посуде
Появилась квасливая слизь,
Не зазря прокисло по махоткам
В погребах парное молоко
И не так гагачится молодкам,
Видно, дыхать бедным нелегко».
Говорят старухи о пророке,
Что на небе гонит лошадей,
А кругом в дымнистой заволоке
Веет сырью звонистых дождей.

<1915>

* * *

Я странник убогий.
С вечерней звездой
Пою я о Боге
Касаткой степной.

На шелковом блюде
Опада осин,
Послухайте, люди,
Ухлюпы трясин.

Ширком в луговины,
Целуя сосну,
Поют быстровины
Про рай и весну.

Я, странник убогий,
Молюсь в синеву.
На палой дороге
Ложуся в траву.

Покоюся сладко
Меж росновых бус;
На сердце лампадка,
А в сердце Исус.

<1915>

РАЗБОЙНИК

Стухнут звезды, стухнет месяц,
Стихнет песня соловья,
В чернобылье перелесиц
С кистенем засяду я.

У реки под косогором
Не бросай, рыбак, блесну,
По дороге темным бором
Не считай, купец, казну!

Руки цепки, руки хватки,
Не зазря зовусь ухват:
Загребу парчу и кадки,
Дорогой сниму халат.

В темной роще заряница
Чешет елью прядь волос;
Выручай меня, ножница:
Раздается стук колес.

Не дознаться глупым людям,
Где копил-хранил деньгу;
Захотеть — так все добудем
Темной ночью на лугу!

<1915>

* * *

Белая свитка и алый кушак,
Рву я по грядкам зардевшийся мак.

Громко звенит за селом хоровод,
Там она, там она песни поет.

Помню, как крикнула, шигая в сруб:
«Что же, красив ты, да сердцу не люб.

Кольца кудрей твоих ветрами жжет,
Гребень мой вострый другой бережет».

Знаю, чем чужд ей и чем я не мил:
Меньше плясал я и меньше всех пил.

Кротко я с грустью стоял у стены:
Все они пели и были пьяны.

Счастье его, что в нем меньше стыда,
В шею ей лезла его борода.

Свившись с ним в жгучее пляски кольцо,
Брызнула смехом она мне в лицо.

Белая свитка и алый кушак,
Рву я по грядкам зардевшийся мак.

Маком влюбленное сердце цветет...
Только не мне она песни поет.

<1915>

ПЛЯСУНЬЯ

Ты играй, гармонь, под трензель,
Отсыпай, плясунья, дробь!
На платке краснеет вензель,
Знай прищелкивай, не робь!

Парень бравый, синеглазый
Загляделся не на смех.
Веселы твои проказы,
Зарукавник — словно снег.

Улыбаются старушки,
Приседают старики.
Смотрят с завистью подружки
На шелковы косники.

Веселись, пляши угарней,
Развевай кайму фаты.
Завтра вечером от парней
Придут свахи и сваты.

<1915>

РУСИ

Тебе одной плету венок,
Цветами сыплю стежку серую.
О Русь, покойный уголок,
Тебя люблю, тебе и верую.
Гляжу в простор твоих полей,
Ты вся — далекая и близкая.
Сродни мне посвист журавлей
И не чужда тропинка склизкая.
Цветет болотная купель,
Куга зовет к вечерне длительной,
И по кустам звенит капель
Росы холодной и целительной.
И хоть сгоняет твой туман
Поток ветров, крылато дующих,
Но вся ты — смирна и ливан
Волхвов, потайственно волхвующих.

<1915>

* * *

Занеслися залетною пташкой
Панихидные вести к нам.
Родина, черная монашка,
Читает псалмы по сынам.

Красные нити часослова
Кровью окропили слова.
Я знаю — ты умереть готова,
Но смерть твоя будет жива.

В церквушке за тихой обедней
Выну за тебя просфору,
Помолюся за вздох последний
И слезу со щеки утру.

А ты из светлого рая,
В ризах белее дня,
Покрестися, как умирая,
За то, что не любила меня.

<1915>

КОЛДУНЬЯ

Косы растрепаны, страшная, белая,
Бегает, бегает, резвая, смелая.
Темная ночь молчаливо пугается,
Шалями тучек луна закрывается.
Ветер-певун с завываньем кликуш
Мчится в лесную дремучую глушь.
Роща грозится еловыми пиками,
Прячутся совы с пугливыми криками.
Машет колдунья руками костлявыми.
Звезды моргают из туч над дубравами.
Серьгами змеи под космы привешены,
Кружится с вьюгою страшно и бешено.
Пляшет колдунья под звон сосняка.
С черною дрожью плывут облака.

<1915>

ПОМИНКИ

Заслонили ветлы сиротливо
Косниками мертвые жилища.
Словно снег, белеется коливо —
На помин небесным птахам пища.

Тащат галки рис с могилок постный,
Вяжут нищие над сумками бечевки.
Причитают матери и крёстны,
Голосят невесты и золовки.

По камням, над толстым слоем пыли,
Вьется хмель, запутанный и клейкий.
Длинный поп в худой епитрахили
Подбирает черные копейки.

Под черед за скромным подаяньем
Ищут странницы отпетую могилу.
И поет дьячок за поминаньем:
«Раб усопших, Господи, помилуй».

<1915>

ДЕД

Сухлым войлоком по стёжкам
Разрыхлел в траве помет.
У гумен к репейным брошкам
Липнет мушиий хоровод.

Старый дед, согнувши спину,
Чистит вытоптанный ток
И подонную мякину
Загребает в уголок.

Щурясь к облачному глазу,
Подсекает он лопух.
Роет скрябкою по пазу
От дождей обходный круг.

Черепки в огне червонца.
Дед — как в жамковой слюде,
И играет зайчик солнца
В рыжеватой бороде.

<1915>

* * *

Наша вера не погасла,
Святы песни и псалмы.
Льется солнечное масло
На зеленые холмы.

Верю, родина, и знаю,
Что легка твоя стопа,
Не одна ведет нас к раю
Богомольная тропа.

Все пути твои — в удаче,
Но в одном лишь счастья нет:
Он закован в белом плаче
Разгадавших новый свет.

Там настроены палаты
Из церковных кирпичей;
Те палаты — казематы
Да железный звон цепей.

Не ищи меня ты в Боге,
Не зови любить и жить...
Я пойду по той дороге
Буйну голову сложить.

<1915>

РУСАЛКА ПОД НОВЫЙ ГОД

Ты не любишь меня, милый голубь,
Не со мной ты воркуешь, с другою.
Ах, пойду я к реке под горою,
Кинусь с берега в черную прорубь.

Не отыщет никто мои кости,
Я русалкой вернуся весною.
Приведешь ты коня к водопою,
И коня напою я из горсти.

Запою я тебе втихомолку,
Как живу я царевной, тоскую,
Заману я тебя, заколдую,
Уведу коня в струи за холку!

Ой, как терем стоит под водою —
Там играют русалочки в жмурки,—
Изо льда он, а окна-конурки
В сизых рамах горят под слюдою.

На постель я травы натаскаю,
Положу я тебя с собой рядом.
Буду тешить тебя своим взглядом,
Зацелую тебя, заласкаю!

<1915>

* * *

Не в моего ты Бога верила,
Россия, родина моя!
Ты как колдунья дали мерила,
И был как пасынок твой я.
Боец забыл отвагу смелую,
Пророк одрях и стал слепой.
О, дай мне руку охладелую —
Идти единою тропой.
Пойдем, пойдем, царевна сонная,
К веселой вере и одной,
Где светит радость испоконная
Неопалимой купиной.
Не клонь главы на грудь могутную
И не пугайся вещим сном.
О, будь мне матерью напутною
В моем паденье роковом.

<1916>

* * *

Закружилась пряжа снежистого льна,
Панихидный вихорь плачет у окна.
Замело дорогу вьюжным рукавом,
С этой панихидой век свой весь живем.
Пойте и рыдайте, ветры, на тропу,
Нечем нам на помин заплатить попу.
Слушай мое сердце, бедный человек,
Нам за гробом грусти не слыхать вовек.
Как помрем — без пенья, под ветряный звон
Понесут нас в церковь на мирской канон.
Некому поплакать, некому кадить,
Есть ли им охота даром приходить.
Только ветер резвый, озорник такой,
Запоет разлуку вместо упокой.

<1916>

* * *

Скупились звезды в невидимом бредне,
Жутко и страшно проснувшейся бредне.
Пьяно кружуся я в роще помятой,
Хочется звезды рукою помяти.
Блестятся гусли веселого лада,
В озере пенистом моется лада.
Груди упруги, как сочные дули,
Ластится к вихрям, чтоб в кости ей дули.
Тает, как радуга, зорька вечерня,
С тихою радостью в сердце вечерня.

<1916>

* * *

Гаснут красные крылья заката,
Тихо дремлют в тумане плетни.
Не тоскуй, моя белая хата,
Что опять мы одни и одни.

Чистит месяц в соломенной крыше
Обоймённые синью рога.
Не пошел я за ней и не вышел
Провожать за глухие стога.

Знаю, годы тревогу заглушат.
Эта боль, как и годы, пройдет.
И уста, и невинную душу
Для другого она бережет.

Не силен тот, кто радости просит,
Только гордые в силе живут.
А другой изомнет и забросит,
Как изъеденный сырью хомут.

Не с тоски я судьбы поджидаю,
Будет злобно крутить пороша́.
И придет она к нашему краю
Обогреть своего малыша.

Снимет шубу и шали развяжет,
Примостится со мной у огня...
И спокойно и ласково скажет,
Что ребенок похож на меня.

<1916>

НА ПАМЯТЬ МИШЕ МУРАШЕВУ

Сегодня синели лужи
И легкий шептал ветерок.
Знай, никому не нужен
Неба зеленый песок.

Жили и были мы в яви,
Всюду везде одни.
Ты, как весну по дубраве,
Пьешь свои белые дни.

Любишь ты, любишь, знаю,
Нежные души ласкать,
Но не допустит нас к раю
Наша земная печать.

Вечная даль перед нами,
Путь наш задумчив и прост.
Даст нам приют за холмами
Грязью покрытый погост.

15 марта 1916

* * *

Дорогой дружище Миша,
Ты как вихрь, а я как замять,
Сбереги под тихой крышей
Обо мне любовь и память.

15 марта 1916

НИЩИЙ С ПАПЕРТИ

Глаза — как выцветший лопух,
В руках зажатые монеты.
Когда-то славный был пастух,
Теперь поет про многи лета.
А вон старушка из угла,
Что слезы льет перед иконой,
Она любовь его была
И пьяный сон в меже зеленой.
На свитках лет сухая пыль.
Былого нет в заре куканьшей.
И лишь обгрызанный костыль
В его руках звенит, как раньше.
Она чужда ему теперь,
Забыла звонную жалейку.
И как пойдет, спеша, за дверь,
Подаст в ладонь ему копейку.
Он не посмотрит ей в глаза,
При встрече глаз больнее станет,
Но, покрестясь на образа,
Рабу по имени помянет.

<1916>

* * *

Месяц рогом облако бодает,
В голубой купается пыли.
В эту ночь никто не отгадает,
Отчего кричали журавли.
В эту ночь к зеленому затону
Прибегла она из тростника.
Золотые космы по хитону
Разметала белая рука.
Прибегла, в ручей взглянула прыткий,
Опустилась с болью на пенек.
И в глазах завяли маргаритки,
Как болотный гаснет огонек.
На рассвете с вьющимся туманом
Уплыла и скрылася вдали...
И кивал ей месяц за курганом,
В голубой купаяся пыли.

<1916>

* * *

Еще не высох дождь вчерашний —
В траве зеленая вода!
Тоскуют брошенные пашни,
И вянет, вянет лебеда.

Брожу по улицам и лужам,
Осенний день пуглив и дик.
И в каждом встретившемся муже
Хочу постичь твой милый лик.

Ты все загадочней и краше
Глядишь в неясные края.
О, для тебя лишь счастье наше
И дружба верная моя.

И если смерть по Божьей воле
Смежит глаза твои рукой,
Клянусь, что тенью в чистом поле
Пойду за смертью и тобой.

<1916>

* * *

В зеленой церкви за горой,
Где вербы четки уронили,
Я поминаю просфорой
Младой весны младые были.

А ты, склонившаяся ниц,
Передо мной стоишь незримо,
Шелка опущенных ресниц
Колышут крылья херувима.

Не омрачен твой белый рок
Твоей застывшею порою,
Все тот же розовый платок
Затянут смуглою рукою.

Все тот же вздох упруго жмет
Твои надломленные плечи
О том, кто за морем живет
И кто от родины далече.

И все тягуче память дня
Перед пристойным ликом жизни.
О, помолись и за меня,
За бесприютного в отчизне.

Июнь 1916
Константиново

* * *

Даль подернулась туманом,
Чешет тучи лунный гребень.
Красный вечер за куканом
Расстелил кудрявый бредень.

Под окном от скользких вётел
Перепёльи звоны ветра.
Тихий сумрак, ангел теплый,
Напоен нездешним светом.

Сон избы легко и ровно
Хлебным духом сеет притчи.
На сухой соломе в дровнях
Слаще мёда пот мужичий.

Чей-то мягкий лих за лесом,
Пахнет вишнями и мохом...
Друг, товарищ и ровесник,
Помолись коровьим вздохам.

Июнь 1916

* * *

Слушай, поганое сердце,
Сердце собачье мое.
Я на тебя, как на вора,
Спрятал в руках лезвие.

Рано ли, поздно всажу я
В ребра холодную сталь.
Нет, не могу я стремиться
В вечную сгнившую даль.

Пусть поглупее болтают,
Что их загрызла мета;
Если и есть что на свете —
Это одна пустота.

3 июля 1916

* * *

Мальвине Мироновне —
С. Есенин

В глазах пески зеленые
И облака.
По кружеву крапленому
Скользит рука.

То близкая, то дальняя,
И так всегда.
Судьба ее печальная —
Моя беда.

9 июля 1916

* * *

Небо сметаной обмазано,
Месяц как сырный кусок.
Только не с пищею связано
Сердце, больной уголок.

Хочется есть, да не этого,
Что так шуршит на зубу.
Жду я веселого, светлого,
Как молодую судьбу.

Жгуче желания множат
Душу больную мою,
Но и на гроб мне положат
С квасом крутую кутью.

9 июля 1916

ИСУС МЛАДЕНЕЦ

Собрала Пречистая
Журавлей с синицами
　　В храме:

«Пойте, веселитеся
И за всех молитеся
　　С нами!»

Молятся с поклонами
За судьбу греховную,
　　За нашу;

А маленький Боженька,
Подобравши ноженьки,
　　Ест кашу.

Подошла синица,
Бедовая птица,
　　Попросила:

«Я Тебе, Боженька,
Притомив ноженьки,
Молилась».

Журавль и скажи враз:
«Тебе и кормить нас,
Коль создал».

А Боженька наш
Поделил им кашу
И отдал.

В золоченой хате
Смотрит Божья Мати
В небо.

А сыночек маленький
Просит на завалинке
Хлеба.

Позвала Пречистая
Журавлей с синицами,
Сказала:

«Приносите, птицы,
Хлеба и пшеницы
Не мало».

Замешкались птицы —
Журавли, синицы —
Дождь прочат.

А Боженька в хате
Все теребит Мати,
Есть хочет.

Вышла Богородица
В поле, за околицу,
Кличет.

Только ветер по полю,
Словно кони, топает,
Свищет.

Боженька Маленький
Плакал на завалинке
От горя.

Плакал, обливаясь...
Прилетал тут аист
Белоперый.

Взял он осторожненько
Красным клювом Боженьку,
Умчался.

И Господь на елочке,
В аистовом гнездышке,
Качался.

Ворочалась к хате
Пречистая Мати —
Сына нету.

Собрала котомку
И пошла сторонкой
По свету.

Шла, несла не мало,
Наконец сыскала
В лесочке:

На спине катается
У Белого аиста
Сыночек.

Позвала Пречистая
Журавлей с синицами,
Сказала:

«На вечное время
Собирайте семя
Не мало.

А Белому аисту,
Что с Богом катается
    Меж веток,

Носить на завалинки
Синеглазых маленьких
    Деток».

<1916>

* * *

В багровом зареве закат шипуч и пенен,
Березки белые горят в своих венцах.
Приветствует мой стих младых царевен
И кротость юную в их ласковых сердцах.

Где тени бледные и горестные муки,
Они тому, кто шел страдать за нас,
Протягивают царственные руки,
Благословляя их к грядущей жизни час.

На ложе белом, в ярком блеске света,
Рыдает тот, чью жизнь хотят вернуть...
И вздрагивают стены лазарета
От жалости, что им сжимает грудь.

Все ближе тянет их рукой неодолимой
Туда, где скорбь кладет печать на лбу.
О, помолись, святая Магдалина,
За их судьбу.

<1916>

* * *

Без шапки, с лыковой котомкой,
Стирая пот свой, как елей,
Бреду дубравною сторонкой
Под тихий шелест тополей.

Иду, застегнутый веревкой,
Сажусь под копны на лужок.
На мне дырявая поддевка,
А поводырь мой — подожок.

Пою я стих о светлом рае,
Довольный мыслью, что живу,
И крохи сочные бросаю
Лесным камашкам на траву.

По лопуху промяты стежки,
Вдали озерный купорос,
Цепляюсь в клейкие сережки
Обвисших до земли берез.

И по кустам межи соседней,
Под возглашенья гулких сов,
Внимаю, словно за обедней,
Молебну птичьих голосов.

<1916>

* * *

День ушел, убавилась черта,
Я опять подвинулся к уходу.
Легким взмахом белого перста
Тайны лет я разрезаю воду.

В голубой струе моей судьбы
Накипи холодной бьется пена,
И кладет печать немого плена
Складку новую у сморщенной губы.

С каждым днем я становлюсь чужим
И себе, и жизнь кому велела.
Где-то в поле чистом, у межи,
Оторвал я тень свою от тела.

Неодетая она ушла,
Взяв мои изогнутые плечи.
Где-нибудь она теперь далече
И другого нежно обняла.

Может быть, склоняяся к нему,
Про меня она совсем забыла
И, вперившись в призрачную тьму,
Складки губ и рта переменила.

Но живет по звуку прежних лет,
Что, как эхо, бродит за горами.
Я целую синими губами
Черной тенью тиснутый портрет.

<1916>

МЕЧТА

(Из книги «Стихи о любви»)

1

В темной роще на зеленых елях
Золотятся листья вялых ив.
Выхожу я на высокий берег,
Где покойно плещется залив.

Две луны, рога свои качая,
Замутили желтым дымом зыбь.
Гладь озер с травой не различая,
Тихо плачет на болоте выпь.

В этом голосе обкошенного луга
Слышу я знакомый сердцу зов.
Ты зовешь меня, моя подруга,
Погрустить у сонных берегов.

Много лет я не был здесь и много
Встреч веселых видел и разлук,
Но всегда хранил в себе я строго
Нежный сгиб твоих туманных рук.

2

Тихий отрок, чувствующий кротко,
Голубей целующий в уста,—
Тонкий стан с медлительной походкой
Я любил в тебе, моя мечта.

Я бродил по городам и селам,
Я искал тебя, где ты живешь,
И со смехом, резвым и веселым,
Часто ты меня манила в рожь.

За оградой монастырской кроясь,
Я вошел однажды в белый храм:
Синею водою солнце моясь,
Свой орарь мне кинуло к ногам.

Я стоял, как инок, в блеске алом,
Вдруг сдавила горло тишина...
Ты вошла под черным покрывалом
И, поникнув, стала у окна.

3

С паперти под колокол гудящий
Ты сходила в благовоньи свеч.
И не мог я, ласково дрожащий,
Не коснуться рук твоих и плеч.

Я хотел сказать тебе так много,
Что томило душу с ранних пор,
Но дымилась тихая дорога
В незакатном полыме озер.

Ты взглянула тихо на долины,
Где в траве ползла кудряво мгла...
И упали редкие седины
С твоего увядшего чела...

Чуть бледнели складки от одежды,
И, казалось в русле темных вод,—
Уходя, жевал мои надежды
Твой беззубый, шамкающий рот.

4

Но недолго душу холод мучил.
Как крыло, прильнув к ее ногам,
Новый короб чувства я навьючил
И пошел по новым берегам.

Безо шва стянулась в сердце рана,
Страсть погасла, и любовь прошла.
Но опять пришла ты из тумана
И была красива и светла.

Ты шепнула, заслонясь рукою:
«Посмотри же, как я молода.
Это жизнь тебя пугала мною,
Я же вся как воздух и вода».

В голосах обкошенного луга
Слышу я знакомый сердцу зов.
Ты зовешь меня, моя подруга,
Погрустить у сонных берегов.

<1916>

* * *

Синее небо, цветная дуга,
Тихо степные бегут берега,
Тянется дым, у малиновых сел
Свадьба ворон облегла частокол.

Снова я вижу знакомый обрыв
С красною глиной и сучьями ив,
Грезит над озером рыжий овес,
Пахнет ромашкой и медом от ос.

Край мой! Любимая Русь и Мордва!
Притчею мглы ты, как прежде, жива.
Нежно под трепетом ангельских крыл
Звонят кресты безымянных могил.

Многих ты, родина, ликом своим
Жгла и томила по шахтам сырым.
Много мечтает их, сильных и злых,
Выкусить ягоды персей твоих.

Только я верю: не выжить тому,
Кто разлюбил твой острог и тюрьму...
Вечная правда и гомон лесов
Радуют душу под звон кандалов.

<1916>

* * *

Пушистый звон и руга,
И камень под крестом.
Стегает злая вьюга
Расщелканным кнутом.

Шаманит лес-кудесник
Про черную судьбу.
Лежишь ты, мой ровесник,
В нетесаном гробу.

Пусть снова финский ножик
Кровавит свой клинок,
Тебя не потревожит
Ни пеший, ни ездок.

И только с перелесиц
Сквозь облачный тулуп
Слезу обронит месяц
На мой завьялый труп.

<1916—1917>

* * *

Снег, словно мед ноздреватый,
Лег под прямой частокол.
Лижет теленок горбатый
Вечера красный подол.

Тихо. От хлебного духа
Снится кому-то апрель.
Кашляет бабка-старуха,
Грудью склонясь на кудель.

Рыжеволосый внучонок
Щупает в книжке листы.
Стан его гибок и тонок,
Руки белей бересты.

Выпала бабке удача,
Только одно невдомек:
Плохо решает задачи
Выпитый ветром умок.

С глазу ль, с немилого ль взора
Часто она под удой
Поит его с наговором
Преполовенской водой.

И за глухие поклоны
С лика упавших седин
Пишет им числа с иконы
Божий слуга — Дамаскин.

<1917>

* * *

К теплому свету, на отчий порог,
Тянет меня твой задумчивый вздох.

Ждут на крылечке там бабка и дед
Резвого внука подсолнечных лет.

Строен и бел, как березка, их внук,
С медом волосьев и бархатом рук.

Только, о друг, по глазам голубым —
Жизнь его в мире пригрезилась им.

Шлет им лучистую радость во мглу
Светлая дева в иконном углу.

С тихой улыбкой на тонких губах
Держит их внука она на руках.

<1917>

* * *

Есть светлая радость под сенью кустов
Поплакать о прошлом родных берегов
И, первую проседь лаская на лбу,
С приятною болью пенять на судьбу.
Ни друга, ни думы о бабьих губах
Не зреет в ее тихомудрых словах,
Но есть в ней, как вера, живая мечта
К незримому свету приблизить уста.
Мы любим в ней вечер, над речкой овес,—
И отроков резвых с медынью волос.
Стряхая с бровей своих призрачный дым,
Нам сладко о тайнах рассказывать им.
Есть нежная кротость, присев на порог,
Молиться закату и лику дорог.
В обсыпанных рощах, на сжатых полях
Грустит наша дума об отрочьих днях.
За отчею сказкой, за звоном стропил
Несет ее шорох неведомых крыл...
Но крепко в равнинах ковыльных лугов
Покоится правда родительских снов.

<1917>

* * *

Не от холода рябинушка дрожит,
Не от ветра море синее кипит.

Напоили землю радостью снега,
Снятся деду иорданские брега.

Видит в долах он озера да кусты,
Чрез озера перекинуты мосты.

Как по мостику, кудряв и желторус,
Бродит отрок, сын Иосифа, Исус.

От восхода до заката в хмаре вод
Кличет утиц он и рыбешек зовет:

«Вы сходитесь ко мне, твари, за корму,
Научите меня разуму-уму».

Как по бережку, меж вымоин и гор,
Тихо льется их беседа-разговор.

Мелка рыбешка, сплеснувшись на песок,
Подает ли свой подводный голосок:

«Уж ты, чадо, мило дитятко, Христос,
Мы пришли к тебе с поклоном на допрос.

Ты иди учись в пустынях да лесах;
Наша тайна отразилась в небесах».

<1917>

* * *

Заря над полем — как красный тын.
Плывет на тучке превечный сын.

Вот вышла бабка кормить цыплят.
Горит на небе святой оклад.

— Здорово, внучек!
                    — Здорово, свет!
— Зайди в избушку.
                    — А дома ль дед?

— Он чинит невод ловить ершей.
— А много ль деду от роду дней?

— Уж скоро девять десятков зим.—
И вспорхнул внучек, как белый дым.

С душою деда поплыл в туман,
Где зреет полдень незримых стран.

<1917>

* * *

Небо ли такое белое
Или солью выцвела вода?
Ты поешь, и песня оголтелая
Береговые вяжет повода.

Синим жерновом развеяны и смолоты
Водяные зерна на муку.
Голубой простор и золото
Опоясали твою тоску.

Не встревожен лаской угрюмою
Загорелый взмах твоей руки.
Все равно — Архангельском иль Умбою
Проплывать тебе на Соловки.

Все равно под стоптанною палубой
Видишь ты погорбившийся скит.
Подпевает тебе жалоба
Об изгибах тамошних ракит.

Так и хочется под песню свеситься
Над водою, спихивая день...
Но спокойно светит вместо месяца
Отразившийся на облаке тюлень.

1917

О РОДИНА!

О родина, о новый
С златою крышей кров,
Труби, мычи коровой,
Реви телком громов.

Брожу по синим селам,
Такая благодать.
Отчаянный, веселый,
Но весь в тебя я, мать.

В училище разгула
Крепил я плоть и ум.
С березового гула
Растет твой вешний шум.

Люблю твои пороки,
И пьянство, и разбой,
И утром на востоке
Терять себя звездой.

И всю тебя, как знаю,
Хочу измять и взять,
И горько проклинаю
За то, что ты мне мать.

<1917>

* * *

Свищет ветер под крутым забором,
Прячется в траву.
Знаю я, что пьяницей и вором
Век свой доживу.
Тонет день за красными холмами,
Кличет на межу.
Не один я в этом свете шляюсь,
Не один брожу.
Размахнулось поле русских пашен,
То трава, то снег.
Все равно, литвин я иль чувашин,
Крест мой как у всех.
Верю я, как ликам чудотворным,
В мой потайный час
Он придет бродягой подзаборным,
Нерушимый Спас.
Но, быть может, в синих клочьях дыма
Тайноводных рек
Я пройду его с улыбкой пьяной мимо,
Не узнав навек.

Не блеснет слеза в моих ресницах,
Не вспугнет мечту.
Только радость синей голубицей
Канет в темноту.
И опять, как раньше, с дикой злостью
Запоет тоска...
Пусть хоть ветер на моем погосте
Пляшет трепака.

<1917>

* * *

Заметает пурга
Белый путь,
Хочет в мягких снегах
Потонуть.

Ветер резвый уснул
На пути;
Ни проехать в лесу,
Ни пройти.

Забежала коляда
На село,
В руки белые взяла
Помело.

Гей вы, нелюди-люди,
Народ,
Выходите с дороги
Вперед!

Испугалась пурга
        На снегах,
Побежала скорей
        На луга.

Ветер тоже спросонок
        Вскочил
Да и шапку с кудрей
        Уронил.

Утром ворон к березыньке
        Стук...
И повесил ту шапку
        На сук.

<1917>

СЕЛЬСКИЙ ЧАСОСЛОВ

Вл. Чернявскому

< 1 >

О солнце, солнце,
Золотое, опущенное в мир ведро,
Зачерпни мою душу!
Вынь из кладезя мук
Страны моей.

Каждый день,
Ухватившись за цепь лучей твоих,
Карабкаюсь я в небо.
Каждый вечер
Срываюсь и падаю в пасть заката.

Тяжко и горько мне...
Кровью поют уста...
Снеги, белые снеги —
Покров моей родины —
Рвут на части.

На кресте висит
Ее тело,
Голени дорог и холмов
Перебиты...

Волком воет от запада
Ветер...
Ночь, как ворон,
Точит клюв на глаза-озёра.
И доскою надкрестною
Прибита к горе заря:

ИСУС НАЗАРЯНИН
ЦАРЬ
ИУДЕЙСКИЙ

2

О месяц, месяц!
Рыжая шапка моего деда,
Закинутая озорным внуком на сук облака,
Спади на землю...
Прикрой глаза мои!

Где ты...
Где моя родина?

Лыками содрала твои дороги
Буря,

Синим языком вылизал снег твой —
Твою белую шерсть —
Ветер...

И лежишь ты, как овца,
Дрыгая ногами в небо,
Путая небо с яслями,
Путая звезды
С овсом золотистым.

О, путай, путай!
Путай все, что видишь...
Не отрекусь принять тебя даже с солнцем,
Похожим на свинью...

Не испугаюсь просунутого пятачка его
В частокол
Души моей.

Тайна твоя велика есть.
Гибель твоя миру купель
Предвечная.

3

О красная вечерняя заря!
Прости мне крик мой.
Прости, что спутал я твою Медведицу
С черпаком водовоза.

Пастухи пустыни —
Что мы знаем?..

Только ведь приходское училище
Я кончил,
Только знаю Библию да сказки,
Только знаю, что поет овес при ветре...
Да еще
По праздникам
Играть в гармошку.

Но постиг я...
Верю, что погибнуть лучше,
Чем остаться
С содранною
Кожей.

Гибни, край мой!
Гибни, Русь моя,
Начертательница
Третьего
Завета.

4

О звезды, звезды,
Восковые тонкие свечи,
Капающие красным воском

На молитвенник зари,
Склонитесь ниже!

Нагните пламя свое,
Чтобы мог я,
Привстав на цыпочки,
Погасить его.

Он не понял, кто зажег вас,
О какой я пропел вам
Смерти.

Радуйся,
Земля!

Деве твоей Руси
Новое возвестил я
Рождение.
Сына тебе
Родит она...

Имя ему —
Израмистил.

Пой и шуми, Волга!
В синие ясли твои опрокинет она
Младенца.

Не говорите мне,
Что это
В полном круге
Будет всходить
Луна...

Это он!
Это он
Из чрева неба
Будет высовывать
Голову...

<1918>

* * *

И небо и земля все те же,
Все в те же воды я гляжусь,
Но вздох твой ледовитый реже,
Ложноклассическая Русь.

Не огражу мой тихий кров
От радости над умираньем,
Но жаль мне, жаль отдать страданью
Езекиильский глас ветров.

Шуми, шуми, реви сильней,
Свирепствуй, океан мятежный,
И в солнца золотые мрежи
Сгоняй сребристых окуней.

<1918>

* * *

Не стану никакую
Я девушку ласкать.
Ах, лишь одну люблю я,
Забыв любовь земную,
На небе Божью Мать.

В себе я мыслить волен,
В душе поет весна.
Ах, часто в келье темной
Я звал ее с иконы
К себе на ложе сна.

И в час, как полночь било,
В веселый ночи мрак
Она как тень сходила
И в рот сосцы струила
Младенцу на руках.

И, сев со мною рядом,
Она шептала мне:
«Смирись, моя услада,
Мы встретимся у сада
В небесной стороне».

<1918>

АКРОСТИХ

*Р*адость, как плотвица быстрая,
*Ю*рко светит и в воде.
*Р*уки могут церковь выстроить
И кукушке и звезде.
*К*айся нивам и черемухам,—
У живущих нет грехов.
*И*з удачи зыбы промаха
*В*оют только на коров.
*Н*е зови себя разбойником,
*Е*сли ж чист, так падай в грязь.
*В*ерь — теленку из подойника
*У*лыбается карась.

Утро, 21 января 1919

* * *

В час, когда ночь воткнет
Луну на черный палец,—
Ах, о ком? Ах, кому поет
Про любовь соловей-мерзавец?

Разве можно теперь любить,
Когда в сердце стирают зверя?
Мы идем, мы идем продолбить
Новые двери.

К черту чувства. Слова в навоз,
Только образ и мощь порыва!
Что нам солнце? Весь звездный обоз —
Золотая струя коллектива.

Что нам Индия? Что Толстой?
Этот ветер что был, что не был.
Нынче мужик простой
Пялится ширьше неба.

<Январь 1919>

* * *

Вот такой, какой есть,
Никому ни в чем не уважу,
Золотою плету я песнь,
А лицо иногда в сажу.

Говорят, что я большевик.
Да, я рад зауздать землю.
О, какой богомаз мой лик
Начертил, грозовице внемля?

Пусть Америка, Лондон пусть...
Разве воды текут обратно?
Это пляшет российская грусть,
На солнце смывая пятна.

Ф<евраль> 1919

* * *

Ветры, ветры, о снежные ветры,
Заметите мою прошлую жизнь.
Я хочу быть отроком светлым
Иль цветком с луговой межи.

Я хочу под гудок пастуший
Умереть для себя и для всех.
Колокольчики звездные в уши
Насыпает вечерний снег.

Хороша бестуманная трель его,
Когда топит он боль в пурге.
Я хотел бы стоять, как дерево,
При дороге на одной ноге.

Я хотел бы под конские храпы
Обниматься с соседним кустом.
Подымайте ж вы, лунные лапы,
Мою грусть в небеса ведром.

<1919—1920>

ПРОЩАНИЕ С МАРИЕНГОФОМ

Есть в дружбе счастье оголтелое
И судорога буйных чувств —
Огонь растапливает тело,
Как стеариновую свечу.

Возлюбленный мой! дай мне руки —
Я по-иному не привык,—
Хочу омыть их в час разлуки
Я желтой пеной головы.

Ах, Толя, Толя, ты ли, ты ли,
В который миг, в который раз —
Опять, как молоко, застыли
Круги недвижущихся глаз.

Прощай, прощай. В пожарах лунных
Дождусь ли радостного дня?
Среди прославленных и юных
Ты был всех лучше для меня.

В такой-то срок, в таком-то годе
Мы встретимся, быть может, вновь...
Мне страшно,— ведь душа проходит,
Как молодость и как любовь.

Другой в тебе меня заглушит.
Не потому ли — в лад речам —
Мои рыдающие уши,
Как весла, плещут по плечам?

Прощай, прощай. В пожарах лунных
Не зреть мне радостного дня,
Но все ж средь трепетных и юных
Ты был всех лучше для меня.

<1922>

* * *

Грубым дается радость,
Нежным дается печаль.
Мне ничего не надо,
Мне никого не жаль.

Жаль мне себя немного,
Жалко бездомных собак.
Эта прямая дорога
Меня привела в кабак.

Что ж вы ругаетесь, дьяволы?
Иль я не сын страны?
Каждый из нас закладывал
За рюмку свои штаны.

Мутно гляжу на окна,
В сердце тоска и зной.
Катится, в солнце измокнув,
Улица передо мной.

А на улице мальчик сопливый.
Воздух поджарен и сух.
Мальчик такой счастливый
И ковыряет в носу.

Ковыряй, ковыряй, мой милый,
Суй туда палец весь,
Только вот с эфтой силой
В душу свою не лезь.

Я уж готов... Я робкий...
Глянь на бутылок рать!
Я собираю пробки —
Душу мою затыкать.

1923

ПАПИРОСНИКИ

Улицы печальные,
Сугробы да мороз.
Сорванцы отчаянные
С лотками папирос.
Грязных улиц странники
В забаве злой игры,
Все они — карманники,
Веселые воры.
Тех площадь — на Никитской,
А этих — на Тверской.
Стоят с тоскливым свистом
Они там день-деньской.
Снуют по всем притонам
И, улучив досуг,
Читают Пинкертона
За кружкой пива вслух.
Пускай от пива горько,
Они без пива — вдрызг.
Все бредят Нью-Йорком,
Всех тянет в Сан-Франциск.

Потом опять печально
Выходят на мороз
Сорванцы отчаянные
С лотками папирос.

1923

* * *

Издатель славный! В этой книге
Я новым чувствам предаюсь,
Учусь постигнуть в каждом миге
Коммуной вздыбленную Русь.

Пускай о многом неумело
Шептал бумаге карандаш,
Душа спросонок хрипло пела,
Не понимая праздник наш.

Но ты видением поэта
Прочтешь не в буквах, а в другом,
Что в той стране, где власть Советов,
Не пишут старым языком.

И, разбирая опыт смелый,
Меня насмешке не предашь,—
Лишь потому так неумело
Шептал бумаге карандаш.

<1924>

ФОРМА

< 1 >

СВОЕ

Цветы на подоконнике,
Цветы, цветы.
Играют на гармонике,
Ведь слышишь ты?

Играют на гармонике,
Ну что же в том?
Мне нравятся две родинки
На лбу крутом.

Ведь ты такая нежная,
А я так груб.
Целую так небрежно я
Калину губ.

Куда ты рвешься, шалая?
Побудь, побудь...

Постой, душа усталая,
Забудь, забудь.

Она такая дурочка,
Как те и та...
Вот потому Снегурочка
Всегда мечта.

<1924>

2

НАРОДНАЯ

Подражание песенке матери

Ехал барин из Рязани,
Полтораста рублей сани.
Семисотенный конь
С раззолоченной дугой.

Уж я эту дугу
Заложить не могу.
Заложить не могу
Ни недругу, ни врагу.

Как поеду на Губань,
Соберу я разну рвань.
Соберу я разну рвань:
— Собирайте, братцы, дань.

Только рвани нынче нет —
По-другому сделан свет.
И поет гармоница,
Что исчезла вольница.

Руки врозь.
Вожжи брось.
Такая досада.
Тани нет. Тани нет,
А мне ее надо.

<1924>

ПАМЯТИ БРЮСОВА

Мы умираем,
Сходим в тишь и грусть,
Но знаю я —
Нас не забудет Русь.

Любили девушек,
Любили женщин мы
И ели хлеб
Из нищенской сумы.

Но не любили мы
Продажных торгашей.
Планета, милая,—
Катись, гуляй и пей.

Мы рифмы старые
Раз сорок повторим.
Пускать сумеем
Гоголя и дым.

Но все же были мы
Всегда одни.
Мой милый друг,
Не сетуй, не кляни!

Вот умер Брюсов,
Но помрем и мы,—
Не выпросить нам дней
Из нищенской сумы.

Но крепко вцапались
Мы в нищую суму.
Валерий Яклевич!
Мир праху твоему!

<1924>

«ЗАРЯ ВОСТОКА»

Так грустно на земле,
Как будто бы в квартире,
В которой год не мыли, не мели.
Какую-то хреновину в сем мире
Большевики нарочно завели.

Из книг мелькает лермонтовский парус,
А в голове паршивый сэр Керзон.
«Мне скучно, бес!»
«Что делать, Фауст?»
Таков предел вам, значит, положен.

Ирония! Вези меня! Вези!
Рязанским мужиком прищуривая око,
Куда ни заверни — все сходятся стези
В редакции «Зари Востока».

Приятно видеть вас, товарищ Ливщиц,
Как в озеро, смотреть вам в добрые глаза,
Но, в гранки мокрые вцепившись,
Засекретарился у вас Кара-Мурза.

И Ахобадзе...! Други, будьте глухи,
Не приходите в трепет, ни в восторг,—
Финансовый маэстро Лопатухин
Пускается со мной за строчки в торг.

Подохнуть можно от незримой скуки.
В бумажном озере навек бы утонуть!
Мне вместо Карпов видятся все щуки,
Зубами рыбьими тревожа мозг и грудь.

Поэт! Поэт!
Нужны нам деньги. Да!
То туфли лопнули, то истрепалась шляпа,
Хотя б за книжку тысчу дал Вирап,
Но разве тысячу сдерешь с Вирапа.

Вержбицкий Коля!
Тоже друг хороший,—
Отдашь стихи, а он их в самый зад,
Под объявления, где тресты да галоши,
Как будто я галошам друг и брат.

Не обольщаюсь звоном сих регалий,
Не отдаюсь ни славе, ни тщете,
В душе застрял обиженный Бен-Гали
С неизлечимой дыркой в животе.

Дождусь ли дня и радостного срока,
Поправятся ль мои печальные дела?
Ты восхитительна, «Заря Востока»,
Но «Западной» ты лучше бы была.

<1924>

ВОСПОМИНАНИЕ

Теперь октябрь не тот,
Не тот октябрь теперь.
В стране, где свищет непогода,
Ревел и выл
Октябрь, как зверь,
Октябрь семнадцатого года.

Я помню жуткий
Снежный день.
Его я видел мутным взглядом.
Железная витала тень
«Над омраченным Петроградом».

Уже все чуяли грозу.
Уже все знали что-то.
Знали,
Что не напрасно, знать, везут
Солдаты черепах из стали.

Рассыпались...
Уселись в ряд...
У публики дрожат поджилки...
И кто-то вдруг сорвал плакат
Со стен трусливой учредилки.

И началось...
Метнулись взоры,
Войной гражданскою горя,
И дымом пушечным с «Авроры»
Взошла железная заря.

Свершилась участь роковая,
И над страной под вопли «матов»
Взметнулась надпись огневая:
«Совет Рабочих Депутатов».

<1924>

ЛЬВУ ПОВИЦКОМУ

Старинный друг!
Тебя я вижу вновь
Чрез долгую и хладную
Разлуку.
Сжимаю я
Мне дорогую руку
И говорю, как прежде,
Про любовь.

Мне любо на тебя
Смотреть.
Взгрустни
И приласкай немного.
Уже я не такой,
Как впредь —
Бушуйный,
Гордый недотрога.

Перебесились мы,
Чего скрывать?
Уж я не я...
А ты ли это, ты ли?

По берегам
Морская гладь —
Как лошадь
Загнанная, в мыле.

Теперь влюблен
В кого-то я,
Люблю и тщетно
Призываю,
Но все же
Точкой корабля
К земле любимой
Приплываю.

<1924>

ЦВЕТЫ

I

Цветы мне говорят прощай,
Головками кивая низко.
Ты больше не увидишь близко
Родное поле, отчий край.

Любимые! Ну что ж, ну что ж!
Я видел вас и видел землю,
И эту гробовую дрожь
Как ласку новую приемлю.

II

Весенний вечер. Синий час.
Ну как же не любить мне вас,
Как не любить мне вас, цветы?
Я с вами выпил бы на «ты».

Шуми, левкой и резеда.
С моей душой стряслась беда.
С душой моей стряслась беда.
Шуми, левкой и резеда.

III

Ах, колокольчик! твой ли пыл
Мне в душу песней позвонил
И рассказал, что васильки
Очей любимых далеки.

Не пой! Не пой мне! Пощади.
И так огонь горит в груди.
Она пришла, как к рифме «вновь»
Неразлучимая любовь.

IV

Цветы мои! Не всякий мог
Узнать, что сердцем я продрог,
Не всякий этот холод в нем
Мог растопить своим огнем.

Не всякий, длани кто простер,
Поймать сумеет долю злую.
Как бабочка — я на костер
Лечу и огненность целую.

V

Я не люблю цветы с кустов,
Не называю их цветами.
Хоть прикасаюсь к ним устами,
Но не найду к ним нежных слов.

Я только тот люблю цветок,
Который врос корнями в землю.
Его люблю я и приемлю,
Как северный наш василек.

VI

И на рябине есть цветы,
Цветы — предшественники ягод,
Они на землю градом лягут,
Багрец свергая с высоты.

Они не те, что на земле.
Цветы рябин другое дело.
Они как жизнь, как наше тело,
Делимое в предвечной мгле.

VII

Любовь моя! Прости, прости.
Ничто не обошел я мимо.

Но мне милее на пути,
Что для меня неповторимо.

Неповторимы ты и я.
Помрем — за нас придут другие.
Но это все же не такие —
Уж я не твой, ты не моя.

VIII

Цветы, скажите мне прощай,
Головками кивая низко,
Что не увидеть больше близко
Ее лицо, любимый край.

Ну что ж! пускай не увидать.
Я поражен другим цветеньем
И потому словесным пеньем
Земную буду славить гладь.

IX

А люди разве не цветы?
О милая, почувствуй ты,
Здесь не пустынные слова.

Как стебель тулово качая,
А эта разве голова
Тебе не роза золотая?

Цветы людей и в солнь и в стыть
Умеют ползать и ходить.

X

Я видел, как цветы ходили,
И сердцем стал с тех пор добрей,
Когда узнал, что в этом мире
То дело было в октябре.

Цветы сражалися друг с другом,
И красный цвет был всех бойчей.
Их больше падало под вьюгой,
Но все же мощностью упругой
Они сразили палачей.

XI

Октябрь! Октябрь!
Мне страшно жаль
Те красные цветы, что пали.
Головку розы режет сталь,
Но все же не боюсь я стали.

Цветы ходячие земли!
Они и сталь сразят почище,
Из стали пустят корабли,
Из стали сделают жилища.

XII

И потому, что я постиг,
Что мир мне не монашья схима,
Я ласково влагаю в стих,
Что все на свете повторимо.

И потому, что я пою,
Пою и вовсе не впустую,
Я милой голову мою
Отдам, как розу золотую.

<1924>

БАТУМ

Корабли плывут
В Константинополь.
Поезда уходят на Москву.
От людского шума ль
Иль от скопа ль
Каждый день я чувствую
Тоску.

Далеко я,
Далеко заброшен,
Даже ближе
Кажется луна.
Пригоршнями водяных горошин
Плещет черноморская
Волна.

Каждый день
Я прихожу на пристань,
Провожаю всех,
Кого не жаль,

И гляжу все тягостней
И пристальней
В очарованную даль.

Может быть, из Гавра
Иль Марселя
Приплывет
Луиза иль Жаннет,
О которых помню я
Доселе,
Но которых
Вовсе — нет.

Запах моря в привкус
Дымно-горький.
Может быть,
Мисс Митчел
Или Клод
Обо мне вспомянут
В Нью-Иорке,
Прочитав сей вещи перевод.

Все мы ищем
В этом мире буром
Нас зовущие
Незримые следы.
Не с того ль,
Как лампы с абажуром,
Светятся медузы из воды?

Оттого
При встрече иностранки
Я под скрипы
Шхун и кораблей
Слышу голос
Плачущей шарманки
Иль далекий
Окрик журавлей.

Не она ли это?
Не она ли?
Ну да разве в жизни
Разберешь?
Если вот сейчас ее
Догнали
И умчали
Брюки клеш.

Каждый день
Я прихожу на пристань,
Провожаю всех,
Кого не жаль,
И гляжу все тягостней
И пристальней
В очарованную даль.

А другие здесь
Живут иначе.
И недаром ночью

Слышен свист,—
Это значит,
С ловкостью собачьей
Пробирается контрабандист.

Пограничник не боится
Быстри.
Не уйдет подмеченный им
Враг,
Оттого так часто
Слышен выстрел
На морских, соленых
Берегах.

Но живуч враг,
Как ни вздынь его,
Потому синеет
Весь Батум.
Даже море кажется мне
Индиго
Под бульварный
Смех и шум.

А смеяться есть чему
Причина.
Ведь не так уж много
В мире див.

Ходит полоумный
Старичина,
Петуха на темень посадив.

Сам смеясь,
Я вновь иду на пристань,
Провожаю всех,
Кого не жаль,
И гляжу все тягостней
И пристальней
В очарованную даль.

<1924>

КАПИТАН ЗЕМЛИ

Еще никто
Не управлял планетой,
И никому
Не пелась песнь моя.
Лишь только он
С рукой своей воздетой
Сказал, что мир —
Единая семья.

Не обольщен я
Гимнами герою,
Не трепещу
Кровопроводом жил.
Я счастлив тем,
Что сумрачной порою
Одними чувствами
Я с ним дышал
И жил.

Не то что мы,
Которым все так
Близко,—
Впадают в диво
И слоны,
Как скромный мальчик
Из Симбирска
Стал рулевым
Своей страны.

Средь рева волн
В своей расчистке,
Слегка суров
И нежно мил,
Он много мыслил
По-марксистски,
Совсем по-ленински
Творил.

Нет!
Это не разгулье Стеньки!
Не пугачевский
Бунт и трон!
Он никого не ставил
К стенке.
Все делал
Лишь людской закон.

Он в разуме,
Отваги полный,
Лишь только прилегал
К рулю,
Чтобы об мыс
Дробились волны,
Простор давая
Кораблю.

Он — рулевой
И капитан.
Страшны ль с ним
Шквальные откосы?
Ведь, собранная
С разных стран,
Вся партия его —
Матросы.

Не трусь,
Кто к морю не привык:
Они за лучшие
Обеты
Зажгут,
Сойдя на материк,
Путеводительные светы.

Тогда поэт
Другой судьбы,
И уж не я,
А он меж вами

Споет вам песни
В честь борьбы
Другими,
Новыми словами.

Он скажет:
«Только тот пловец,
Кто, закалив
В бореньях душу,
Открыл для мира наконец
Никем не виданную
Сушу».

17 января 1925
Батум

1 МАЯ

Есть музыка, стихи и танцы,
Есть ложь и лесть...
Пускай меня бранят за стансы —
В них правда есть.

Я видел праздник, праздник мая —
И поражен.
Готов был сгибнуть, обнимая
Всех дев и жен.

Куда пойдешь, кому расскажешь
На чье-то «хны»,
Что в солнечной купались пряже
Балаханы?

Ну как тут в сердце гимн не высечь,
Не впасть как в дрожь?
Гуляли, пели сорок тысяч
И пили тож.

Стихи! стихи! Не очень лефте!
Простей! Простей!
Мы пили за здоровье нефти
И за гостей.

И, первый мой бокал вздымая,
Одним кивком
Я выпил в этот праздник мая
За Совнарком.

Второй бокал, чтоб так, не очень
Вдрезину лечь,
Я выпил гордо за рабочих
Под чью-то речь.

И третий мой бокал я выпил,
Как некий хан,
За то, чтоб не сгибалась в хрипе
Судьба крестьян.

Пей, сердце! Только не в упор ты,
Чтоб жизнь губя...
Вот потому я пил четвертый
Лишь за себя.

<1925>

* * *

Неуютная жидкая лунность
И тоска бесконечных равнин,—
Вот что видел я в резвую юность,
Что, любя, проклинал не один.

По дорогам усохшие вербы
И тележная песня колес...
Ни за что не хотел я теперь бы,
Чтоб мне слушать ее привелось.

Равнодушен я стал к лачугам,
И очажный огонь мне не мил.
Даже яблонь весеннюю вьюгу
Я за бедность полей разлюбил.

Мне теперь по душе иное...
И в чахоточном свете луны
Через каменное и стальное
Вижу мощь я родной стороны.

Полевая Россия! Довольно
Волочиться сохой по полям!
Нищету твою видеть больно
И березам и тополям.

Я не знаю, что будет со мною...
Может, в новую жизнь не гожусь,
Но и все же хочу я стальною
Видеть бедную, нищую Русь.

И, внимая моторному лаю
В сонме вьюг, в сонме бурь и гроз,
Ни за что я теперь не желаю
Слушать песню тележных колес.

<1925>

* * *

Я помню, любимая, помню
Сиянье твоих волос...
Не радостно и не легко мне
Покинуть тебя привелось.

Я помню осенние ночи,
Березовый шорох теней...
Пусть дни тогда были короче,
Луна нам светила длинней.

Я помню, ты мне говорила:
«Пройдут голубые года,
И ты позабудешь, мой милый,
С другою меня навсегда».

Сегодня цветущая липа
Напомнила чувствам опять,
Как нежно тогда я сыпал
Цветы на кудрявую прядь.

И сердце, остыть не готовясь
И грустно другую любя,
Как будто любимую повесть
С другой вспоминает тебя.

<1925>

* * *

Я иду долиной. На затылке кепи,
В лайковой перчатке смуглая рука.
Далеко сияют розовые степи,
Широко синеет тихая река.

Я — беспечный парень. Ничего не надо.
Только б слушать песни — сердцем подпевать,
Только бы струилась легкая прохлада,
Только б не сгибалась молодая стать.

Выйду за дорогу, выйду под откосы —
Сколько там нарядных мужиков и баб!
Что-то шепчут грабли, что-то свищут косы...
«Эй, поэт, послушай, слаб ты иль не слаб?

На земле милее. Полно плавать в небо.
Как ты любишь долы, так бы труд любил.
Ты ли деревенским, ты ль крестьянским не был?
Размахнись косою, покажи свой пыл».

Ах, перо — не грабли, ах, коса — не ручка,—
Но косой выводят строчки хоть куда.
Под весенним солнцем, под весенней тучкой
Их читают люди всякие года.

К черту я снимаю свой костюм английский.
Что же, дайте косу, я вам покажу —
Я ли вам не свойский, я ли вам не близкий,
Памятью деревни я ль не дорожу?

Нипочем мне ямы, нипочем мне кочки.
Хорошо косою в утренний туман
Выводить по долам травяные строчки,
Чтобы их читали лошадь и баран.

В этих строчках — песня, в этих строчках — слово.
Потому и рад я в думах ни о ком,
Что читать их может каждая корова,
Отдавая плату теплым молоком.

18 июля 1925

* * *

Тихий ветер. Вечер сине-хмурый.
Я смотрю широкими глазами.
В Персии такие ж точно куры,
Как у нас в соломенной Рязани.

Тот же месяц, только чуть пошире,
Чуть желтее и с другого края.
Мы с тобою любим в этом мире
Одинаково со всеми, дорогая.

Ночи теплые,— не в воле я, не в силах,
Не могу не прославлять, не петь их.
Так же девушки здесь обнимают милых
До вторых до петухов, до третьих.

Ах, любовь! Она ведь всем знакома,
Это чувство знают даже кошки,
Только я с отчизной и без дома
От нее сбираю скромно крошки.

Счастья нет. Но горевать не буду —
Есть везде родные сердцу куры,
Для меня рассеяны повсюду
Молодые чувственные дуры.

С ними я все радости приемлю
И для них лишь говорю стихами:
Оттого, знать, люди любят землю,
Что она пропахла петухами.

<1925>

* * *

Море голосов воробьиных.
Ночь, а как будто ясно.
Так ведь всегда прекрасно.
Ночь, а как будто ясно,
И на устах невинных
Море голосов воробьиных.

Ах, у луны такое,—
Светит — хоть кинься в воду.
Я не хочу покоя
В синюю эту погоду.
Ах, у луны такое,—
Светит — хоть кинься в воду.

Милая, ты ли? та ли?
Эти уста не устали.
Эти уста, как в струях,
Жизнь утолят в поцелуях.
Милая, ты ли? та ли?
Розы ль мне то нашептали?

Сам я не знаю, что будет.
Близко, а, может, гдей-то
Плачет веселая флейта.
В тихом вечернем гуде
Чту я за лилии груди.
Плачет веселая флейта,
Сам я не знаю, что будет.

<1925>

* * *

Плачет метель, как цыганская скрипка.
Милая девушка, злая улыбка,
Я ль не робею от синего взгляда?
Много мне нужно и много не надо.

Так мы далеки и так не схожи —
Ты молодая, а я все прожил.
Юношам счастье, а мне лишь память
Снежною ночью в лихую замять.

Я не заласкан — буря мне скрипка.
Сердце метелит твоя улыбка.

4/5 октября 1925

* * *

Ах, метель такая, просто черт возьми!
Забивает крышу белыми гвоздьми.
Только мне не страшно, и в моей судьбе
Непутевым сердцем я прибит к тебе.

4/5 октября 1925

* * *

Снежная равнина, белая луна,
Саваном покрыта наша сторона.
И березы в белом плачут по лесам.
Кто погиб здесь? Умер? Уж не я ли сам?

4/5 октября 1925

* * *

Клен ты мой опавший, клен заледенелый,
Что стоишь нагнувшись под метелью белой?

Или что увидел? Или что услышал?
Словно за деревню погулять ты вышел.

И, как пьяный сторож, выйдя на дорогу,
Утонул в сугробе, приморозил ногу.

Ах, и сам я нынче чтой-то стал нестойкий,
Не дойду до дома с дружеской попойки.

Там вон встретил вербу, там сосну приметил,
Распевал им песни под метель о лете.

Сам себе казался я таким же кленом,
Только не опавшим, а вовсю зеленым.

И, утратив скромность, одуревши в доску,
Как жену чужую, обнимал березку.

28 ноября 1925

* * *

Какая ночь! Я не могу...
Не спится мне. Такая лунность!
Еще как будто берегу
В душе утраченную юность.

Подруга охладевших лет,
Не называй игру любовью.
Пусть лучше этот лунный свет
Ко мне струится к изголовью.

Пусть искаженные черты
Он обрисовывает смело,—
Ведь разлюбить не сможешь ты,
Как полюбить ты не сумела.

Любить лишь можно только раз.
Вот оттого ты мне чужая,
Что липы тщетно манят нас,
В сугробы ноги погружая.

Ведь знаю я и знаешь ты,
Что в этот отсвет лунный, синий
На этих липах не цветы —
На этих липах снег да иней.

Что отлюбили мы давно,
Ты — не меня, а я — другую,
И нам обоим все равно
Играть в любовь недорогую.

Но все ж ласкай и обнимай
В лукавой страсти поцелуя,
Пусть сердцу вечно снится май
И та, что навсегда люблю я.

30 ноября 1925

* * *

Не гляди на меня с упреком,
Я презренья к тебе не таю,
Но люблю я твой взор с поволокой
И лукавую кротость твою.

Да, ты кажешься мне распростертой,
И, пожалуй, увидеть я рад,
Как лиса, притворившись мертвой,
Ловит воронов и воронят.

Ну и что же, лови, я не струшу,
Только как бы твой пыл не погас,—
На мою охладевшую душу
Натыкались такие не раз.

Не тебя я люблю, дорогая,
Ты — лишь отзвук, лишь только тень.
Мне в лице твоем снится другая,
У которой глаза — голубень.

Пусть она и не выглядит кроткой
И, пожалуй, на вид холодна,
Но она величавой походкой
Всколыхнула мне душу до дна.

Вот такую едва ль отуманишь,
И не хочешь пойти, да пойдешь,
Ну, а ты даже в сердце не вранишь
Напоенную ласкою ложь.

Но и все же, тебя презирая,
Я смущенно откроюсь навек:
Если б не было ада и рая,
Их бы выдумал сам человек.

1 декабря 1925

* * *

Ты меня не любишь, не жалеешь,
Разве я немного не красив?
Не смотря в лицо, от страсти млеешь,
Мне на плечи руки опустив.

Молодая, с чувственным оскалом,
Я с тобой не нежен и не груб.
Расскажи мне, скольких ты ласкала?
Сколько рук ты помнишь? Сколько губ?

Знаю я — они прошли, как тени,
Не коснувшись твоего огня,
Многим ты садилась на колени,
А теперь сидишь вот у меня.

Пусть твои полузакрыты очи,
И ты думаешь о ком-нибудь другом,
Я ведь сам люблю тебя не очень,
Утопая в дальнем дорогом.

Этот пыл не называй судьбою,
Легкодумна вспыльчивая связь,—
Как случайно встретился с тобою,
Улыбнусь, спокойно разойдясь.

Да и ты пойдешь своей дорогой
Распылять безрадостные дни,
Только нецелованных не трогай,
Только негоревших не мани.

И когда с другим по переулку
Ты пройдешь, болтая про любовь,
Может быть, я выйду на прогулку,
И с тобою встретимся мы вновь.

Отвернув к другому ближе плечи
И немного наклонившись вниз,
Ты мне скажешь тихо: «Добрый вечер...»
Я отвечу: «Добрый вечер, miss».

И ничто души не потревожит,
И ничто ее не бросит в дрожь,—
Кто любил, уж тот любить не может,
Кто сгорел, того не подожжешь.

4 декабря 1925

* * *

Может, поздно, может, слишком рано,
И о чем не думал много лет,
Походить я стал на Дон-Жуана,
Как заправский ветреный поэт.

Что случилось? Что со мною сталось?
Каждый день я у других колен.
Каждый день к себе теряю жалость,
Не смиряясь с горечью измен.

Я всегда хотел, чтоб сердце меньше
Билось в чувствах нежных и простых,
Что ж ищу в очах я этих женщин —
Легкодумных, лживых и пустых?

Удержи меня, мое презренье,
Я всегда отмечен был тобой.
На душе холодное кипенье
И сирени шелест голубой.

На душе — лимонный свет заката,
И все то же слышно сквозь туман,—
За свободу в чувствах есть расплата,
Принимай же вызов, Дон-Жуан!

И, спокойно вызов принимая,
Вижу я, что мне одно и то ж —
Чтить метель за синий цветень мая,
Звать любовью чувственную дрожь.

Так случилось, так со мною сталось,
И с того у многих я колен,
Чтобы вечно счастье улыбалось,
Не смиряясь с горечью измен.

13 декабря 1925

* * *

Кто я? Что я? Только лишь мечтатель,
Перстень счастья ищущий во мгле,
Эту жизнь живу я словно кстати,
Заодно с другими на земле.

И с тобой целуюсь по привычке,
Потому что многих целовал,
И, как будто зажигая спички,
Говорю любовные слова.

«Дорогая», «милая», «навеки»,
А в уме всегда одно и то ж,
Если тронуть страсти в человеке,
То, конечно, правды не найдешь.

Оттого душе моей не жестко
Ни желать, ни требовать огня,
Ты, моя ходячая березка,
Создана для многих и меня.

Но, всегда ища себе родную
И томясь в неласковом плену,
Я тебя нисколько не ревную,
Я тебя нисколько не кляну.

Кто я? Что я? Только лишь мечтатель,
Синь очей утративший во мгле,
И тебя любил я только кстати,
Заодно с другими на земле.

<1925>

* * *

До свиданья, друг мой, до свиданья.
Милый мой, ты у меня в груди.
Предназначенное расставанье
Обещает встречу впереди.

До свиданья, друг мой, без руки, без слова,
Не грусти и не печаль бровей,—
В этой жизни умирать не ново,
Но и жить, конечно, не новей.

<1925>

Стихи на случай
Частушки

* * *

«Пророк» мой кончен, слава Богу.
Мне надоело уж писать.
Теперь я буду понемногу
Свои ошибки разбирать.

<1913>

* * *

Перо не быльница,
Но в нем есть звон.
Служи, чернильница,
Лесной канон.
О мати вечная,
Святой покров.
Любовь заречная —
Без слов.

6 октября 1915

* * *

Любовь Столица, Любовь Столица,
О ком я думал, о ком гадал.
Она как демон, она как львица,—
Но лик невинен и зорьно ал.

<1915>

ЧАСТУШКИ

(О поэтах)

Я сидела на песке
У моста высокова.
Нету лучше из стихов
Александра Блокова.

Сделала свистулечку
Из ореха грецкого.
Веселее нет и звонче
Песен Городецкого.

Неспокойная была,
Неспокой оставила.
Успокоили стихи
Кузмина Михаила.

Шел с Орехова туман,
Теперь идет из Зуева.
Я люблю стихи в лаптях
Миколая Клюева.

Дуют ветры от реки,
Дуют от околицы.
Есть и ситец и парча
У Любови Столицы.

Заливается в углу
Таракан, как пеночка.
Не подумай, что растешь,
Таня Ефименочка.

Ах, сыпь, ах, жарь,
Маяковский — бездарь.
Рожа краской питана,
Обокрал Уитмана.

Пляшет Брюсов по Тверской
Не мышом, а крысиной.
Дяди, дяди, я большой,
Скоро буду с лысиной.

<1915—1917>

Ох, батюшки, ох-ох-ох,
Есть поэт Мариенгоф.
Много кушал, много пил,
Без подштанников ходил.

Квас сухарный, квас янтарный,
Бочка старо-новая.
У Васятки у Каменского
Голова дубовая.

<1918—1919>

* * *

Не надо радости всем ласкостям дешевым,
Я счастлив тем, что выпил с Мурашевым.

Пасха, 1916 г.,
10 ап<реля>, 12$^1/_2$ ч. ночи

* * *

Не стихов златая пена
И не Стенькина молва,—
Пониковская Елена
Тонко вяжет кружева.
Лес в них закутался,
Я — запутался.

<1918>

КАК ДОЛЖНА РЕКОМЕНДОВАТЬСЯ МАРИНА

Скажу вам речь не плоскую,
В ней все слова важны:
Мариной Ивановскою
Вы звать меня должны.

Меня легко обрамите:
Я маленький портрет.
Сейчас учусь я грамоте,
И скоро мне шесть лет.

Глазенки мои карие
И щечки не плохи.
Ах, иногда в ударе я
Могу читать стихи.

Перо мое не славится,
Подчас пишу не в лад,
Но больше всего нравится
Мне кушать «шыколат».

19 января 1924

* * *

Если будешь
Писать так же,
Помирай лучше
Сейчас же!

1924

* * *

За все,
        что минуло,—
Целую в губы
Сокола милого.

1924

* * *

Эх, жизнь моя,
Улыбка девичья.
За Гольдшмита пьем
И за Галькевича.

Будет пуст стакан,
Как и жизнь пуста.
Прижимай, Муран,
Свой бокал к устам.

5 октября 1924
Баку

* * *

Милая Пераскева,
Ведь Вы не Ева!
Всякие штуки бросьте,
Любите Костю.
Дружбой к Вам нежной осенен,
Остаюсь — Сергей Есенин.

P.S.
Пьем всякую штуку.
Жму Вашу руку.

<1924>

КЛАВДИИ АЛЕКСАНДРОВНЕ ЛЮБИМОВОЙ

Из всякого сердца вынется
Какой-нибудь да привет.
Да здравствует именинница
На много лет!

Я знаю Вас очень недавно,
Клавдия Александровна,
Но жить Вам — богатеть,
Кунеть да — мохнатеть!

К следующему году —
Прибавок к роду.
А через два годы,—
Детей, как ягоды.

<1924>

* * *

Калитка моя
Бревенчатая.
Девки, бабы
Поют о весне.

Прыгает грач
Над пашнею.
Проклинайте вы все
Долю вчерашнюю.

Довольно гнуть
Спины.
Я встретился с ней
У овина.

Говорил ей словами
О своей судьбе.
Умирающая деревня,
Вечная память тебе.

<1924—1925>

* * *

Никогда я не забуду ночи,
Ваш прищур, цилиндр мой и диван.
И как в вас телячьи пучил очи
Всем знакомый Ванька и Иван.

Никогда над жизнью не грустите,
У нее корявых много лап.
И меня, пожалуйста, простите
За ночной приблудный пьяный храп.

19 марта 1925

* * *

Пускай я порою от спирта вымок,
Пусть сердце слабеет, тускнеют очи,
Но, Гурвич! взглянувши на этот снимок,
Ты вспомни меня и «Бакинский рабочий».

Не знаю, мой праздник иль худший день их,
Мы часто друг друга по-сучьи лаем,
Но если бы Фришберг давал всем денег,
Тогда бы газета была нам раем.

25 апреля 1925
Баку

* * *

Самые лучшие минуты
Были у милой Анюты.
Ее взоры, как синие дверцы,
В них любовь моя,
        в них и сердце.

12 июня 1925

* * *

Милый Вова,
Здорово.
У меня не плохая
«Жись»,
Но если ты не женился,
То не женись.

<26 июля 1925>

* * *

Пил я водку, пил я виски,
Только жаль, без вас, Быстрицкий.

Нам не нужно адов, раев,
Только б Валя жил Катаев.

Потому нам близок Саша,
Что судьба его как наша.

<1925>

* * *

И так всегда. За пьяною пирушкой,
Когда свершается всех дней круговорот,
Любой из нас, приподнимая кружку,
В нее слезу нечаянно прольет.

Мы все устали. Да, устали очень.
И потому наш голос за тобой —
За васильковые, смеющиеся очи
Над недовольною и глупою судьбой.

<1925>

Отрывки
Неоконченное

* * *

Ты на молитву мне ответь,
В которой я тебя прошу.
Я буду песни тебе петь,
Тебя в стихах провозглашу.

<1911>

И.Д.РУДИНСКОМУ

по поводу посещения им нашей школы
17-го ноября 1911 г.

Вы к нам явилися, как солнце
Среди тумана серых туч,
И, заглянув в души моей оконце,
Свой бросили животворящий луч.

Тот луч согрел во мне остывшие...

<1911>

* * *

Кто скажет и откроет мне,
Какую тайну в тишине
Хранят растения немые
И где следы творенья рук?
Ужели все дела святые
Ужели всемогущий звук
Живого слова сотворил?

<1913>

* * *

Холодней, чем у сколотой проруби,
Поджидаешь ты томного дня.
Проклевали глаза твои — голуби
Непрощенным укором меня.

<1916>

* * *

Не пора ль перед новым Посемьем
Отплеснуться вам, слова, от Каялы.
Подымайтесь малиновым граем,
Сполыхните сухояловый омеж,
Скряньте настно белесые обжи,
Оборатуйте кодолом Карну.
Что шумит, что звенит за курганом,
Что от нудыша мутит осоку?
Распевает в лесу лунь-птица,
Причитает над тихим Доном.
Не заря оседлала вечер
Аксамитником алым, расшитым,
Не туман во степи белеет
Над сукроем холмов сохатых —
Оторочилось синее небо,
Оск<л>обляет облако зубы.
К<а>к сидит под ольхой дорога,
Натирает зеленые скулы,
Чешет пуп человеческим шагом...

<1917>

* * *

При луне хороша одна,
При солнце зовет другая.
Не пойму я, с какого вина
Захмелела душа молодая?

<До 1919>

* * *

Вот они, толстые ляжки
Этой похабной стены.
Здесь по ночам монашки
Снимают с Христа штаны.

<1919>

* * *

Возлюбленную злобу настежь —
И в улицы душ прекрасного зверя.
Крестами убийств крестят вас те же,
Кто кликал раньше с другого берега...

Говорю: идите во имя меня
Под это благословенье!
Ирод — нет лучше имени —
А я ваш Ирод, славяне.

<1919>

* * *

Не жалею вязи дней прошедших,
Что прошло, то больше не придет.
И луна, как солнце сумасшедших,
Тихо ляжет в голубую водь...

<1925>

СИНИЙ ДЕНЬ. ДЕНЬ ТАКОЙ СИНИЙ

I

Чтоб не ругалась больная мать,
Я приду, как ... сука,
У порога околевать.

Ты ведь видишь, что ночь хорошая,
Нет ни холода, ни тепла.
Так зачем же под лунной порошею
В эту ночь ты совсем не спала?

Не спала почему? Скажи мне,
Я все [вынесу], все перенесу [переживу].
И хоть месяцем желтым выжну
Непосеянную полосу.

Весне зима есть,
Да, зима!
Ты ее ведь видела, любимая, сама.
Береза, как в метель с зеленым рукавом,
Хотя печалится, но не по мне живом.

Скажи же, милая, когда она печалится?
Кругом весна, и жизнь моя кончается.
Но к гробу уходя и смерть приняв постель
древесную метель.

Вот потому всегда, когда мой глаз остер,
Мне душу греет так рябиновый костер,
Но все пройдет навек, как этот жар
в груди,
Береза милая, постой, не уходи.

II

Сани. Сани. Конский бег.
Поле. Петухи да ветер.
Полюбил я русский снег
Тем, что чист и светел.

Сам я русский и далек,
Никогда не скрою:
Та звезда, что дал мне рок,
Пропадет со мною.

*

Ночь проходит. Свет потух.
За окном поет петух.

И зачем в такую рань
Он поет — дурак и дрянь?

Но коль есть в том смысл и знак,
Я такой, как он, дурак.

*

Небо хмурое. Небо сурится.
К голосам я привычен и глух.
Лишь тебя только, доброй курицы,
Я желаю, далекий петух.

Нам ведь нечего делать и надо ли?
Сдохну я, только ты не ложись.
У моей, я хотел бы, падали
Процветала куриная жизнь.

III

Ты ведь видишь, что небо серое
Так и виснет и липнет к очам.
Ты прости, что я в Бога не верую —
Я молюсь ему по ночам.

Так мне нужно. И нужно молиться.
И, желая чужого тепла,
Чтоб душа, как бескрылая птица,
От земли улететь не могла.

<Октябрь 1925>

* * *

Буря воет, буря злится,
. . . .
Из-за туч луна, как птица,
Проскользнуть крылом стремится,
Освещая рыхлый снег.
. . . .
. . . .
Страшно хочется подраться
С пьяным тополем в саду.
. . . .
. . . .
...дверь откроешь на крыльцо,
Буря жесткой горстью снега
Саданет тебе в лицо.
. . . .
. . . .
Ну, да разве мне расстаться
С этой негой и теплом.
С недопитой рюмкой рома
Побеседуем вдвоем.

<1925>

Коллективное

КАНТАТА*

I

Сквозь туман кровавый смерти,
Чрез страданье и печаль
Мы провидим, — верьте, верьте —
Золотую высь и даль.

Всех, кто был вчера обижен,
Обойден лихой судьбой,
С дымных фабрик, черных хижин
Мы скликаем в светлый бой.

Пусть последней будет данью
Наша жизнь и тяжкий труд.
Верьте, верьте, там за гранью
Зори новые цветут.

2

Спите, любимые братья,
Снова родная земля
Неколебимые рати
Движет под стены Кремля.

---

* Первая часть произведения написана М.Герасимовым, вторая — С.Есениным, третья — С.Клычковым.

Новые в мире зачатья,
Зарево красных зарниц...
Спите, любимые братья,
В свете нетленных гробниц.

Солнце златою печатью
Стражей стоит у ворот...
Спите, любимые братья,
Мимо вас движется ратью
К зорям вселенским народ.

3

Сойди с креста, народ распятый,
Преобразись, проклятый враг,
Тебе грозит судьба расплатой
За каждый твой неверный шаг.

В бою последнем нет пощады,
Но там, за гранями побед,
Мы вас принять в объятья рады,
Простив неволю долгих лет.

Реви, земля, последней бурей,
Сзывай на бой, скликай на пир.
Пусть светит новый день в лазури,
Преображая старый мир.

Осень 1918

Варианты

Пребывание в школе

Беловой автограф (РИАМЗ)

13	I	Только и там я могу и лишь в ней
	II	Только там я могу отдохнуть
15	I	Только лишь там я могу отдохнуть
	II	*как в тексте.*

Отойди от окна

Беловой автограф (РИАМЗ)

Между 9 *и* 10 *зачеркнуто:*

Что тебе о

Капли

Беловой автограф (РГБ)

7	I	И как печальны
	II	*как в тексте.*

Моей царевне

Беловой автограф (ИМЛИ)

Заглавие	Сонет
10	Кораллы слез моих, печали одинокой

«Колокол дремавший...»

Журн. «Мирок», М., 1914, № 4, апр.

Заглавие	Пасхальный благовест
10	Бледная луна

Егорий

Черновой автограф (РНБ, ф. К.К. Владимирова)

1	I	В синем облаке <?>
	II	*как в тексте.*
6	I	Слухайте приказ
	II	Слухайте мой глас
	III	*как в тексте.*
7	I	У меня ль в ином <?>
	II	*как в тексте.*
8	I	Повелел сам Спас
	II	*как в тексте.*
16	I	Гнездовой оплот
	II	*как в тексте.*

После 16 *зачеркнуто:*

Как на это ли полесье
Ой вы <?>

17—20	I	Но недавно помирились С русским мужиком. Долго злились, долго бились В пуще вы тайком.
	II	*как в тексте.*
21—24	I	Вот на это ли полесье Мыслил он полон
	II	Вот на это ли полесье Затаил полон Как с закатной Вс<кочит?>
	III	Как на эти ли полесья Затаил полон. Там с закатных поднебесий Скочет враг силен.
	IV	*как в тексте.*

После 28 *зачеркнуто:*

Как загнали ли
В

После 36 *зачеркнуто:*

I Ой ты, храбрый наш воя<ка>
II Ой ты, храбрый наш вои<тель>

Молитва матери

Журн. «Доброе утро». М., 1915, № 11, 10 февр.

3 Молитва старушки сына поминает
7—10 Видит она поле, поле перед боем,
Где лежит убитым сын ее героем.

На груди широкой брызжет кровь, что пламя,
А в руках застывших вражеское знамя.

«Вечер, как сажа...»

Беловой автограф («Зарянка» — ИРЛИ)

2 I Липнет в окно
II *как в тексте.*

«Прячет месяц за овинами...»

Беловой автограф («Зарянка» — ИРЛИ)

9 I <То? Но?> березка в роще теневой
II *как в тексте.*

«За рекой горят огни...»

Беловой автограф («Зарянка» — ИРЛИ)

14 I А мне радость, а мне смех
II *как в тексте.*

«На лазоревые ткани...»

Журн. «Русская мысль». М.; Пг., 1915, Кн. 7, июль; журн. «Северная звезда». Пг., 1916, № 1, 1 янв.; альманах «Северное сияние». Пг. 1916.

Заглавие	Вечер
2	Пролил краски багрянец

Черемуха

Журн. «Мирок». М., [1915], Кн. 3, март.

После 8:

И кисточки атласные
Под жемчугом росы
Горят, как серьги ясные
У девицы-красы.

Девичник

Еж.ж., 1915, № 6, июнь.

14	Сердце кроткое охватывает стужа

«Я странник убогий...»

Копия автографа, сделанная в 1926 году В.С.Чернявским (ГЛМ). (Местонахождение автографа ныне неизвестно).

1—4
Я странник улогой
В кубетке сырой,
Пою я про Бога,
Как сыч за горой.

13—16
Я странник улогой,
Лишь в песнях живу,
Зеленой дорогой
Ложуся в траву.

Беловой автограф (ИРЛИ); беловой автограф (Архив М.П.Мурашева, хранится у наследников. Москва); P_{16}.

Заглавие	Улогий
1—2	Я странник улогий В кубетке сырой
13	Я странник улогий

«Белая свитка и алый кушак...»

Р16:

3	Громко звенит за селом корогод
20	Эх, да не мне она песни поет!

«Наша вера не погасла...»

Известия Шацкого Уездного Исполкома Комитета Советов рабочих, красноармейских и крестьянских депутатов. 1918, 5 июня, № 27.

4	На родимые холмы

«Гаснут красные крылья заката...»

«Страда». Лит. сб. Пг., 1916.

Заглавие	Теплый вечер
1—2	Теплый вечер грызет воровато Луговые поёмы и пни.
9—11	Не беда, что и видел я зыбку; Эта скорбь ее сердца не жжет Только девичью честь и улыбку

«Даль подернулась туманом...»

Беловой автограф (РНБ, ф. И.И.Ясинского)

2	Странник день и лыс и бледен
5	За попоной карих ветел
12	Краше девок пот мужичий.
После 12:	
	Теплят ясли в ризах скользких Пламень правды и покоя.

Желтый хлев окаплен воском
Молока парных удоев.

Список с белового автографа, сделанный А.А.Козловским. Автограф хранился в собрании К.Л.Зелинского, местонахождение его в настоящее время неизвестно.

2 Диск луны жужжит как овод
4 Расстелил кудрявый невод
5 По двору от скользких ветел
9—12 Теплят ясли в ризах скользких
Пламень правды и покоя.
Желтый хлев окаплен воском
Молока парных удоев.

Фотокопия белового автографа (ГЛМ)

13 Чей-то мягкий лик за лесом

Альбом З.В.Гейман (местонахождение альбома в настоящее время неизвестно); Собр. ст. (Стихи и проза. Т. 4)

3 Красный вечер над куканом
16 Помолись коровьим вздохом.

Исус младенец

Еж.ж., 1916, № 12, дек.; список для цензурного Комитета рукой неустановленного лица (РГИА)

33 Послала

Список для цензурного Комитета рукой неустановленного лица (РГИА)

57 И умчался

Исус младенец. [Пг.], 1918

61 Воротилась к хате

Еж.ж., 1916, № 12, дек.; список для цензурного Комитета рукой неустановленного лица (РГИА); Исус младенец. [Пг.], 1918.

73 Собрала Пречистая

«Без шапки, с лыковой котомкой...»

Беловой автограф (Архив М. П. Мурашева, хранится у наследников. Москва); Бирж. вед., 1916, 15 (28) авг., № 15741.

Заглавие		Странник
3—4		Бреду дубровною сторонкой Под стихлый шелест тополей.
6		Сажусь под сосны на лужок
11		И крохи смачные бросаю
16		Обвислых до земи берез.

Беловой автограф (ИМЛИ)

3	I	Бреду дубровною сторонкой
	II	*как в тексте.*
16	I	Повисших до земли берез
	II	*как в тексте.*

Мечта

Беловой автограф (ИРЛИ)

Заглавие	I	Жгемь*
	II	Мечта**
2		Золотятся листья с вялых ив
26—27		Я вошел однажды в светлый храм: Белою водою солнце моясь
31		Ты взошла под черным покрывалом
37—40		Я хотел сказать тебе так нежно, Что искал тебя от ранних лет, Но в молчание любви моей безбрежной Ты сама мне кинула ответ.
43—44		Показала редкие седины, Улыбнулась горько и ушла...

---

* Жгемь — мечта, дума *(прим. Есенина).*

** *Рукой редактора Еж.ж.*

45 I Ты махнула складками одежды
II Чуть махали складки от одежды
46 И скрываясь в русло темных вод
50 Показав рассудку черный шрам.

«Снег, словно мед ноздреватый...»

Беловой автограф (ИРЛИ, ф. В.С.Миролюбова)
10 В книгу уставил глаза
12 Руки белы, как уза

Г. тр. кр. 1918, 26 июня, № 157; журн. «Вестник Воронежского округа путей сообщения», 1919, №8/9, март.
5 Тихо от хлебного духа

О родина!

Свободный журнал. Пг., 1917, № 6, дек.
Заглавие *отсутствует*
1—4 О родина, счастливый
И неисходный час.
Нет лучше, нет красивей
Твоих коровьих глаз.

Сельский часослов

Черновой автограф (РГАЛИ)
Заглавие *зачеркнуто и не читаемо*
Посвящение *отсутствует*

< I >

9—10 I Каждый вечер срываюсь
[И падаю] И падаю
пред холмом
с горы заката

на снега
на жесткие плечи.
II Каждый вечер срываюсь
И падаю на закат
III Каждый вечер срываюсь
и падаю
в мои
IV Каждый вечер срываюсь
и падаю
под закат
V Каждый вечер срываюсь
И падаю
В пасть заката.
11 I Тяжко мне, горько мне
II *как в тексте.*
12 I Кровью поют глаза
II *как в тексте.*
15 I Рвут на части
Воители
II Рвут на части
Слуги
III *как в тексте.*
После 15 *зачеркнуто:*
Чем одену поля
Чем умою весну твою
Крыл<?>
Знаю
О весна, о дождь и ветер
Не вы губами своими
Без весны оголяют
[Овсяные] [аржаные колени]
[Овсяные] ржаные плечи

[Холмов]
Долин
16—17 I Край мой!
На кресте висит твое
Тело
II На кресте висит ее
тело
18—19 I Голени холмов
окр<овавлены>
II Ребра холмов
Перебиты
III *как в тексте.*
24—25 I И доскою надкрестною
Встает
заря
II И доскою надкрестною
Прибита к горе
заря.

2

После 5 варианты не вошедшей в текст строфы:
I Больно мне [видеть]
[Висящую на кресте]
II Больно мне
[не хочу]
[видеть]
[Капающую с] на кресте
[Кровь из иссеченных ребер]
III Больно мне,
не хочу
видеть
Застывающую на кресте

[гроздьями калины]
кровь
IV Больно мне,
не хочу
видеть
Застывающую на кресте
калиной
кровь

Далее следует:

I [Спуще<н>
из клюва]
II [Уже спущен]
III [Опущенный], [огненный жезл]
[прободающий твердь]
IV огненный жезл
[Он] [растворяющий мир]
[Быт]
V Огненный жезл
[Вытянувшийся] [втянувшийся из вихря]
[Пронзит твердь]
[через] чрез
пропятое
СЛОВО

Строками 6—7 второй главки основного текста (зачеркнутыми) в черновом автографе открывается 3 главка. Потом следуют начальные строки (1—4) 3 главки основного текста и строки, зачеркнутые в беловом автографе и отсутствующие в машинописи:

Так [я] уж понял я
науку
О полезном
хозяйстве

После зачеркнутых строк:

		Нет моей родины
		Не хочу ртом шагов
идут 6—7		
		Где ты,
		где моя родина?
и строка:		[Моя Русь].
8—9	I	Словно лыки
	II	Лыками содрали
		Твои дороги ветры
	III	Лыками содрала
		Твои дороги буря
13	I	И лежишь ты
		зарезанная
		овца
	II	И лежишь ты, как овца,
		Дрыгая ногами в небо.
15	I	Путая
		[там]
	II	*как в тексте.*
18—19	I	О путай, путай
	II	О путай, путай! все
		Что видишь
22	I	С просунутым пятачком
		Что су<?>
	II	Не испугаюсь просунутого
		пятачка его.
26—27	I	Гибель твоя
		Миру купель предвечная
	II	Гибель твоя
		голубь Иордана

III Гибель твоя
купель
предвечная
IV Гибель твоя
купель
предвечности

3

10—11 I Только знаю сколько ног
У таракана
II Только знаю,
Что шумит овес
III Только знаю,
Что поет овес да еще
IV Только знаю,
Что поет
овес при ветре
да еще

После 14 *следует:*

Так [пис<ал>] пророчит Ездра
Так написано в красивой
«Сивке Бурке»,
нужно
влезть
и вылезть через ухо

15 I Знаю, что погибнуть лучше
II *как в тексте.*

После 23 *зачеркнуто:*

В каждом слове твоем
птенец,
[Вижу] Верю в восход твой
С юга и запада

Тигром.
Не выскребет похожий
на тигренка
дождик
лапами.

На полях, рядом с вышеприведенными строками, зачеркнуто:

Копьями пронзает тебя
Дождь,
Камнями падают звезды
В моря твои.

4

После 5 зачеркнуто:

I Закапьте дыры
В душе моей.
II О радость
III Не страш<на>
IV Не страшна мне
смерть страны [моей] родимой.
V Вижу тебя я, радость
радость
VI Златокудрым
VII Златокудрым Иоаном
Стою пред крестом.
VIII Отрок вечер
Стоит пред крестом
не о спасении
IX О родичи
сродники мои.

Затем следует строфа, оставшаяся не зачеркнутой, но в основной текст не вошедшая:

По пескам искушений
[Прошел] Прохожу я жизнь мою.
[а) На коленях гор
моей
б) В колени гор твоих
О родина.]
Дьявол меня ведет
по пустыне.
[а) Вот он. Вот он твой ме<?>
Слышу
б) В дудку ветра
поет мне песню.]

Далее зачеркнуто:

Возьми у
посмотри гибнет край твой
только
Радость цветет,
Что вы плачете
видящие небо и землю
Как дом
Неизреченным чудом
Венчается распятие
Чтобы мог я
привстав на цыпочки.

6 Наклоните пламя свое

После 12 *зачеркнуто:*

Что читаешь ты,
Вечер,
панихидный псалом
[Из псалтыри] По псалтыри Волги?

I Я не<вижу>
Где покойник.
II Где ты видишь
покойника.

На полях, рядом с вышеприведенными строками:

Заиграй,
пой ты вечер
В луну
как в рож<ок>.

После 14 *зачеркнуто:*

Воскресение

15—17 I Деве твоей Руси
[О рождении я]
Возвестил
Гавриилом
Рождение.
II *как в тексте.*

На полях, рядом с вышеприведенными строками:

В ясли Волги
[В час]

20—21 I Имя ему
Израмистизм
II *как в тексте.*

22—24 I Уже яслями Волга
Сомкнула
II Пой и шуми Волга
В ясли твои
III *как в тексте.*

После 24 *зачеркнуто:*

Не говорите мне

После 29:

[Я]

Я поверил
Я верю
Я уверовал
33 I Просунет
II Высунет голову
III *как в тексте.*

После 34:

Слава тебе [показавшему] показавший свет
[Аллилуйя]
[Христос рождается]
[смертью [смерть] на смерть]
[поправ]
[наступив].
[Адову преодолел еси]
[Силу]
Слава смерти твоей
[новый]
Аллилуйя.

«И небо и земля все те же...»

Черновой автограф — обгоревший лист (ИМЛИ)

2 I Все в то же озеро гляжусь.
II *как в тексте.*
3—4 I Но реже (нрзб.), уж реже,
Ложноклассическая Русь.
II Но уж твои законы реже,
Ложноклассическая Русь.
III Но реже вздох твой, реже,
Ложноклассическая Русь.
IV *как в тексте.*

V Но вздох твой [пригвожденный] реже,
Ложноклассическая Русь.
VI Но уж твое дыханье реже,
Ложноотеческая Русь.

После 1 *строфы зачеркнуто:*

О умирай, но
5—6 I Не огражу себя
II Не огражу мой тихий кров
От [грусти над]
III *как в тексте.*
7—8 I Езекиильский глас ветров
Приятно мне твое сгоранье.
II Но не отдам тебя страданью
Езекиильский глас ветров.
III *как в тексте.*
9—10 I Шуми, волнуйся и реви,
О океан мятежный,
II Шуми, шуми еще сильней,
О океан мятежный.
III Шуми, шуми, реви сильней,
О океан мятежный,
Бросай
IV *как в тексте.*

Нижняя часть листа утрачена (обгорела).
На обороте листа:

[<р>ыбарь рыбарь]
[Вытаскивай рыбарь]
[Счищай]
[Тащи за облака твой бредень]
[О опусти].

Далее идет зачеркнутый черновик строфы, не вошедшей в основной текст:

I О новый вымученный край
Пришествием сынов великих
Мне внове раздаются крики
II О новый вымученный край
Пришествием сынов великих
На покрывале Вероники
III О новый вымученный край
Пришествием сынов великих
Вновь на холстине Вероники
Отобразил ты отчий рай.
IV О новый вымученный край
Пришествием сынов великих
Вновь на холстине Вероники
Напечатлел ты отчий рай.
V О новый вымученный край,
Не устрашись смятенья диких,
Не погуби явленный рай
И радость кроткой Вероники.

«Вот такой, какой есть...»

Беловой автограф (РГАЛИ, альбом И.В.Репина)
12 I Почему же им не понятно?
II *как в тексте.*

«Грубым дается радость...»

Автограф, ст. 9—12 (Частное собрание, Москва)
11 I Иль я за рюмку водки
II *как в тексте.*

Форма

< 1 > СВОЕ

Фотокопия белового автографа — ИМЛИ (Хранился в собрании П.И.Чагина; в настоящее время местонахождение неизвестно).

11 I Кусаю так небрежно я
II *как в тексте.*

Воспоминание

Газ. «Заря Востока», Тифлис, 1926, 7 марта, № 1120.
25 И дымом пламенным с «Авроры»

Цветы

Беловой автограф (ИМЛИ)
94 I Что все здесь в мире повторимо
II *как в тексте.*

Батум

Черновой автограф (РГАЛИ)
Заглавие отсутствует
1—2 Корабли плывут в Константинополь
6—7 Каждый день
Я чувствую тоску.
8—12 I Далеко я,
Далеко затерян
И не знаю
почему я здесь.
Водяною пригоршней горошин
II Далеко я,
Далеко заброшен,
И не знаю
Почему я здесь.
Водяною пригоршней горошин
III Далеко я,
Далеко заброшен,
Даже ближе кажется луна.

		Пригоршнями водяных горошин
		Плещет черноморская
		Волна.
17—18		Провожаю всех, кого не жаль
19	I	И гляжу [бол]
	II	*как в тексте.*
22	I	Я встречаю
	II	Может быть с
	III	С давней
	IV	*как в тексте.*
23	I	И Марселя
	II	Из Марселя
	III	*как в тексте.*
24	I	Приплывет ко
	II	*как в тексте.*
25—26	I	Но которых помню я доселе
	II	О которых помню я доселе
30—35	I	Запах моря в привкус
		Дымно-горький,
		Может быть, такая же душа
	II	Запах с моря в привкус
		Дымно-горький,
		Может быть, такой же человек,
		Не слыхавший про меня
		Вовек.
	III	Запах с моря в привкус
		Дымно-горький,
		Может быть,
		Мисс Митчел или Клод
		Обо мне вздыхают
	IV	Запах с моря в привкус
		Дымно-горький,

		Может быть,
		Мисс Митчел или Клод
		Обо мне вспомянут
36—37		В Нью-Иорке
		Прочитав сей вещи
		Перевод.
40	I	Ищем нам желанны<е>
	II	*как в тексте.*
42—43		Не с того ль как лампы
		С абажуром
44	I	Смотрятся медузы из воды
	II	*как в тексте.*

После 44 *зачеркнуто:*

		Я живу
		ког<да>
		Голубая дальняя дорога
		В ней всегда
45—46	I	Оттого я в каждой
	II	Оттого я
		В каждой иностранке
	III	*как в тексте.*
47—49	I	В этой жизни
		Будто голос
	II	*как в тексте.*
51	I	Про
	II	*как в тексте.*
55		Но да разве в жизни
57—58	I	Вот сейчас ее
		Мою догнали
		<нрзб. сл.>
	II	*как в тексте.*

После 58 *зачеркнуто:*

		И заче<?>
		Ее
63—64		И провожаю всех, кого не жаль
68—69	I	А другие
		Ждут здесь по-другому
	II	*как в тексте.*
77—78	I	Враг с мешком далеко
	II	*как в тексте.*
81—82		На морских
		Соленых берегах
83—88	I	Но живуч враг,
		Как не вздынь его,
		Даже море кажется мне
		К индиго.
	II	*как в тексте.*
91—92	I	А смеяться есть чему
	II	А смеяться есть чему в Батуме
	III	*как в тексте.*
95—97	I	Знать в насмешку
	II	Ходит полоумный старикашка
		С петухом на голове
	III	Носит полоумный старичина
		На затылке
	IV	Ходит полоумный старичина
		С петухом на голове
	V	Ходит полоумный старичина
		На затылке с пе<тухом>
	VI	*как в тексте.*

После 97 *зачеркнуто:*

Ну и я
Иду опять на пристань,

Провожаю всех, кого не жа<ль>,
кого не жаль
и гляжу все тягостней
и пристальней
В очарованную даль.
Вот их край.
Все довольны,
Но и я готов
От этой скуки
Синих юбок, синих брюк.

Беловой автограф (ИМЛИ)

98 I Сам улыбаясь
II *как в тексте.*

Капитан Земли

Газ. «Заря Востока», Тифлис, 1926, 21 февр. № 1109

70 Споет вам песню

«Неуютная жидкая лунность...»

Черновой автограф (Собрание М.С.Лесмана; хранится у Н.Г.Князевой, Санкт-Петербург)

5—7 I Сыпкий дождик, увядшая верба
II Сыпкий дождик, увядшие вербы
III Мелкий дождик, усохшие вербы
IV Под окошком усохшие вербы
V По дорогам усохшие вербы
Трясь и впадины
VI По дорогам усохшие вербы
И тележная песня колес.
Если мне довелось вот теперь бы
VII *как в тексте.*

9—11	I	Равнодушно смотрю на лачуги,
		Где у печки свинья иль телок
	II	Равнодушен я стал к лачугам
		И очажный огонь мне не мил,
		Где в окошко рыдальная вьюга
		<1 сл. нрзб.>
	III	Равнодушен я стал к лачугам
		И очажный огонь мне не мил.
		Даже [май] вишен весеннюю вьюгу
	IV	*как в тексте.*
21—23	I	Я ушел из отцовского дома
		И уж больше
	II	Я не знаю, что будет со мною.
		Может, в новую жизнь не гожусь,
		Может, этою силой стальною
	III	*как в тексте.*
26	I	В сонме бурь, в сонме вьюг и гроз
	II	*как в тексте.*

«Я помню, любимая, помню...»

Фотокопия белового автографа (ГЛМ — фототека)

11		А ты позабудешь, мой милый

«Я иду долиной. На затылке кепи...»

Черновой автограф (ГМЗЕ)

6	I	Только бы слагались песни и стихи
	II	*как в тексте.*
11	I	Что-то шепчут грабли, что-то шепчут косы
	II	*как в тексте.*
14	I	Если
	II	Как ты любишь долы, так люби и труд
	III	*как в тексте.*

20 I Их читают люди вечные года
II *как в тексте.*

После 24 *зачеркнуто:*

Выгребаю я

29 I У косы есть песня, у травы есть слово
II *как в тексте.*

31 I Чтобы их читала каждая корова
II *как в тексте.*

«Море голосов воробьиных...»

Черновой автограф (ГЛМ)

10 В сиреневую погоду

13 I Милый, ты ли?
II *как в тексте.*

15 I Пусть на устах *<нрзб.>*
II *как в тексте.*

16 I Пятый я и *<нрзб.>*
II *как в тексте.*

18 I Эти уста не устали
II Розы мне то ль нашептали

Беловой автограф (РГАЛИ)

Заглавие *Персидские мотивы*

Первая строфа:

Море — текучее олово,
Ночь, а как будто полдень.
Кто-то луну на кол вздел,
Словно преступную голову.
Море — текучее олово.

7 И у луны такое

Последняя строфа отсутствует.

«Плачет метель, как цыганская скрипка...»

Список с чернового автографа рукой С.А.Толстой-Есениной — ГЛМ; местонахождение чернового автографа неизвестно.

2 I Милая девушка, злая улыбка
II Милая девушка с милой улыбкой
III *как в тексте.*

После 2 *зачеркнуто:*

Так мы далеки

9—10 I Я не заласкан, буря мне скрипка,
Смерти костлявой любовь и улыбка.
II Я не заласкан, буря мне скрипка,
Милая девушка, злая улыбка.
III Вот отчего так мне чудится скрипка,
Сердце мятелит твоя улыбка.
IV *как в тексте.*

«Клен ты мой опавший, клен заледенелый...»

Черновой автограф (РГАЛИ)

3 I Словно что увидел? Или что услышал?
II *как в тексте.*

После 6 *зачеркнуто:*

Ах и сам я пьяный, пьяный <*нрзб.*>
в доску <?>
<*Нрзб.*> с милой обнимался <*нрзб.*>
<*Нрзб.*>

11 I И <*нрзб.*>
II *как в тексте.*

«Какая ночь! Я не могу...»

Черновой автограф (РГАЛИ)

2—3 I Не спится мне. Такая лунность
Тень от березы на снегу

II Не спится мне. Луна такая
III *как в тексте.*

После 4 *зачеркнуто:*

Любимая не обнимай
Ты
Ах все прошло
Вчера мне говорила ты

10 I Он вырисовывает смело
II *как в тексте.*
15—16 I И оттого грустят о нас
Деревья, лето провожая.
II Что сосны тщетно манят нас,
В сугробы ноги погружая.
III *как в тексте.*

После 4 *строфы зачеркнуто:*

Тебе все брезжит синь и цветь
Но только ухватясь за ветвь
и не цветам
Я знаю, не весна на них
Цветы
Мы знаем

18 I Вот в этот отсвет синий
II Что в этот отсвет синий
III Вот в этот отсвет лунный, синий
IV *как в тексте.*
19 I Что на деревьях не цветы
II *как в тексте.*
20 I А только брезжит
II А только нежно брезжит иней
III А только брезжит снег и иней
IV А только высеребрен иней
V *как в тексте.*

23—24 I И что утратить все равно
Любовь, душе не дорогую.
II И коль утратить все равно
Любовь, душе не дорогую.
III И нам утратить все равно
Любовь, душе не дорогую.
IV И потерять нам все равно
Любовь, душе не дорогую.
V *как в тексте.*
27—28 I Пустому сердцу снится май
И та, что в первый раз люблю я.
II *как в тексте.*

Список рукой С.А.Толстой-Есениной (ГЛМ); Бак. раб., 1926, 12 февр., № 37

13 Любить ведь можно только раз
15 Что тщетно липы манят нас

«Не гляди на меня с упреком..»

Черновой автограф (РГАЛИ)

4 I И лукавую нежность твою
II И лукавую робость <?> твою
III *как в тексте.*
6 I И пожалуй я счастлив и рад
II *как в тексте.*
7 I Так лиса, притворившись мертвой
II *как в тексте.*
11 I На мою охладевшую душу
II На мою озорную душу
III *как в тексте.*
14 I И отрады ищу не в тебе.
II *как в тексте.*
16 I У которой глаза голубей.
II *как в тексте.*

18—20	I	Хулиганиста и весела. Но своею красивой походкой
	II	Хулиганит порой, как шкет, Но с такою красивой походкой
	III	И порой хулиганит, как шкет, Но с такою красивой походкой
	IV	Больше я Может
	V	Молчалива и холодна, Но она величавой походкой Всколыхнула мне душу до дна.
	VI	И сурова и холодна, Но она величавой походкой Всколыхнула мне душу до дна.
	VII	*как в тексте.*
21—22	I	Вот такую навряд ли обманешь И, пожалуй, навряд проведешь
	II	Вот такую навряд ли обманешь И такую навряд проведешь
	III	*как в тексте.*
23—24	I	Ну, а ты только сердце ранишь, Напоив своей лаской ложь.
	II	Ну, а ты даже в сердце не ранишь, Напоив своей лаской ложь.
	III	*как в тексте.*
26	I	Я откроюсь, признаюсь навек
	II	*как в тексте.*
28	I	Тем несчастнее был человек
	II	То и счастья не знал человек
	III	То и жить бы не стал человек
	IV	*как в тексте.*

«Ты меня не любишь, не жалеешь...»

Черновой автограф (РГАЛИ)

17 I Наша жизнь не взвешена судьбою
II *как в тексте.*
24 I Только не
II Только не любивших не мани.
III *как в тексте.*
29 I Повернув к другому ближе плечи
II *как в тексте.*

Бак. раб., 1926, 12 февр., № 37.

15 Я и сам люблю тебя не очень
34 И ничто не кинет в дрожь

«Может, поздно, может, слишком рано...»

Черновой автограф (РГАЛИ)

6—8 I И с чего я к милой охладел
Отчего<*нрзб.*>
II И с чего я к милой охладел
Отравила отчег<о>
III Каждый день я у других колен,
Отравила ль ранняя усталость?
Отравила ль горечь всех измен?
IV Каждый день я у других колен,
Отравила ль ранняя усталость?
Средь чужих
V *как в тексте.*

После 2 строфы зачеркнуто:

За окошком белая дорога

Далее идет запись 11—12:

I Что ищу [я] в глазах я этих женщих
<*Нрзб.*>

II Что ж ищу в очах я этих женщин
Похотливых, лживых и пустых?
III *как в тексте.*

Затем записываются варианты строк, которые в законченном виде поэт ставит на место 9—10:

I Иль хочу, чтоб сердце билось меньше
II Я всегда хотел гореть поме<ньше>
III И с чего так робок и застенчив
IV Я хотел, чтоб сердце билось меньше
V Я всегда хотел, чтоб сердце меньше
Билось в ласках нежных и простых.
VI *как в тексте.*

После 3 строфы зачеркнуто:

Я ищу в
14 I Я всегда спасаем был тобой
III *как в тексте.*

Черновые варианты 16 и нескольких последующих строк (до пятой строфы) прочитать не удалось, кроме слов:

мне казалось.
18 I И тягуч неласковый туман
II *как в тексте.*
22—24 I Вижу я, что мне исхода нет,
Знать <*нрзб.*> бездушных обнимая,
Отравил ты сам себя поэт.
II Вижу я, что мне исхода нет,
Знать <*нрзб.*> ведь разных обнимая,
Отравил ты жизнь свою поэт.
III *как в тексте.*
26 I Каждый день я у других колен
II И ничуть не больно и не жаль
III *как в тексте.*
27—28 I Слишком часто счастье улыбалось,
Презирая

II Чтоб всегда мне счастье улыбалось,
Не желая чувствовать измен.
III *как в тексте.*

«Кто я? Что я? Только лишь мечтатель...»

Черновой автограф (*ИРЛИ*)

Перед 1 *зачеркнуто:*

Целуй меня

1—4 I Кто я? Что я? Только лишь мечтатель,
Глупый юноша, грустящий по зиме,
Эту жизнь живу я словно кстати
Заодно с друзьями на земле.
II *как в тексте.*

9 I «Дорогая», «ландыш мой», «навеки»
II *как в тексте.*

После 16 *зачеркнуто:*

Ты сама сдержать себя не в силах
И ничто сдержать тебя не в силах
Я не лучше прочих многих милых,
Ты не краше многих дорог<их>.

После 17 *зачеркнуто:*

Заде

18 I У которой я всегда в плену
II У которой я навек в плену
III У которой я всегда в плену
IV *как в тексте.*

20 I Как и в настоящем не кляну
II *как в тексте.*

22 I Глупый юноша, грустящий по зиме
II Перстень счастья
III *как в тексте.*

23—24 I Я любил тебя на этом свете кстати
Заодно с другими на земле.
II Как я жил, как и ласкал я кстати
Заодно с другими на земле.
III Как я жил, так и любил [я] кстати
Заодно с другими на земле.
IV *как в тексте.*

Список рукой С.А.Толстой-Есениной (ГЛМ)

2 Синь очей утративший во мгле
3 Эту жизнь прожил я словно кстати
10 А в душе всегда одно и то ж

«Калитка моя...»

Фотокопия чернового автографа (Собрание С.Ф.Антонова, хранится у наследников, Москва)

После 1 *зачеркнуто:*
Ах
7 I Не кляни ты
II *как в тексте.*
После 14 *зачеркнуто:*
Привет

«И так всегда. За пьяною пирушкой...»

Список рукой С.А.Толстой-Есениной (ГЛМ)

1 I Так всегда. Под пьяную пирушку
II *как в тексте.*
3 I Любой из нас, приподнимая рюмку
II *как в тексте.*

«Вот они, толстые ляжки...»

Черновой автограф (ИМЛИ)

После 1 зачеркнуто
Этих
4 I Снимают штаны с Христа
II *как в тексте.*

Комментарии

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

Бак. раб.— газета «Бакинский рабочий». Баку, 1906 — 1995.

Бирж. вед.— газета «Биржевые ведомости», утр. вып. СПб.— Пг., 1880—1917.

Восп., 1, 2 — сб. С.А.Есенин в воспоминаниях современников в двух томах, тт. 1—2. М., Худож. лит., 1986.

$Г_{18}$ — Сергей Есенин. Голубень, СПб., Революционный социализм, 1918.

Г.тр.кр.— газета «Голос трудового крестьянства». М., 1917—1919.

Еж.ж.— «Ежемесячный журнал». Пг., 1914—1918.

Зарянка — ИРЛИ — макет не вышедшего при жизни Есенина сборника «Зарянка. Стихи для детей». 1916 (Хранится в ИРЛИ, арх. М.В.Аверьянова, ф. 428, оп. I, № 132, лл. 1—12).

Зн. бор.— газета «Знамя борьбы», Пг., 1918 (№ 1—91).

Комментарий — Комментарий к Собранию сочинений Есенина С.А. Составители Толстая-Есенина С.А. и Чеботаревская Е.Н. 1940—1941 (Хранится в ГЛМ, ф. 4, оп. 1, № 227/1—3, 278).

Кр. нива — журнал «Красная нива». М., 1923—1932.

Кр. новь — журнал «Красная новь». М., 1921—1942.

Н. прил.— «Ежемесячные литературные и популярно-научные приложения к журналу „Нива“». СПб.—Пг., 1894—1916.

$П_{18}$ — Преображение. Стихотворения Сергея Есенина. [М], Изд. Московской трудовой артели художников слова, [1918].

$Р_{16}$ — Сергей Есенин. Радуница, Пг., Изд. М.В.Аверьянова, 1916.

$Р_{18}$ — Радуница. Стихотворения Сергея Есенина. М., Изд. Московской трудовой артели художников слова, [1918].

Сел. час.— Сельский часослов. Поэмы Сергея Есенина. М., Изд. Московской трудовой артели художников слова, 1918.

Ск-1 — «Скифы», сборник 1-й, СПб., Скифы, 1917.

Ск-2 — «Скифы», сборник 2-й, СПб., Скифы, 1918.

Собр. ст.— Сергей Есенин. Собрание стихотворений, тт. 1, 2, 3, М.—Л., Госиздат, 1926; (Стихи и проза. Т. 4), М.—Л., Госиздат, 1927.

Хроника, 1, 2 — В.Белоусов. Сергей Есенин. Литературная хроника, чч. 1 и 2. М., «Советская Россия», 1969—1970.

ГЛМ — Государственный литературный музей Российской Федерации. Отдел рукописных фондов, фототека (Москва).

ГМЗЕ — Государственный музей-заповедник С.А.Есенина (с. Константиново Рязанской обл.).

ГМТ — Государственный музей Л.Н.Толстого (Москва).

ИМЛИ — Институт мировой литературы им. А.М.Горького Российской Академии наук (до 4 декабря 1991 года — ИМЛИ АН СССР). Рукописный отдел (Москва).

ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук (до 21 ноября 1991 года — ИРЛИ АН СССР). Рукописный отдел (Санкт-Петербург).

НБ ФА — Научная библиотека Федеральных архивов (до 29 июня 1992 г.— Научная библиотека Центральных государственных архивов СССР), Москва.

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства (до 24 июня 1992 года — Центральный государственный архив литературы и искусства СССР), Москва.

РГБ — Российская государственная библиотека (до 22 января 1992 г.— Государственная библиотека СССР им. В.И.Ленина). Отдел рукописей (Москва).

РГИА — Российский государственный исторический архив (до 24 июня 1992 г.— Центральный государственный исторический архив СССР), Санкт-Петербург.

РИАМЗ — Рязанский историко-архитектурный музей-заповедник. Фонд письменных источников (Рязанский кремль).

РНБ — Российская Национальная библиотека (до 27 марта 1992 года — Государственная Публичная библиотека им. М.Е.Салтыкова-Щедрина). Отдел рукописей (Санкт-Петербург).

Четвертый том Полного собрания сочинений С.А.Есенина по особенностям состава и композиции существенно отличается от первых трех томов. В этом томе впервые собраны все известные на нынешний день законченные произведения, по разным причинам не вошедшие в подготовленный поэтом трехтомник, а также стихотворения, оставшиеся незавершенными или сохранившиеся в отрывках.

Публикация этой части наследия Есенина в его собраниях сочинений имеет свою историю.

Государственное издательство, предпринявшее выпуск «Собрания стихотворений» С.А.Есенина в трех томах, после гибели поэта решило развернуть это собрание в *полное*. В четвертый дополнительный том намечалось включить «все стихотворения, оставшиеся в рукописях, а также стихотворения, не вошедшие в три предыдущих тома...» (Собр. ст., т. 1, с. VIII).

В 1927 году четвертый том «Стихи и проза», составленный И.В.Евдокимовым, вышел в свет. Как отмечалось в «Предисловии», книга вобрала в себя, помимо прозы, «а) стихотворения, не включенные поэтом, по разным соображениям, в первые три тома; б) забытые и затерявшиеся в старых журналах и газетах; в) поступившие от разных лиц, преимущественно из дружеских альбомов, не публиковавшиеся до сего времени, и г) посмертные стихотворения» (Собр. ст., т. 4. Стихи и проза, с. 7).

Произведения были сгруппированы в разделы по годам, внутри же разделов располагались в хронологической последовательности по времени публикации или по датам, имеющимся в автографах. В книгу вошло 62 стихотворе-

ния (в том числе надпись на сборнике, подаренном И.В.Евдокимову: «Сердце вином не вымочу...»).

В «Предисловии» же сообщалось, что «четвертый том не исчерпает полностью всего, написанного Есениным, а следовательно возможны некоторые пропуски,— и почти несомненны некоторые варианты и разночтения». Это объяснялось тем, что издатели «не имели возможности пользоваться оставшимся рукописным наследством поэта, недоступно хранящимся у сестры поэта Е.А.Есениной и у разных других лиц...» (там же).

Не были использованы однако не только недоступные рукописи. Осталось неучтенным значительное число прижизненных публикаций стихотворений поэта в газетах, журналах и других изданиях (например, «Лебедушка» — журн. «Доброе утро», М., 1917, № 5—6, март; «О родина!» — «Свободный журнал», Пг., 1917, № 6, декабрь; «Мечта» — журн. «Нива», Пг., 1918, № 3, 20 января).

После выхода в свет тома «Стихи и проза» родственники, друзья поэта, исследователи, почитатели творчества Есенина, нашли и напечатали большое число забытых и ранее неизвестных стихотворений поэта. Особенно много есенинских текстов было обнаружено в 50—70-е годы. С публикациями и пояснениями к ним выступали С.А.Толстая-Есенина, Е.А.Есенина, А.А.Есенина, Рюрик Ивнев, Д.И.Золотницкий, Ю.Л.Прокушев, В.Г.Белоусов, В.И.Астахов, В.А.Вдовин и другие. Выделяется такая находка, как рукописный сборник раннего Есенина «Больные думы», содержащий 16 стихотворений.

Все это дало возможность в пятитомное Собрание сочинений (М., 1961—1962) ввести 68 забытых или не публиковавшихся при жизни поэта стихотворений, таких, например, как «К покойнику», «Ты ушла и ко мне не вернешься...», «Свищет ветер под крутым забором...», «Кто я? Что я? Только лишь мечтатель...»

В 1—3 томах этого собрания размещались стихотворения в хронологическом порядке, а стихотворные экспромты и наброски были выделены в особый раздел и помещены в конце 5-го тома.

Во второе пятитомное издание (М., 1966—1968) были дополнительно включены «Больные думы» и три стихотворения («Тихий ветер. Вечер сине-хмурый...» — с неточностями, «Греция», «Польша»), экспромт («Дорогой дружище Миша...» — М.П.Мурашеву). В то же время в издание не вошли напечатанные в пятитомнике 1961—1962 гг. три стихотворения («За сухое дерево месяц зацепился...», «Подражание Борису Садовскому», «Же́не Рокотову») — как не принадлежащие Есенину.

Первые три тома Собрания сочинений в 6-ти томах (М., 1977—1980) воспроизводили подготовленное автором издание его стихотворений и поэм. Четвертый же том (1978) составили публикации стихотворений, не вошедших в трехтомник. Том состоял из двух разделов: «Стихотворения», «Отрывки, наброски, экспромты, шуточные стихи» и «Приложения» — «Dubia». По сравнению со вторым пятитомником здесь (с дополнениями — в 6 томе) напечатано 20 новых поэтических текстов.

Новые публикации стихотворений Есенина также содержались в книгах: «Избранное» (М., 1946); «Избранное» (М., 1952); «Стихотворения» (Л., 1953. Б-ка поэта, малая серия); «Сочинения. В 2-х т.» (М., 1955); «Стихотворения и поэмы» (Л., 1956. Б-ка поэта. Большая серия. Второе изд.);«Сергей Есенин» <Избранное>(М., 1958); «Собрание сочинений. В 3-х т.» (М., 1970).

Все названные издания явились основой для подготовки настоящего тома в Полном собрании сочинений С.А.Есенина.

Составители провели дополнительную поисковую и исследовательскую работу в государственных архивах и част-

ных собраниях Москвы, Санкт-Петербурга, Рязани, с. Константинова, Спас-Клепиков, Ташкента, Липецка.

Впервые учтены 9 ранее неизвестных автографов, в том числе 2 фотокопии: «Поэт», «Чары», «Акростих», «Грубым дается радость...» (фрагмент), «Издатель славный! В этой книге...», «Воспоминание» <1924> (две рукописи), «Я помню, любимая, помню...», «Кто я? Что я? Только лишь мечтатель...»; 2 списка рукой С.А.Толстой-Есениной («Плачет метель, как цыганская скрипка...», «Ах, метель такая, просто черт возьми...» — сняты с автографов поэта).

Выявленный автограф стихотворения «Поэт» <1912>, из которого с 1945 года печатались только две заключительные строфы, дал возможность впервые в собрании сочинений воспроизвести его полный текст.

Впервые учтен список «Кантаты», сделанный рукой М.П.Герасимова в 1926 году и предназначавшийся для Музея Есенина.

Просмотрены сотни книг, периодических изданий России — СССР и русского зарубежья за 1912—1930 годы; учитывалась также литература о Есенине более поздних лет, вплоть до 1995 года.

Впервые указываются 10 первых прижизненных и посмертных публикаций, ранее не отмеченных в собраниях сочинений С.А.Есенина. Среди них: «Заметает пурга...», «Не стану никакую...», «Деревенская избенка», «Дорогой дружище Миша...». Особо следует отметить находку в газете «Воля и думы железнодорожника» (М., 1918, 26 окт., № 72) — первую публикацию «Кантаты» с разночтениями во всех трех частях.

По автографам, спискам и первым публикациям внесены уточнения в тексты 15 стихотворений: «Брату Человеку», «Пороша», «Воспоминание» <1924>, «Пускай я порою от спирта вымок...» и других.

По сравнению с основным составом поэтических произведений, входивших в 4-й и 6-й тома Собрания сочинений 1977—1980 гг., в настоящий том дополнительно включены 11 есенинских текстов: «Поэт» (ст. 1—12), «Юность», «Народная. *Подражание песенке матери»* — из «Формы», «Возлюбленную злобу настежь...», «Частушки *(О поэтах)»*, «Не надо радости всем ласкостям дешевым...», «Клавдии Александровне Любимовой», «Пил я водку, пил я виски...», «И.Д.Рудинскому по поводу посещения им нашей школы 17 ноября 1911 г.», «Вот они, толстые ляжки...», «Не жалею вязи дней прошедших...».

Основной раздел тома — «Стихотворения». Сюда вошли завершенные произведения Есенина — от его ранних опытов («Звезды», «Зима») до стихотворений конца 1925 года, созданных после того, как рукопись первого тома Собр. ст. была сдана поэтом в издательство («Клен ты мой опавший, клен заледенелый...», «Не гляди на меня с упреком...»). Представлены стихи для детей («Сиротка», «Бабушкины сказки»), пейзажная и любовная лирика («Пороша», «Я помню, любимая, помню...»), стихотворения гражданской тематики («Поэт» <1912>, «Капитан Земли»), поэтические посвящения («На память Мише Мурашеву», «В глазах пески зеленые...»). Здесь печатаются сонеты и акростих, четверостишия и объемные «Сельский часослов», «Цветы». Основной раздел завершается последним стихотворением Есенина «До свиданья, друг мой, до свиданья...».

Следующий раздел — «Стихи на случай. Частушки». К стихам на случай отнесены: стихотворные записи в альбомах, принадлежащих разным лицам; стихотворные экспромты, адресованные друзьям и знакомым поэта (исключая помещенные в соответствующий раздел седьмого тома наст. изд. дарственные надписи). Из шуточных стихов в

собрание впервые вводятся строки, обращенные к К.А.Любимовой. Здесь же печатаются частушки Есенина «О поэтах».

В третьем разделе даются отрывки из завершенных или незавершенных и не дошедших до нас стихотворений («При луне хороша одна...», «Буря воет, буря злится...»), а также явно незаконченные произведения («И.Д.Рудинскому по поводу посещения им нашей школы 17 ноября 1911 г.»).

В разделе «Коллективное» — «Кантата», написанная С.Есениным совместно с М.Герасимовым и С.Клычковым.

Материал, размещенный в первом, основном, а также в трех последующих разделах настоящего тома, вместе со стихотворными строками, черновыми набросками, заготовками и т.п., входящими в 7-ой том, непосредственно примыкает к произведениям первых трех томов и завершает собою публикацию всего известного на нынешний день поэтического наследия Есенина.

В «Приложения» настоящего тома впервые вводится раздел «Строки, записанные современниками». Здесь публикуются как законченные стихотворения («Упоенье — яд отравы...», «Мине», «Тетя Мотя...»), так и отдельные строфы, частушки, оставшиеся в памяти родных, друзей, знакомых Есенина. Среди них: Ю.П.Анненков, С.Т.Коненков, В.П.Комарденков, А.Б.Мариенгоф, Н.А.Сардановский, Н.И.Титов, Г.Ф.Устинов, М.И.Цветаева.

Вторая часть «Приложений» — «Приписываемое» (Dubia). Она содержит стихотворения, в отношении которых авторство Есенина окончательно не установлено.

Завершается раздел тремя аннотированными списками под общим заголовком «Приписанное, но не включенное в настоящее издание»:

1. Ошибочные публикации под фамилией Есенина;

2. Намеренные публикации под фамилией Есенина (в том числе — «Послание евангелисту Демьяну»);

3. Стихотворения, принадлежность которых Есенину весьма сомнительна (архивные списки), или источник текста не достоверен (публикации).

Произведения основного и идущих за ним разделов печатаются в последних редакциях по авторским публикациям, а также по автографам или спискам, сделанным родными и близкими поэта («Не пора ль перед новым Посемьем...», «И так всегда. За пьяною пирушкой...»). Если имеется несколько автографов одного стихотворения, то предпочтение отдается более поздней по исполнению рукописи (например, «Даль подернулась туманом...»). В случае, когда автограф предшествует первой публикации, текст стихотворения дается по этой публикации («Моей царевне», «Льву Повицкому»). Из нескольких авторских публикаций в качестве источника текста, как правило, берется последнее издание (исключением является стихотворение «Молитва матери» — см. коммент. к нему).

Сопоставление прижизненных и посмертных публикаций с автографами позволило устранить ряд погрешностей, не замеченных автором или редакторами («Гаснут красные крылья заката...», «Слушай, поганое сердце...»). Все исправления оговариваются в комментариях.

Списки стихотворений воспроизводятся без изменений, за исключением фрагмента «Не пора ль перед новым Посемьем...», где уточнены написания (а стало быть, и значения) некоторых слов.

Стихотворения датируются:

а) по авторским пометам в рукописях;

б) по году, указанному под стихотворением в первой публикации («Наша вера не погасла...» — напечатано в

1917 г. с пометой: «1915»; «Небо ли такое белое...» — опубликовано в 1924 г. с пометой: «1917»);

в) по году первой публикации;

г) по времени подготовки стихотворения к печати («Береза» — напечатано в январе 1914 года, датируется: <1913>; «Узоры» — опубликовано 1 января 1915 г., датируется: <1914>). В иных случаях устанавливается приблизительная дата. Она определяется с учетом стиля и языка произведения, особенностей рукописи (почерк, орфография), творческой истории стихотворения, истории его публикации, фактов биографии поэта, свидетельств мемуаристов. Обоснование каждой даты дается в комментариях (например, «Вечер, как сажа...», «Прячет месяц за овинами...», «По лесу леший кричит на сову...»).

Датировка «Строк, записанных современниками» произведена по содержанию воспоминаний. Обстоятельства, при которых были произнесены или написаны поэтом те или иные строки, соотнесены с соответствующими документально установленными фактами его биографии.

Стихотворения, включенные в «Приписываемое», датированы по первым публикациям («В эту ночь...», «Уйти бы...») и по рассказам мемуаристов («Будь Юрием, москвич...», «Ноктюрн»).

Материалы в каждом разделе размещаются в хронологической последовательности.

Варианты и комментарии даются в соответствии с принципами, принятыми в предыдущих томах (см. статью «От редакции» в 1 томе). Варианты отдельных «Строк, записанных современниками», а также 1 и 3 частей «Кантаты» (раздел «Коллективное») отнесены в Комментарии.

При освещении творческой истории того или иного стихотворения использовался «Комментарий», составленный С.А.Толстой-Есениной и Е.Н.Чеботаревской в

1940—1941 годах (ГЛМ), а также новые документальные материалы.

Многие стихотворения, вошедшие в том, при жизни поэта не получили откликов критики. Поэтому общий объем этих откликов, представленных в комментариях, невелик.

Составители выражают благодарность за помощь в работе над томом Л.А.Архиповой (ГМЗЕ), Л.Я.Дворниковой (РГАЛИ), Е.Ю.Литвин (ИМЛИ), И.И.Кузнецовой (ГЛМ), Н.Д.Симакову (б-ка ред. газ. «Правда»), А.А.Федюхину (НБ ФА), В.А.Шошину (ИРЛИ).

Особая признательность — А.А.Козловскому и С.И.Субботину (ИМЛИ), прочитавшим том в рукописи и давшим ряд ценных советов.

Поэт («Он бледен. Мыслит страшный путь...») (с. 7).— Сб. «День поэзии», М., 1956, с. 119 (в статье Ю.Прокушева «Новое о Сергее Есенине»).

Печатается по беловому недатированному автографу (РГБ).

Датируется по свидетельству Е.А.Есениной (Сергей Есенин. Собр. соч. В 5 т. Т. 1, М., 1961, с. 335).

Звезды (с. 8).— Журн. «Спас-Клепиковский работник просвещения», 1924, № 1, февр., с. <23>; газ. «Сталинец». Рязань, 1956, 29 янв., № 13.

Печатается по автографу, входящему в тетради, принадлежавшие Е.М.Хитрову (ИМЛИ).

В этих двух тетрадях — листы с автографами стихотворений: первая тетрадь — «Звезды», «Воспоминание» («За окном у ворот...»), «Моя жизнь», «Что прошло — не вернуть», «И.Д.Рудинскому»; вторая тетрадь — «Ночь» («Тихо дремлет река...»), «Восход солнца», «К покойнику», «Зима», «Песня старика разбойника». На первом листе первой тетради рукой поэта — «Сергей Есенин. 1911 г. и 1912 г.»

Все эти стихотворения, кроме «Звезды» и «И.Д.Рудинскому», датируются 1911—1912 годами в соответствии с авторской пометой.

Хитров Евгений Михайлович (1872—1932), учитель русского языка и литературы Спас-Клепиковской второклассной учительской школы, в стенах которой в 1909—1912 гг. пребывал начинающий поэт, вспоминал: «Есенин приносил мне много своих стихотворений, которые я складывал в общий ворох ученических работ. Все они были

написаны на отдельных листках. Перед окончанием Есениным нашей школы я попросил его переписать стихи в отдельную тетрадь. Есенин принес мне одну тетрадь с четырьмя стихотворениями <описка — с пятью>. Я сказал, что этого мало. Тогда он принес еще тетрадь с пятью стихотворениями. Эти две его тетради у меня сохранились» (Восп., 1, 143).

В 1924 году Е.М.Хитров принял участие в подготовке к печати рукописного журнала «Спас-Клепиковский работник просвещения», который был размножен на гектографе тиражом 30 экземпляров (Гублит № 1355). В этом журнале вслед за статьей Хитрова «Мои воспоминания о Сергее Есенине», помеченной 25 февраля 1924 года, помещены три есенинских стихотворения: «Воспоминание» («За окном у ворот...»), «Звезды», «И.Д.Рудинскому». Все они скопированы для гектографа рукой Хитрова под общим заголовком: «Ученические стихотворения Сергея Есенина, написанные в 1911—1912 учебном году».

Стихотворения «Звезды» и «И.Д.Рудинскому» для публикации в журнале Хитров избрал не случайно. В воспоминаниях он писал: «Первое произведение, которое меня поразило у Есенина, было стихотворение «Звезды». Помню, я как-то смутился, будто чего-то испугался. Несколько раз вместе с ним прочел стихотворение. Мне стало совестно, что я недостаточно много обращал внимания на Есенина. Сказал ему, что стихотворение это мне очень понравилось, что его можно даже напечатать.

Вскоре к нам в школу приехал со своей обычной ревизией епархиальный наблюдатель Рудинский. Я показал ему стихотворение Есенина. Рудинский в классе, при всех расхвалил поэта и дал ему несколько советов. В результате этого у Есенина появилось новое стихотворение «И.Д.Рудинскому» (Восп., 1, 142).

Известно, что Рудинский посетил школу 17 ноября 1911 года. Это дает основание датировать «Звезды» 1911 годом.

И.Д.Рудинскому (с. 9).— Журн. «Спас-Клепиковский работник просвещения», 1924, № 1, февр., с. <23>; газ. «Сталинец». Рязань, 1956, 29 янв., № 13.

Печатается по автографу (ИМЛИ).

Датируется по времени, указанному в заглавии наброска другого стихотворения: «И.Д.Рудинскому по поводу посещения им нашей школы 17-го ноября 1911 г.» (см. с. 270 наст. тома).

В воспоминаниях Е.М.Хитрова, предваряющих журнальную публикацию, отмечается:

«Среди трех помещаемых ниже стихотворений Есенина одно написано им по случаю посещения нашей школы епархиальным наблюдателем Рудинским. Факт сам по себе незначительный. Обыкновенная казенная ревизия казенного человека. Казенная похвала молодого поэта, сделанная по просьбе нас, учителей. Стихотворение это показывает, какой отзвук эта похвала вызвала в душе Есенина. К нам, постоянным своим учителям, он уже привык, и на него мало действовали наши похвалы и порицания. Но отзыв свежего, стороннего человека проник до глубины души его» (Восп., 1, 140). По рассказам соучеников Есенина, Рудинский «удостоил особым вниманием и особой похвалой молодого поэта», сказав, «что у него большой талант и его нужно развивать» (Воспоминания В.В.Ушакова, помеченные: «22/II-1926». РИАМЗ, научный архив, № 2659). Эти воспоминания использовал позже И.Г.Атюнин в литературном обзоре «Рязанский мужик поэт-лирик Сергей Есенин» (Рукопись, ИМЛИ).

Рудинский Иван Дмитриевич (1857—?) происходил из семьи священнослужителя, окончил Московскую духовную академию, преподавал в рязанских духовных учи-

лищах русский и церковно-славянский языки, гражданскую историю, арифметику, географию, дидактику. Позднее был епархиальным наблюдателем церковно-приходских школ в Рязанской губернии.

Воспоминание («За окном, у ворот...») (с. 11).— Газ. «Чарджоуская правда», 1959, 25 июля, № 147 (в статье В.Белоусова «У истоков творчества» — ст. 1—8); полностью: газ. «Волжский комсомолец». Куйбышев, 1960, 13 апр., № 74 (в статье того же автора «Первые шаги. Новое о Сергее Есенине»). Обе публикации — с неточностями.

Печатается по автографу (ИМЛИ).

Датируется по помете рукой Есенина на тетради, где помещено это стихотворение (см. коммент. к стихотворению «Звезды» — с. 337).

Моя жизнь (с. 13).— Кр. новь, 1926, № 9, сент., с. 114.

Печатается по автографу (ИМЛИ).

Датируется по помете рукой Есенина на тетради, где помещено это стихотворение (см. коммент. к стихотворению «Звезды» — с. 337).

В журнале напечатано вместе со стихотворением «Что прошло — не вернуть» и сноской: «*От редакции.* Стихи Сергея Есенина взяты из его ученической тетради. Он писал их будучи учеником Спас-Клепиковской второклассной учительской школы. Стихи относятся к 1911—1912 годам. Они предоставлены в распоряжение редакции Е.М.Хитровым. Наивные и школьнические по форме, они знаменательны тем, что уже в них даны основные лейтмотивы хорошо известных всем настроений поэта».

Что прошло — не вернуть (с. 14).— Кр. новь, 1926, № 9, сент., с. 115.

Печатается по автографу (ИМЛИ).

Датируется по помете рукой Есенина на тетради, где помещено это стихотворение (см. коммент. к стихотворению «Звезды» — с. 337).

Ночь («Тихо дремлет река...») (с. 16).— Журн. «Юность». М., 1957, № 4, апр., с. 32 (вместе с другими произведениями поэта, сопровожденными предисл. и примеч. ред., под общим заголовком: «Сергей Есенин. Неопубликованные и малоизвестные стихи»).

Печатается по автографу (ИМЛИ).

Датируется по помете рукой Есенина на тетради, где помещено это стихотворение (см. коммент. к стихотворению «Звезды» — с. 337).

Восход солнца (с. 17).— Газ. «Чарджоуская правда», 1959, 26 июля, № 148 (в статье В.Белоусова «У истоков творчества»).

Печатается по автографу (ИМЛИ).

Датируется по помете рукой Есенина на тетради, где помещено это стихотворение (см. коммент. к стихотворению «Звезды» — с. 337).

К покойнику (с. 18).— Сергей Есенин. Собр. соч. В 5-ти т. Т. 1, М., 1961, с. 79.

Печатается по автографу (ИМЛИ).

Датируется по помете Есенина на тетради, где помещено это стихотворение (см. коммент. к стихотворению «Звезды» — с. 337).

Зима (с. 19).— Газ. «Чарджоуская правда», 1959, 25 июля, № 147 (в статье В.Белоусова «У истоков творчества» — ст. 1—8); полностью: газ. «Молодой сталинец». Тбилиси, 1959, 15 авг., № 97 (в статье того же автора «Труд смолоду. Новое о Сергее Есенине», с неточностью).

Печатается по автографу (ИМЛИ).

Датируется по помете рукой Есенина на тетради, где помещено это стихотворение (см. коммент. к стихотворению «Звезды» — с. 337).

С темой русской зимы связано также шуточное стихотворение Есенина тех лет, о котором писал в своих воспоминаниях его соученик по Спас-Клепиковской второклассной учительской школе Я.А.Трепалин. Он рассказывал:

«Помню, как-то зимой каток занесло снегом. Недолго думая, Сергей пишет целую балладу, которая начиналась шутливо:

Вы, девушки здоровые,
Берите метелочки дворовые...

и прикалывает к сосне. Все читали, смеялись и начинали расчищать каток» (Трепалин Я. Песня родине. К 70-летию со дня рождения Сергея Есенина.— Газ. «Учитель». Воронеж, 1965, 29 сент., № 28).

Песня старика разбойника (с. 20).— Газ. «Вечерний Тбилиси», 1959, 15 авг., № 192 (в статье В.Белоусова «Неопубликованные стихи Сергея Есенина», с неточностью в заглавии).

Печатается по автографу (ИМЛИ).

Датируется по помете рукой Есенина на тетради, где помещено это стихотворение (см. коммент. к стихотворению «Звезды» — с. 337).

Ночь («Усталый день склонился к ночи...») (с. 21).— Журн. «Огонек». М., 1957, № 2, 6 янв., с. 26 (в статье Ю.Прокушева «Юношеские годы Сергея Есенина», с неточностями).

Печатается по тексту в записной книжке соученика Есенина по Спас-Клепиковской школе И.Е.Смирнова. (ГЛМ). Автограф неизвестен.

Датируется по той же записной книжке, где имеется список «учащихся III отделения Спас-Клепиковской второклассной школы за 1911—1912 уч. год».

Больные думы

«Больные думы» — один из ранних рукописных сборников Сергея Есенина. Он включает в себя 16 стихотворений.

Все стихотворения печатаются по автографам (РИАМЗ. Фонд письменных источников, ед. уч. 12528, 10 л.).

История сборника такова. В августе 1965 года сотрудникам Рязанского краеведческого музея стало известно, что у жительницы города Рязани Марии Дмитриевны Ильиной хранятся неизвестные стихи Сергея Есенина. Вскоре музейные работники смогли ознакомиться с этой рукописью. Она представляет собой две сшитые вместе ученические тетради в сиреневых обложках; на обложке первой тетради наклеен белый листок, на котором обозначено: «Больные думы». Ни одно из стихотворений автором не подписано и не датировано.

В беседе с сотрудниками музея М.Д.Ильина рассказала, что летом 1912 года вместе со своим братом Сергеем она гостила в Константинове — отмечался престольный праздник Казанской Богоматери (8 июля ст. ст.). «На следующий день,— продолжала Мария Дмитриевна,— возвращаясь в Рязань, я и брат оказались в одном вагоне с неизвестным юношей. Вскоре брат разговорился с ним. Юноша назвал себя Сергеем Есениным. В Рязани он переночевал у нас, в школе <...>, где учительствовал мой отец. Ночь напролет Есенин беседовал с братом, а наутро куда-то ушел. Возможно, он пытался пристроить стихи в местную газету «Епархиальные ведомости», которую выпускало издательство «Братства Василия Рязанского». По-видимому, Есенина постигла неудача. Он не стал задерживаться в Рязани и тотчас отправился в Москву, оставив брату тетради со стихами. Брат Сергей Дмитриевич пропал без вести во время Отечественной войны, и теперь

некого спросить, о чем говорил Есенин в ту памятную ночь и что привело его в Рязань» (цит. по статье В.И.Астахова «Здесь все напоминает о поэте» — сб. «Есенин и русская поэзия». Л., 1967, с. 332).

После приобретения у М.Д.Ильиной сборника «Больные думы» предстояло точно установить авторство Сергея Есенина. Для этого фотокопия автографа стихотворения «Деревенская избенка», входящего в сборник, была подвергнута графологической экспертизе во Всесоюзном научно-исследовательском институте охраны общественного порядка при МООП РСФСР. Экспертиза установила, что стихотворение написано рукой Есенина (справка эксперта № 209 от 15 сентября 1966 г.— РИАМЗ).

Одно стихотворение, помещенное в «Больных думах»,— «Брату Человеку» («Тяжело и прискорбно мне видеть...») без названия, но подписанное фамилией Есенина, сохранилось также в записной книжке И.Е.Смирнова, соученика поэта по Спас-Клепиковской школе (оно впервые было опубликовано Ю.Л.Прокушевым в альманахе «Литературная Рязань» в 1955 году).

Записная книжка И.Е.Смирнова, помимо стихотворений Есенина и русских поэтов-классиков, содержит расписание уроков, планы прочитанных произведений, адреса знакомых, а также список учащихся III отделения Спас-Клепиковской второклассной школы за 1911/12 учебный год. Последнее дает основание отнести к этому периоду не только стихотворение «Брату Человеку», но и другие стихи сборника «Больные думы». Тем более, что одно из них имеет заглавие: «Вьюга на 26 апр<еля> 1912 г.».

Остальные стихотворения сборника «Больные думы» датируются 1911—1912 гг.

По материалам, присланным В.И.Астаховым из Дома-музея С.А.Есенина в селе Константинове, сборник впервые был напечатан полностью в книге: «Есенин и рус-

ская поэзия», Л., 1967, с. 334—341. До выхода этой книги 10 стихотворений из «Больных дум» помещались в периодической печати. Эти публикации указываются ниже.

«Нет сил ни петь и ни рыдать...» (с. 22).— Газ. «Приокская правда». Рязань, 1966, 27 сент., № 227 (в статье В.Астахова «Неизвестные стихи Сергея Есенина. Найдена первая рукопись поэта», с неточностью).

«Я ль виноват, что я поэт...» (с. 23).— Газ. «Приокская правда». Рязань, 1966, 27 сент., № 227 — ст. 1—4 (в указанной выше статье В.Астахова, с неточностью); полностью — газ. «Ленинградская правда», 1967, 20 авг., № 196 (в сообщении Н.Хомчук «Есенин и русская поэзия» — к выходу в свет одноименного сб.).

«Не видать за туманною далью...» (с. 27).— Газ. «Ленинградская правда», 1967, 20 авг., № 196 (в указанном выше сообщении Н.Хомчук).

Пребывание в школе (с. 29).— Газ. «Приокская новь». Рыбное, 1966, 3 сент., № 104 (в статье В.Астахова «Неизвестные стихи Сергея Есенина. Публикуются впервые» — ст. 1—12, с неточностью в тексте и с неверными датами: «1905—1907 гг.»).

В записной книжке (с. 29) соученика Есенина И.Е.Смирнова есть такие строки: «Учусь последний год в Спас-Клепиковской второклассной школе. Грязь, пыль, скудная пища способствует ни чему иначе, как различным заболеваниям» (орфография подлинника.— ГЛМ).

Мои мечты (с. 31).— Газ. «Литературная Россия». М., 1967, 13 янв., № 3, с. 22 (вместе со стихотворениями «Деревенская избенка», «Весенний вечер»; вступ. статья С.Савельева «Первая рукописная книга Сергея Есенина. Как были найдены пятнадцать неизвестных стихотворений поэта»).

Брату Человеку (с. 32).— Газ. «Сталинец», Рязань, 1956, 1 янв., № 1; альм. «Литературная Рязань», кн. 1, 1955, с. 324 (в статье Ю.Прокушева «Сергей Есенин (Литературные заметки и публикация новых материалов)»); текст стихотворения взят публикатором из записной книжки И.Е.Смирнова (ГЛМ) — см. с. 344 — и воспроизведен с имеющимися в ней неточностями).

В газете помещено вместе со стихотворением «На память об усопшем. У могилы» (оба — без названия) под общим заголовком «Стихи Сергея Есенина. Публикуются впервые». Стихотворения, как сообщается в сопроводительной заметке, взяты из первой книги альманаха «Литературная Рязань», которая в «ближайшие дни выходит в свет».

«Я зажег свой костер...» (с. 33).— Газ. «Ленинградская правда», 1967, 20 авг., № 196 (в сообщении Н.Хомчук «Есенин и русская поэзия» — ст. 1—16).

Деревенская избенка (с. 35).— Газ. «Приокская новь». Рыбное, 1966, 3 сент., № 104 (в статье В.Астахова «Неизвестные стихи Сергея Есенина. Публикуются впервые», с неточностью).

Весенний вечер (с. 37).— Газ. «Литературная Россия». М., 1967, 13 янв., № 3, с. 22.

(См. коммент. к стихотворению «Мои мечты» — с. 345).

«И надо мной звезда горит...» (с. 38).— Газ. «Смена». Л., 1967, 19 авг., № 194 (в статье А.Любарского «„И надо мной звезда горит..." Неизвестные стихи Сергея Есенина»).

Поэт («Не поэт, кто слов пророка...») (с. 39).— Газ. «Сталинское знамя». Рязань, 1945, 28 дек., № 255 (в статье А.Скороходова «На родине Сергея Есенина (К 20-летию со дня смерти поэта)» — ст. 13—20); полностью — газ. «Лит. Россия». М., 1993, 16 апр., № 15, с. 2 (в статье Натальи Есениной «Неизвестные строки Есенина»).

Начиная с первой публикации (1945), во всех последующих изданиях, в том числе в собраниях сочинений Есенина, из стихотворения печатались только две заключительные строфы. Полный текст стихотворения стал известен в 1993 году и был опубликован племянницей поэта Н.В.Есениной, дочерью Е.А.Есениной.

Печатается по автографу, помещенному на обратной стороне фотографии поэта. Над текстом — в правом верхнем углу — рукой Е.А.Есениной проставлена дата: «1912». После текста: «На память горячо любящему Другу Грише. Сер. Есенин» (Частное собрание, Москва).

Датируется по помете сестры поэта 1912 годом.

По свидетельству Е.А.Есениной, фотография со стихотворением была подарена Грише Панфилову после окончания Сергеем Спас-Клепиковской второклассной учительской школы (конец мая 1912 г.). Есенин писал Г.А.Панфилову осенью 1912 года: «Отныне даю тебе клятву, буду следовать своему «Поэту». Пусть меня ждут унижения, презрения и ссылки».

Панфилов Григорий Андреевич (1893—1914) — друг отроческих лет Есенина. Сохранилось 19 писем и открыток поэта, адресованных Панфилову (см. т. 6 наст. изд).

Капли (с. 41).— Газ. «Чарджоуская правда», 1959, 26 июля, № 148 (в статье В.Белоусова «У истоков творчества» — ст. 1—12); полностью — журн. «Вопросы литературы». М., 1960, № 3, март, с. 131 (в письме к Г.А.Панфилову (август 1912 г.), включенном в подборку

«Из литературного наследия Сергея Есенина»; письма подготовил к печати и прокомментировал Е.Динерштейн).

Печатается и датируется по письму Есенина к Г.А.Панфилову (РГБ).

На память об усопшем. У могилы (с. 42).— Газ. «Сталинец», Рязань, 1956, 1 янв., № 1; альм. «Литературная Рязань», кн. 1, 1955 <фактически вышла в январе 1956 г.>, с. 326 (в статье Ю.Прокушева «Сергей Есенин. Литературные заметки и публикация новых материалов»).

Печатается по одному из недатированных писем Есенина к Г.А.Панфилову 1912—1913 годов. (РГБ). Эта датировка принята и для стихотворения. Возможно, оно навеяно безвременной смертью их общего друга Д.Ф.Пырикова (скончался 17 мая 1912 года*).

См. в наст. т. коммент. к стихотворению «Брату Человеку» (с. 346).

«Грустно... Душевные муки...» (с. 43).— Газ. «Молодой сталинец». Тбилиси, 1959, 15 авг., № 97 (в статье В.Белоусова «Труд смолоду. Новое о Сергее Есенине»).

Печатается и датируется по письму Есенина к Г.А.Панфилову, апрель 1913 г. (РГБ).

«Ты плакала в вечерней тишине...» (с. 44).— Газ. «Приокская правда». Рязань, 1967, 18 авг., № 194 (в статье Д.Коновалова «Новое о Сергее Есенине. Найдены неопубликованные письма поэта»).

Печатается и датируется по одному из писем Есенина к М.П.Бальзамовой 1913 года (ГМЗЕ, ОНФ, инв. № 54/12).

«Стихотворение тебе я уже давно написал, но как-то написать в письме было неохота,— сообщал Есенин М.П.Бальзамовой.— Я, признаться сказать, не люблю

* Сообщено Н.Д.Чистяковым.

писать письма, читать их люблю <...>. Ну да ладно. Вот тебе стихотворение <далее идет текст>».

Бальзамова Мария Парменовна (1896—1950) — подруга юности поэта. Сохранилось 17 писем и почтовых открыток Есенина, адресованных Бальзамовой (см. т. 6 наст. изд.).

Береза (с. 45).— Журн. «Мирок», М., <1914>, кн. 1, январь, с. 10. Подпись: Аристон.

Печатается по авторизованной вырезке из журн. «Мирок», включенной в макет сб. «Зарянка» (ИРЛИ).

Автограф неизвестен.

Датируется 1913 г.— с учетом времени на подготовку и выход журнала.

В макет сборника «Зарянка» Есенин включил пять стихотворений, опубликованных в 1914 году («Воробышки», «Пороша», «Береза», «Колокол дремавший...», «С добрым утром»), и пять стихотворений еще не публиковавшихся («Вечер, как сажа...», «Прячет месяц за овинами...», «По лесу леший кричит на сову...», «За рекой горят огни...», «Молотьба»).

На первом листе с названием макета сборника рукой поэта обозначено: «Книгоиздательство. 1916». Неизвестно, для какого книгоиздательства готовился этот сборник, но сохранился он в архиве петроградского издателя М.В.Аверьянова (1867—1941). Не исключено, что Есенин начал составлять сборник в 1914 году в Москве. Работа над макетом была продолжена в Петрограде, где поэт обозначил предполагаемый год издания сборника.

При жизни Есенина «Зарянка» не была издана. Впервые полностью она вошла в сборник стихотворений, выпущенный под тем же названием изд-вом «Малыш» в 1964 году (составитель А.Козловский, «Введение» А.Есениной).

«Береза» — первое, как достоверно известно в настоящее время, напечатанное стихотворение поэта. Авторство

Есенина установлено Д.Золотницким. В 1946 году в ленинградском журнале «Костер» это стихотворение было опубликовано в подборке «Стихи Сергея Есенина» вместе с «Молотьбой» и «По лесу леший кричит на сову...». В кратком вступлении к подборке, в частности, говорилось, что «ленинградский литературовед Д.Золотницкий обнаружил рукопись книжки Есенина «Зарянка» в Институте литературы Академии наук СССР». Позднее Д.Золотницкий опубликовал заметку о стихотворении «Береза» и псевдониме «Аристон» (Золотницкий Д. Из ранних стихов Сергея Есенина.— Журн. «Нева». Л., 1955, № 3, июнь, с. 169—170). В 1962 году стало известно письмо Есенина к Г.А.Панфилову от февраля 1914 г., где поэт сообщал своему другу: «Распечатался я во всю ивановскую. <Ред>актора принимают без просмотра и <псев>доним мой «Аристон» сняли. Пиши, г<ово>рят, <под> своей фамилией» (В.Белоусов. Сергей Есенин. М., 1965, с. 67).

Один из друзей Есенина в своих воспоминаниях замечал, что «вначале он хотел писать под псевдонимом «Ористон» (так назывался начинавший получать распространение в то время музыкальный ящик)», см.: Сардановский Н.А. Из моих воспоминаний о Сергее Есенине (ИМЛИ). Речь шла о механическом музыкальном инструменте Аристон (Aristonette), изобретенном в Германии в 1880-х годах и вошедшем в моду в России.

В литературе о Есенине назван и другой возможный источник происхождения псевдонима «Аристон». Это — стихотворение Г.Р.Державина «К лире» («Звонкоприятная лира...»), где есть такие строки:

Души все льда холоднея.
В ком же я вижу Орфея?
Кто Аристон сей младой?
Нежен лицом и душой,
    Нравов благих преисполнен?

С творчеством Державина Есенин был хорошо знаком. С.М.Городецкий рассказывал, что «молодой рязанец, взяв с полки державинскую книгу, легко находил в ней нравившиеся ему стихи» (подробнее см.: Кошечкин С. «Псевдоним мой „Аристон“...» — Журн. «Смена», М., 1976, № 23, дек., с. 18—19).

В письме к М.П.Бальзамовой (февр. 1914 г.) поэт называет еще один свой псевдоним — «Метеор». Ни одного произведения Есенина, подписанного этим псевдонимом, до сих пор не найдено.

«Я положил к твоей постели...» (с. 46).— Есенин С.А. Собр. соч. В 6-ти т. Т. 6, М., 1980, с. 394.

Печатается по недатированному автографу (ИМЛИ).

Это стихотворение, как и «Исповедь самоубийцы», вызывало сомнение в авторстве Есенина. В 1966 году была проведена почерковедческая экспертиза А.И.Колонутовой, которая установила подлинность руки Есенина (ИМЛИ).

Датируется 1913—1915 гг. с учетом следующих данных.

Известна машинописная копия ответного письма хранителя Музея Есенина при Всероссийском Союзе писателей на имя Л.Л.Мацкевич от 23 февраля 1929 г.:

«Лидии Леонидовне Мацкевич

Музей Есенина настоящим удостоверяет, что им получены от Вас следующие рукописи С.А.Есенина: стих. «Я положил к твоей постели...», «Сонет» <«Моей царевне»>, «Чары» и «Исповедь самоубийцы», письмо 1916 г., адресованное на Ваше имя, и фотография 1913 г. с надписью рукой С.А.Есенина.

Музей приносит Вам свою большую благодарность за чрезвычайно ценные Ваши пожертвования.

Хранитель музея
Секретарь»

(Есенин С.А. Собр. соч. в 6-ти т. Т. 6, М., 1980, с. 398).

Автографы названных стихотворений в настоящее время находятся в рукописном отделе ИМЛИ; «Сонет» («Моей царевне») и «Чары» располагаются на одном листке. Там же хранится фотография Есенина конца 1913 года с надписью:

«На память <имя адресата основательно стерто>

Сережа Есенин
В лето 1914-ое января 10»

Лаборатория Российского Федерального Центра судебной экспертизы при Министерстве юстиции РФ не смогла восстановить утраченный текст (акт № 81/020 от 13.02.1995 г.). Между тем, можно предположить, что надпись сделана поэтом именно Лидии Мацкевич.

Сохранился альбом библиофила Петра Александровича Терского (собрание Ю.Л.Прокушева, Москва), где рукой Есенина записано стихотворение «Чары». Автограф Есенина не датирован, но он помещен между записями других лиц 6 декабря 1914 г. и 24 января 1915 г.

Стихотворение «Сонет» под заглавием «Моей царевне» было опубликовано в феврале 1915 г. (журн. «Жизнь», Казань).

На основании этих документальных данных можно обозначить время создания стихотворения «Я положил к твоей постели...», а также стихотворений «Сонет» («Моей царевне»), «Чары» и «Исповедь самоубийцы» — 1913—1915 годами.

Мацкевич Лидия Леонидовна — московская знакомая Есенина. Ее знал и друг юности поэта Н.А.Сардановский (его письма к ней в ГЛМ). Общение Есенина и Сардановского в Москве приходилось на 1913—1915 гг. (Восп., I, 132—133). Судя по всему, в это время Есенин встречался и с Л.Л.Мацкевич, тогда же вручил ей рукописи своих четырех стихотворений и фотографию 1913 года.

Исповедь самоубийцы (с. 47).— Есенин С.А. Собр. соч. В 6-ти т. Т. 6, М., 1980, с. 392—393.

Печатается по недатированному автографу. Под стихотворением — рукой Есенина: «С.Есен», ниже: «Л.Л. Извините, что плоха и неразборчива рукопись. Я очень нездоров и писать [под] нет сил» (ИМЛИ).

Датируется 1913—1915 гг. (см. коммент. к стихотворению «Я положил к твоей постели...» — с. 351).

Моей царевне (с. 49).— Журн. «Жизнь», Казань, 1915, № 6/7, февр., с. 9.

Беловой недатированный автограф с заглавием «Сонет» (ИМЛИ) помещен на одном листке со стихотворением «Чары».

Печатается по тексту первой публикации.

Датируется 1913—1915 гг. (см. коммент. к стихотворению «Я положил к твоей постели...» — с. 351).

Чары (с. 50).— Газ. «Молодой сталинец», Тбилиси, 1959, 15 авг., № 97 (в статье В.Белоусова «Труд смолоду. Новое о Сергее Есенине»).

Имеется два беловых недатированных автографа: первый — на одном листке со стихотворением «Сонет» («Моей царевне») (ИМЛИ), второй — в альбоме библиофила П.А.Терского (собр. Ю.Л.Прокушева, Москва). Автограф в альбоме по записи более поздний, чем первый (ср. даты в коммент. к стихотворению «Я положил к твоей постели...» — с. 351).

Печатается по автографу в альбоме.

Датируется 1913—1915 гг.

Буря (с. 51).— Газ. «Чарджоуская правда», 1959, 26 июля, № 148 (в статье В.Белоусова «У истоков творчества»).

Печатается по списку, сделанному рукой Ивана Игнатьевича Морозова (1883—1942), поэта, члена Суриковского литературно-музыкального кружка (ИМЛИ).

Автограф неизвестен.

В этом списке под названием «Неизданные стихотворения Сергея Есенина (К 5-летию со дня его смерти — 28.XII.25 г.)», содержащем стихи «Буря» и «Ты ушла и ко мне не вернешься...», говорится: «Стихотворения Сергея Есенина относятся к раннему периоду его литературной деятельности. Сданы они им были в редакцию журнала «Млечный Путь», объединявшего вокруг себя группу крестьянских писателей из состава тогдашнего Суриковского литературного кружка. <...> Настоящие стихотворения не были своевременно напечатаны за прекращением издания журнала и переданы были мне для начатой работы по собиранию сведений о жизни и творчестве писателей-самородков. *Иван Морозов*».

Датируется годами участия Есенина в работе Суриковского кружка, а также с учетом свидетельства И.И.Морозова.

«Ты ушла и ко мне не вернешься...» (с. 52).— Газ. «Чарджоуская правда», 1959, 26 июля, № 148 (в статье В.Белоусова «У истоков творчества»).

Печатается по списку рукой И.И.Морозова.

Автограф неизвестен.

Датируется теми же годами, что и стихотворение «Буря» (коммент. к нему см. выше).

Бабушкины сказки (с. 53).— Журн. «Доброе утро», М., 1915, № 5/6, 10 окт., с. 1.

Печатается по тексту первой публикации.

Автограф неизвестен.

Датируется годами участия Есенина в работе Суриковского литературно-музыкального кружка.

В семье бабушки по материнской линии Натальи Евтихиевны Титовой (1847—1911) будущий поэт прожил около шести лет. Есенин вспоминал в автобиографии (1923): «Стихи начал слагать рано. Толчки давала бабка. Она рассказывала сказки. Некоторые сказки с плохими концами мне не нравились, и я их переделывал на свой лад...».

Лебедушка (с. 54).— Журн. «Доброе утро», М., 1917, № 5/6, март, с. 12—15.

Печатается по тексту первой публикации.

Автограф неизвестен.

Датируется годами участия Есенина в работе Суриковского литературно-музыкального кружка.

Редактором журнала «Доброе утро» был один из руководителей Суриковского кружка — Г.Д.Деев-Хомяковский (псевд. Деева Григория Дмитриевича; 1888—1946). «Для «Доброго утра» у меня есть еще несколько вещей»,— сообщал Есенин Дееву-Хомяковскому в феврале 1915 г. Не исключено, что стихотворение «Лебедушка» Есенин передал в редакцию журнала до своего отъезда в Петроград (начало марта 1915 г.).

Королева (с. 59).— Журн. «Доброе утро», М., 1918, № 3/4, февр.— март, с. 17.

Печатается по тексту первой публикации.

Автограф неизвестен.

Датируется годами участия Есенина в работе Суриковского литературно-музыкального кружка, а также по воспоминаниям Г.Д.Деева-Хомяковского. В своем очерке «Правда о Есенине» (журн. «На литературном посту», М., 1926, № 4, май, с. 33—35) стихотворение «Королева» Деев-Хомяковский относил к 1913—1914 гг. В частности, он писал о есенинских стихах той поры, что «в них было много сказочного, былинного <...>, образ крестьянского плетня переплетался с образами королев и королей...»

Это стихотворение, как и «Лебедушку», Есенин, возможно, передал в редакцию журнала «Доброе утро» до своего отъезда в Петроград.

Пороша (с. 61).— Журн. «Мирок», М., 1914, кн. 2, <февр.>, с. 46.

Печатается по недатированному автографу в сб. «Зарянка» (ИРЛИ), с исправлением в одиннадцатой строке по тексту «Мирка»: вместо «под густою» — «под самою».

Датируется по первой публикации.

«Среди материалов, по которым Есенин составлял «Собрание», этого стихотворения не было» (Комментарий — ГЛМ).

Село (Пер<евод> из Шевченко) (с. 62).— Журн. «Мирок», М., 1914, кн. 3, март, с. 85.

Печатается и датируется по первой публикации.

Автограф неизвестен.

Стихотворение — вольный перевод отрывка из поэмы Т.Г.Шевченко «Княжна» (1858):

Село! І серце одпочине:
Село на нашій Україні —
Неначе писанка, село,
Зеленим гаєм поросло.
Цвітуть сади, біліють хати,
А на горі стоять палати,
Неначе диво. А кругом
Широколистії тополі,
А там і ліс, і ліс, і поле,
І сині гори за Дніпром.
Сам Бог витає над селом.

(Тарас Шевченко. Повне зібрання творів у 12 томах. Том 2. Київ, 1990, с. 16—17).

В 1914 году исполнилось 100 лет со дня рождения великого украинского поэта, и эта дата широко отмечалась в России.

Возможно, мысль о переводе стихов Т.Г.Шевченко подсказал Есенину И.А.Белоусов, чья книга «Из Кобзаря» вышла еще в 1887 году.

С Белоусовым Есенин познакомился в 1913 году в Москве (см. Субботин С. Полный жизни и света (Сергей Есенин в 1913 году: неизвестные воспоминания <В.Е.Воскресенского>).— Газ. «Голос». Рязань, 1994, 6—12 января, № 1, с. 5). О первой встрече с юным поэтом Белоусов вспоминал: «...Передо мной стоит скромный, белокурый мальчик,— до того робкий, что боится даже присесть на край стула,— стоит, молча потупившись, мнет в руках картузок.

Его привел ко мне (помнится, в 1911 г.— <ошибка памяти>) репетитор моих детей — Владимир Евгеньевич Воскресенский — «вечный студент» Московского университета, народник, служивший корректором при типографии Сытина.

«Я к вам поэта привел,— сказал Воскресенский и показал несколько стихотворений,— это вот он написал,— Сергей Есенин!..»

Не помню, какие стихи он принес. Но я сказал поэту несколько сочувственных слов.

А молодой поэт стоял, потупившись, опустив глаза в землю. Имя Сергея Есенина тогда еще ничего никому не говорило». (Белоусов Иван. Цветок неповторимый (У гроба Сергея Есенина).— Сб. «Памяти Есенина». М., 1926, с. 138).

«Колокол дремавший...» (с. 63).— Журн. «Мирок», М., <1914>, кн. 4, <апр.>, с. 124. Под заглавием «Пасхальный благовест».

Печатается по авторизованной вырезке из журнала «Мирок» (Зарянка — ИРЛИ).

Автограф неизвестен.

Датируется по первой публикации.

См. в наст. т. коммент. к стихотворению «Береза» — с. 349—350.

Кузнец (с. 64).— Газ. «Путь правды», СПб., 1914, 15 мая, № 87.

Печатается и датируется по первой публикации.

Автограф неизвестен.

Стихотворение было перепечатано в газ. «Эхо», Вологда, 1914, 13 июня, № 157 — с ошибочной подписью «Сергей Еонкин».

Возможно, это стихотворение — не первое выступление поэта в большевистской печати (см. коммент. к стихотворению «В эту ночь...» в разделе «Приписываемое» — с. 523).

На страницах этого номера газеты «Путь правды» впервые встретились два имени — Сергей Есенин и Демьян Бедный (стихотворение «Деревня. Быль»).

Об участии Есенина в рабочем движении см.: Шалагинова Л. Сергей Есенин в революционной Москве (1912—1914).— Журн. «Вопросы литературы». М., 1987, № 11, ноябрь, с. 177—185.

С добрым утром! (с. 66).— Журн. «Мирок», М., 1914, кн. 7, июль, с. 219.

Печатается по авторизованной вырезке из журнала «Мирок» (Зарянка — ИРЛИ).

Автограф неизвестен.

Датируется по первой публикации.

«Среди материалов, по которым Есенин составлял «Собрание», этого стихотворения не было» (Комментарий — ГЛМ).

Юность (с. 67).— Журн. «Огонек», М., 1987, № 30, 25 июля — 1 авг., с. 30 (с предисловием Михаила Поспелова «Весенней гулкой ранью. Неизвестный автограф Есенина»).

Недатированный автограф Есенина на обороте его фотографии конца 1913 года (собрание М.Б.Поспелова, Москва). Подпись под стихотворением: «Ес.». Над текстом стихотворения рукой неизвестного лица написано: «На память Полине». Слева от этих строк — надпись карандашом: «Полине Ивановне Рович».

Печатается по факсимильному воспроизведению этого текста в журнале «Огонек».

Датируется по этой фотографии Есенина, а также по времени его встреч с семьей Рович (лето 1914 г.),— см.: Н.А.Сардановский. «На заре туманной юности» (Восп., I, 130—132).

Рович Полина Ивановна (1893—1919?), сестра сверстника Есенина К.И.Ровича (1897—1972).

Егорий (с. 68).— Сергей Есенин. Стихотворения и поэмы. Л., 1956, с. 67—68 (Б-ка поэта. Большая серия. Второе издание).

Черновой автограф. Помещен на обороте одного из листов автографа поэмы «Марфа Посадница» (РНБ, ф. К.К.Владимирова).

Текст представляет собою незавершенную редакцию стихотворения. Об этом свидетельствует зачеркнутая и не исправленная автором часть пятой строки.

В автографе трудно читаются отдельные слова. Поэтому в первой публикации текста и ряде последующих изданий (Собр. соч., т. 1, М., 1961; то же, т. 1, М., 1966; Собр. соч., т. 4, М., 1978) слово «ратобойцы» читалось как «ратовой уж», слово «грозовой» — как «чужевой»...

В 1968 году Р.Б.Заборова в статье «Изучая рукописи Есенина» (журн. «Русская литература». Л., № 4) предложила свое прочтение некоторых слов в есенинском тексте.

В наст. издании текст и варианты даются по черновому автографу, прочтенному по фотокопии (собрание Ю.Л.Прокушева), сделанной в 1957 г. (тогда рукопись, выполненная карандашом, читалась более четко).

Датируется годом написания «Марфы Посадницы» — 1914.

Какие-либо документальные данные, говорящие о более раннем или позднем, чем «Марфа Посадница», создании «Егория», обнаружить не удалось.

У литературоведов нет единого мнения о конкретном источнике стихотворения. Так, Л.Л.Бельская считала «Егория» переложением «евангельских легенд», восходящих «к апокрифам и народным сказаниям» (см. ее автореферат канд. дис. «Раннее творчество Сергея Есенина (Стихи 1910—1916 гг.)», Алма-Ата, 1967, с. 12). Р.Б.Заборова в указанной выше статье писала, что «Егория» следует сравнивать «с духовными стихами, близкими к былинам». Е.И.Наумов замечал: в стихотворении «Егорий» Есенин «явно отправляется <...> от духовных стихов, которые отвергались официальной церковью» (Наумов Е. Сергей Есенин. Личность. Творчество. Эпоха. Л., 1969, с. 66). А.Л.Дымшиц видел в произведении «обработку фольклорного мотива, в котором св. Георгий Победоносец предстает в образе народного заступника — Егория Храброго» (см. примеч. в есенинском томе «Библиотеки поэта», Большая серия, с. 396).

Близость стихотворения Есенина к фольклорным сюжетам видна, в частности, из следующих наблюдений А.Кирпичникова, связанных с образом Егория: «И в поговорках, и в сказаниях Егорий пасет зверей, особенно

волков, и распределяет им пищу <...>. Покровительство стадам ведет Егория прямо к начальству над волками и другими дикими зверями <...>, представление именно волков собаками божественного воеводы — обычное представление» (Кирпичников А. Св. Георгий и Егорий Храбрый. Исследование литературной истории христианской легенды. СПб., 1879, с. 114, 148).

А.П.Ломан полагал: «Наиболее вероятно, что поэт использовал бытующие в Рязанском крае «Песнь о Егории» и «Легенду о Егории» — «Легенду» более, чем «Песнь». Исследователь рассматривал есенинское стихотворение «как экстрактивную рецепцию «Легенды», так как поэт из всей «Легенды» экстрагировал лишь два эпизода — «православные разбежались по лесам... и жили с волками», и Егорий, избавляя мать-Родину от иноземцев, «встретил много волков и напустил их на хана. Оба выбранных эпизода служат для усиления патриотической направленности поэмы...» (Ломан А.П. Материалы к исследованию источников поэмы Есенина «Егорий».— Сб. «Есенин и современность». М., 1975, с. 230—231).

Лохманида — здесь: схватка, драка.

Планида — в гороскопическом смысле: судьба.

Громовень — громовой рев, шум.

Молитва матери (с. 71).— Журн. «Проталинка», М., 1914, № 10, окт., с. 635—636; журн. «Доброе утро», М., 1915, № 11, 10 февр., с. 9.

Печатается и датируется по первой публикации, так как во второй публикации искаженно передаются описываемые в стихотворении реалии (см. раздел «Варианты» — с. 291).

Автограф неизвестен.

В обзоре журналов для детского чтения за 1914 г. («Солнышко» и «Проталинка»), опубликованном без подписи в критико-библиографическом издании «Новости

детской литературы» (М., 1915, февр., № 2. с. 18—19), отмечалось: «Война и связанные с ней переживания нашли отклик <...> в стихотворениях: «Молитва матери» Есенина, «Равнина» Верхарна, во многих иллюстрациях, а также в обращении к детям — посильно отозваться на общее горе».

Богатырский посвист (с. 72).— Газ. «Новь», М., 1914, 23 ноября, № 122.

Печатается и датируется по первой публикации.

Автограф неизвестен.

Перепечатывалось из «Нови» в газете «Сызранское утро» (1914, 27 ноября, № 264).

Первые четыре строки стихотворения в несколько измененном виде повторены во второй строфе третьей главки поэмы «Русь».

Бельгия (с. 74).— Журн. «Марс», М., 1915, № 1, янв., с. 8.

Печатается по первой публикации.

Автограф неизвестен.

Датируется с учетом срока выхода журнала (еженедельника).

Стихотворение было также напечатано в сб. «Песни о Бельгии». Собр. Евгением Вильчинским. Посвящ. Его Величеству королю Бельгии Альберту I. Пг., 1916, с. 25—26; под текстом и в оглавлении ошибочно указан инициал: «Е.Есенин». Существует недокументированное свидетельство, что это стихотворение Есенину не принадлежит (см.: Земсков В.Ф. Встречи Маяковского и Есенина.— Сб. «Маяковский и советская литература. Статьи, публикации, материалы и сообщения». М., 1964, с. 356).

Стихотворение связано с фактом оккупации нейтральной Бельгии германской армией в августе 1914 года. Стойкое сопротивление бельгийских солдат, героизм народа,

мужество короля Альберта I (1875—1934) вызвали в те дни сочувственные отклики многих писателей, деятелей искусств России. Для оказания помощи бельгийским патриотам организовывались сборы средств, проводились лотереи, выпускались книги.

Сиротка (Русская сказка) (с. 75).— Журн. «Мирок», М., 1914, кн. 12, дек., с. 364—368.

Печатается и датируется по первой публикации.

Автограф неизвестен.

Сюжет стихотворения восходит к русской народной сказке «Морозко». «На протяжении всей жизни Есенина почти до самого конца одними из любимых книг и одно время даже настольных его были «Русские народные сказки» А.Н.Афанасьева и «Поэтические воззрения славян на природу» того же автора. Он говорил, что черпал из них много материалов для своего творчества» (Комментарий — ГЛМ).

Узоры (с. 81).— Журн. «Друг народа», М., 1915, № 1, янв., с. 3.

Печатается по тексту первой публикации.

Автограф неизвестен.

Датируется годом начавшейся в августе 1914 г. первой мировой войны, а также с учетом времени подготовки к печати и выхода в свет (дек. 1914 г.) номера журнала — см. Г.Д.Деев-Хомяковский. «Правда о Есенине» (Восп., I, 149—150).

Стихотворение было отмечено среди других произведений, из которых «глядит не только жуть» войны, но и светится надежда на то, что минуют «страшной жизни грозы» (Клейнборт Л. Печатные органы из народа: «Народная семья», «Друг народа», «Заря Поволжья».— Журн. «Северные записки». Пг., 1915, <№ 7—8>, июль — авг., с. 118).

На страницах журнала «Друг народа» № 1 за 1915 год впервые встретились имена Есенина и Ширяевца — стихотворение «Хоровод» («Не цветочки расцветали...»). «Я рад, что мое стихотворение помещено вместе с Вашим»,— писал Есенин Ширяевцу 21 января 1915 г. (см. т. 6 наст. изд.).

Что это такое? (с. 82).— Журн. «Мирок», М., 1915, кн. 1, <январь>, с. 28.

Печатается по тексту первой публикации.

Автограф неизвестен.

В Собр. ст. (Стихи и проза. Т. 4) стихотворение помещено среди произведений 1915 г.

Нами датируется 1914 годом с учетом времени подготовки номера журнала к печати.

В рецензии «Четвертый том Есенина» Инн. Оксенов писал: «Предчувствие своего голоса появляется у Есенина не ранее 1913—14 гг. Такие стихи, как «Ямщик» (1914), «Что это такое?» (1915), «На небесном синем блюде...» (1915), уже ясно показывают будущее лицо поэта, намечают его дальнейший путь» («Красная газета». Веч. вып. Л., 1927, 13 мая, № 126).

Ямщик (с. 83).— «Красная газета». Веч. вып., Л., 1926, 14 июня, № 137.

Автограф факсимильно воспроизведен в сб. «Памяти Есенина», с редакционной пометой: «1914 год. Рукопись принадлежит И.А.Белоусову». Местонахождение автографа в настоящее время неизвестно.

Печатается по тексту, факсимильно воспроизведенному в сборнике.

Датируется по помете под автографом.

В «Красной газете» опубликовано вместе со стихами «Гусляр» («Темна ноченька, не спится...»), «Мальвине Мироновне» («В глазах пески зеленые...») под общим заголовком «Стихотворения Сергея Есенина» и редакцион-

ным примечанием: «Печатаются в выходящем в свет сборнике «Памяти Есенина», изд. Всеросс. Союза поэтов. М., 1926. Стр. 272. Ц. 2 р. 50 к. Воспроизводится в «Кр. газ.» с разрешения издательства».

«Среди материалов, по которым Есенин подготавливал свое «Собрание», этого стихотворения не было» (Комментарий — ГЛМ).

См. также коммент. к стихотворениям «Село» (с. 356—357) и «Что это такое?» (с. 364).

Удалец (с. 85).— Журн. «Красный смех», М., 1915, № 6, <февр.>, с. 7 — ст. 13—16; полностью — газ. «Веч. Тбилиси», 1959, 15 авг., № 192 (в статье В.Белоусова «Неопубликованные стихи Сергея Есенина»).

Печатается по беловому недатированному автографу (РГБ).

Датируется 1914—1915 годами — по времени подготовки к выпуску в свет журнала.

На автографе помета Есенина: «Красный смех» и его же приписка:

«Если в двух последних номерах не появится, то будет напечатано в другом журнале. С почт. *С.Есенин.*

О почтовом ящике я говорил лично, что <последнее слово зачеркнуто>».

«Красный смех» — еженедельный сатирический и юмористический журнал, выходивший в Москве в 1915 году (всего выпущено 9 номеров).

Приписка — письмо в редакцию журнала. Фраза после подписи связана с шестым номером журнала, где в отделе «Почтовый ящик» дан следующий ответ автору:

«Сергею Е.

Ты гори, моя зарница!
Не страшён мне вражий стан.
Зацелует баловница,
Как куплю ей сарафан.

Сия аллегория должна, очевидно, изобразить домашний очаг, ставший «вражьим станом» и требующий для умиротворения сарафан?

Действительно, военный мотив!

Фук и Дид».

Псевдоним «Фук и Дид» расшифровать не удалось.

«Вечер, как сажа...» (с. 87).— Журн. «Нева», М.— Л., 1955, № 3, июнь, с. 170.

Беловой недатированный автограф (Зарянка — ИРЛИ).

Печатается по этому автографу.

Датируется годами подготовки сб. «Зарянка» (см. коммент. к стихотворению «Береза» — с. 349—350).

В журнале напечатано вместе со стихотворениями «Бабушкины сказки», «Береза», «Село. Из Тараса Шевченко», «Королева», «По лесу леший кричит на сову...». Публикации предпослана статья Д.Золотницкого «Из ранних стихов Сергея Есенина».

Гасница — маленькая керосиновая лампа без стекла, коптилка; здесь — пламя гасницы.

Тропарь — (*церк.*) молитвенные стихи, церковные песнопения в честь какого-либо праздника или святого.

«Прячет месяц за овинами...» (с. 88).— Сергей Есенин. Избранное. М., 1952, с. 64.

Беловой недатированный автограф (Зарянка — ИРЛИ).

Печатается по этому автографу.

Датируется годами подготовки сб. «Зарянка» (см. коммент. к стихотворению «Береза» — с. 349—350).

«По лесу леший кричит на сову...» (с. 89).— Журн. «Костер». Л., 1946, № 7, июль, с. 25.

Беловой недатированный автограф (Зарянка — ИРЛИ).

Печатается по этому автографу.

Датируется годами подготовки сб. «Зарянка» (см. коммент. к стихотворению «Береза» — с. 349—350).

В журнале напечатано вместе со стихотворениями «Молотьба», «Береза» под заголовком «Стихи Сергея Есенина». Публикация предварялась следующим предисловием:

«Девятнадцати лет С.Есенин приехал из рязанской деревни в Москву и поступил на работу в типографию.

Вскоре в тогдашних московских детских журналах («Мирок», «Проталинка») появились его первые стихотворения: «Поет зима — аукает...», «Черемуха душистая...» и другие.

В 1916 году Есенин намеревался выпустить свои стихи для детей отдельной книжкой, но помешала война.

Только теперь, спустя 30 лет, ленинградский литературовед Д.Золотницкий обнаружил рукопись книжки Есенина «Зарянка» в архиве Института литературы Академии наук СССР. Ниже мы печатаем неизданные стихи из этой книжки».

«За рекой горят огни...» (с. 90).— Сергей Есенин. Избранное. М., 1952, с. 66 (с неточностью).

Беловой недатированный автограф (Зарянка — ИРЛИ).

Печатается по этому автографу.

Датируется годами подготовки сб. «Зарянка» (см. коммент. к стихотворению «Береза» — с. 349—350).

Летошний — прошлогодний, относящийся к прошлому лету или году.

Корогод — хоровод.

Молотьба (с. 91).— Журн. «Костер», Л., 1946, № 7, июль, с. 25.

Беловой недатированный автограф (Зарянка — ИРЛИ).

Печатается по этому автографу.

Датируется годами подготовки сб. «Зарянка» (см. коммент. к стихотворениям «Береза» — с. 349—350 — и «По лесу леший кричит на сову...» — с. 366—367).

«На лазоревые ткани...» (с. 93).— Журн. «Русская мысль». М.—Пг., 1915, кн. 7, июль, с. 27—28; журн. «Северная звезда». Пг., 1916, № 1, 1 янв., с. <58>; альманах «Северное сияние». Пг., 1916, $Р_{16}$; $Р_{18}$; корректура сб. «Руссеянь», 1920 (ИМЛИ).

Печатается по тексту невышедшего сб. «Руссеянь». М., Альциона, 1920.

Автограф неизвестен.

Датируется по записи (№ 1653 от 16 янв. 1915 г., под заглавием «Вечер») в книге регистрации рукописей редакции «Ежемесячного журнала» (ИРЛИ, ф. В.С.Миролюбова). Стихотворение в «Ежемесячном журнале» не появилось. Под заглавием «Вечер» («На лазоревые ткани...») оно было напечатано в указанных выше петроградских изданиях. Другое стихотворение этого периода под таким названием неизвестно (ср. коммент. в 1 т. наст. изд. к стихотворению «Вот уж вечер. Роса...»).

В $Р_{16}$ — в разделе «Маковые побаски».

Об этом разделе, где среди других стихотворений напечатаны «Вечер» («На лазоревые ткани...»), а также «Белая свитка и алый кушак...», «Девичник», входящие в этот том, критик З.Бухарова писала: «Особенно характерны для молодого поэта его «Маковые побаски» <...>, где так ярко зарисована жизнь деревни в ее праздниках, труде, обрядности, где ласковые, свежие строки, при всей их внешней легкости, обвеяны дымкой кроткой, не вполне еще осознанной чисто славянской грусти» (Н.— прил., Пг., 1916, № 5, май, стб. 149).

В рецензии на три есенинских сборника ($Р_{18}$, $П_{18}$, Сел. час.), подписанной *Евстафий Григорьев*, говори-

лось: «<...> Есенин воспринимает мир в такой праздничной яркости, красоте, бодрости. Возьмите ранние его стихи из сборника «Радуница». Лихим раздольем полны бег тройки в стихотворении «На лазоревые ткани...» или гульба новобранцев в стихотворении «По селу тропинкой кривенькой...» (журн. «Зарево заводов», Самара, 1919, № 2, с. 81; есть основание предполагать, что рецензия подписана совместным псевдонимом Н.А.Павлович и М.П.Герасимова — членами редакционной коллегии журнала, часто встречавшимися и сотрудничавшими с Есениным осенью 1918 года — см. в разделе «Коллективное» наст. т. стихотворение «Кантата» и коммент. к нему (с. 480—483), в 5 томе — киносценарий «Зовущие зори» и коммент. к нему).

«В «Собрание» Есенин это стихотворение не включил» (Комментарий — ГЛМ).

«На небесном синем блюде...» (с. 95).— Кр. новь., 1926, кн. 5, май, с. 99 (с неточностью).

Печатается по списку рукой И.А.Белоусова (РГАЛИ).

Автограф неизвестен.

В Собр. ст. (Стихи и проза. Т. 4) указано: «Доставлено В.И.Вольпиным, которому сообщено И.А.Белоусовым» (с. 424).

В «Комментарии» же С.А.Толстой-Есениной говорится: «Составителями IV-го тома оно было получено от И.А.Белоусова и датировано по его указанию» (в IV томе стихотворение напечатано в подборке произведений 1915 года).

См. также в наст. т. коммент. к стихотворению «Что это такое?» — с. 364.

С учетом этого стихотворение датируется 1915 годом.

«Во время работы над «Собранием» у Есенина этого стихотворения не было» (Комментарий — ГЛМ).

Греция (с. 96).— Журн. «Огниво». М., 1915, № 6/8, с. 2.

Печатается и датируется по первой публикации.

Автограф неизвестен.

В журнале опубликовано вместе со стихотворением «Польша» под общим заголовком «Два сонета» и с последовательной нумерацией римскими цифрами (I и II).

Стихотворение обращено к Греции, в то время еще не втянутой в мировую войну. По сообщениям русских газет начала 1915 г., вопрос о позиции страны по отношению к войне вызывал во влиятельных кругах Греции разноречивые суждения: одни высказывались за сотрудничество с кайзеровской Германией, другие настаивали на принятии стороны Антанты, к которой примыкала Россия. 29 июля 1917 года Греция сделала свой выбор, выступив на стороне Антанты.

Ахиллес (Ахилл) — в древнегреческой мифологии герой Троянской войны, описанной в поэме Гомера «Илиада». Во время осады и взятия Трои (ок. 1260 г. до н.э.) Ахиллес при покровительстве богинь Афины и Геры совершил несколько подвигов.

Патрокл — друг Ахиллеса, вместе с ним участвовал в Троянской войне. Убит Гектором.

Гектор — один из главных троянских героев, старший сын царя Трои Приама, погиб в единоборстве с Ахиллесом.

Андромаха — супруга Гектора, образ верной любящей жены.

Будь Сербии сестрою...— православная Сербия первой приняла на себя удар австро-венгерских и немецких войск в августе 1914 года.

Сои (соя) — устаревшее название сойки, лесной перелетной птицы с пестрым оперением и резким скрипучим голосом.

Польша (с. 97).— Журн. «Огниво». М., 1915, № 6/8, с. 2.

Печатается и датируется по первой публикации.

Автограф неизвестен.

В журнале опубликовано вместе со стихотворением «Греция» под общим заголовком «Два сонета».

Стихотворение написано в связи с началом оккупации Польши (Польского Королевства, входившего с 1815 года в состав Российской империи) немецкими и австро-венгерскими войсками в первую мировую войну.

Периодическая печать России того времени много писала о героизме поляков, отстаивающих свою родину от захватчиков. К концу 1915 года вся территория Польши была оккупирована.

Костюшко Тадеуш (1746—1817) — польский политический и военный деятель, руководитель Польского восстания 1794 г. В сражении с царскими войсками был ранен и взят в плен, заключен в Петропавловскую крепость. Освобожден в 1796 году. Умер в Швейцарии, прах его перевезен в Краков.

Черемуха (с. 98).— Журн. «Мирок», М., <1915>, кн. 3, <март, с. 87>; журн. «Задушевное слово», Пг., 1915, № 24, 12 апр., с. 382.

Печатается по тексту «Задушевного слова» (еженедельный журн. для старшего возраста).

Автограф неизвестен.

Датируется по первой публикации.

Стихотворение из «Мирка» было перепечатано в сб. «Ясное утро». Вторая книга для чтения. Сост. Вс. Флеров. М., 1924, с. 98—99.

«В «Собрание» это стихотворение Есенин не включил» (Комментарий — ГЛМ).

«Я одену тебя побирушкой...» (с. 99).— Газ. «Веч. Москва». 1928, 15 сент., № 215 (с неточностями).

Автограф хранился в архиве Рюрика Ивнева; местонахождение в настоящее время неизвестно.

Печатается и датируется по фотокопии автографа (собрание Ю.А.Паркаева, Москва).

Перепечатано в газете «Слово», Рига, 1928, 20 сент., № 985.

Ивнев Рюрик (псевд., наст. фам. и имя: Ковалев Михаил Александрович; 1891—1981), поэт, прозаик, переводчик, входил в литературную группу имажинистов, один из друзей Сергея Есенина.

В воспоминаниях «О Есенине» Р.Ивнев, рассказывая о первых встречах с поэтом в 1915 году в Петрограде, писал: «Мы были так увлечены творчеством Есенина, что о своих стихах забыли. Я думал только о том, как бы скорее услышать еще одно из его новых стихотворений, которые ворвались в мою жизнь, как свежий воздух.

Под впечатлением наших встреч я написал и посвятил ему стихотворение, которое «вручил» 27 марта 1915 года.

Два дня спустя, 29 марта, Есенин ответил мне стихотворением «Я одену тебя побирушкой...»

С тех пор наша дружба была скреплена стихами» (Рюрик Ивнев. Часы и голоса. Стихи. Воспоминания. М., 1978, с. 152).

Стихотворение Рюрика Ивнева (автограф — ИМЛИ):

Сергею Александровичу Есенину

Я тусклый, городской, больной,
Изношенный, продажный, черный.

Тебя увидел, и кругом
Запахло молоком, весной,
Травой густой, листвой узорной,
Сосновым свежим ветерком.

Душа моя как на ладони,
Возьми и грязь ее сотри
Широкою рукой своей,
Будь наблюдателем агоний
Моей тускнеющей зари,
Моих невыносимых дней.

И на уродливое сердце
Слез сеном пахнущий родник
Из глаз веселых урони,
И буду я на солнце греться,
Смотря на твой румяный лик,
На Богом посланные дни.

Не отвернись с улыбкой страшной
И равнодушной от меня,
Господь тебя благословит.
Пусть, как дикарь, я разукрашен,
Я жду спасенья, жду огня,
Который ужас мой спалит.

Пусть уничтоженный, больной,
Весь в язвах и на костылях,
Но я пойду на зов кликуш,
Спаси меня своей весной,
Веди меня в свои поля,
В хлеба, в хор Божьих стройных душ.

27 марта 1915

Прибаска — красное словцо, прибаутка; здесь — частушка.

Цевна (цевница) — народный духовой музыкальный инструмент, род свирели.

«О дитя, я долго плакал над судьбой твоей...» (с. 101).— Журн. «Парус», М., 1915, № 2, <март—апр.>, с. 26.

Печатается и датируется по первой публикации.

Автограф неизвестен.

Побирушка (с. 102).— Журн. «Доброе утро», М., 1915, № 16, 25 апр., с. 2.

Печатается и датируется по первой публикации.

Автограф неизвестен.

Девичник (с. 103).— Еж. ж., Пг., 1915, № 6, июнь, с. 4; $Р_{16}$.

Печатается по тексту $Р_{16}$.

Автограф неизвестен.

Датируется по книге регистрации рукописей в «Ежемесячном журнале» (поступление 27 апреля 1915 года за № 2198).

В $Р_{16}$ — в разделе «Маковые побаски».

Под названием же «Маковые побаски» осенью 1915 года литературно-художественное общество «Страда» намеревалось выпустить «книгу стихов молодого поэта Сергея Есенина» (см. раздел «Литературная хроника» в газ. «День», Пг., 1915, 29 окт., № 298).

О стихотворении «Девичник» в «Комментарии» С.А.Толстой-Есениной сказано: «В «Собрание» Есенин его не включил».

Сам Есенин в разговоре с И.Н.Розановым в 1921 году заметил: «Обратите внимание <...>, что у меня почти нет любовных мотивов. «Маковые побаски» можно не считать, да я и выкинул большинство из них во втором изда-

нии «Радуницы» (Розанов Иван. Есенин о себе и о других. М., 1926, с. 13).

Рюшка — обшивка из сборчатой легкой ткани.

Город (с. 104).— Журн. «Звезда», Л., 1975, № 4, апр., с. 189 (со статьей Т.Конопацкой «Неизвестные стихи Сергея Есенина»).

Печатается по беловому недатированному автографу (ГЛМ).

Датируется по свидетельству Л.В.Бермана, секретаря петроградского журнала «Голос жизни», где в 1915 году печатались стихотворения Есенина:

«Как-то я предложил ему:

— Вот ты пишешь все о деревне и о деревне. Попробуй написать о городе. Ведь ты видишь город совсем иначе, чем городские поэты.

И вот Есенин принес стихотворение «Город». Когда я его прочитал, то понял, что я ему в советчики не гожусь. Но понял я также, что Есенин поэт не только одаренный, а и очень самобытный» (цит. по указанной выше статье Т.Конопацкой в журн. «Звезда», с. 188).

«У крыльца в худой логушке деготь...» (с. 106).— Журн. «Звезда», Л., 1975, № 4, апр., с. 189 (со статьей Т.Конопацкой «Неизвестные стихи Сергея Есенина»).

Печатается по беловому недатированному автографу (ГЛМ).

Датируется тем же годом, что и «Город» (см. выше коммент. к этому стихотворению).

Логушка (лагушка) — небольшой деревянный бочонок с боковым отверстием (для дегтя).

Шкворень (шворень) — болт, стержень, на котором поворачивается передок всякой повозки.

Канка (ряз. и тамб. диалект) — индюшка (индейка).

Старухи (с. 107).— Журн. «Звезда», Л., 1975, № 4, апр., с. 188. (со статьей Т.Конопацкой «Неизвестные стихи Сергея Есенина»).

Печатается по недатированному беловому автографу (ГЛМ).

Датируется тем же годом, что и «Город» (см. коммент. к этому стихотворению — с. 375).

Гашник — веревочка, шнурок, тесьма.

«Я странник убогий...» (с. 108).— $Р_{16}$; $Р_{18}$.

Беловой недатированный автограф (ИРЛИ); другой беловой недатированный автограф, помещенный на одном листе со стихотворением «Инок» («Пойду в скуфейке светлый инок...») (Архив М.П.Мурашева, хранится у наследников. Москва).

Печатается по $Р_{18}$.

Датируется по письму Есенина к В.С.Чернявскому (июнь 1915) с этим стихотворением.

В статье «Народный златоцвет» П.Н.Сакулин писал: «Поэт — «странник улогий», «пришел на эту землю, чтоб скорей ее покинуть». «Пою я о Боге касаткой степной»,— говорит он о себе.—«На сердце лампадка, а в сердце Исус» («Вестник Европы», Пг., 1916, кн. 5, май, С. 205—206).

Сочувственное цитирование профессором есенинских строк вызвало осуждающий отклик у поэта Д.Н.Семёновского, знакомого с Есениным по совместной учебе в университете им. А.Л.Шанявского. Семёновский переписывался с А.М.Горьким, принимавшим близкое участие в судьбе этого молодого поэта. В июле 1916 г. Семёновский писал Горькому: «...как не стыдно Сакулину хвалить такие стишки, как

Я странник улогий!
В кубетке сырой

Пою я о боге
Касаткой степной».

(Сергей Есенин в стихах и жизни: Письма. Документы. <Кн. 3>. М., 1995, с. 310.

В 1921 году Есенин говорил И.Н.Розанову:

— Знаете ли вы мою «Радуницу»?

— Да.

— Какое у вас издание?

— У меня есть и первое и второе.

— Ну, тогда вы могли это заметить и сами. В первом издании у меня много местных, рязанских слов. Слушатели часто недоумевали, а мне это сначала нравилось. «Что это такое значит,— спрашивали меня:

Я странник *улогий*
В *кубетке* сырой?»

Потом я решил, что это ни к чему. Надо писать так, чтобы тебя понимали. Вот Гоголь: в «Вечерах» у него много украинских слов — целый словарь понадобилось приложить, а в дальнейших своих малороссийских повестях он от этого отказался. Весь этот местный рязанский колорит я из второго издания своей «Радуницы» выбросил.

— Но и вообще второе издание, кажется, сильно переработано,— заметил я,— состав стихотворений другой.

— Да, я много стихотворений выбросил, а некоторые вставил, кое-что переделал, например, изменил стихи о «страннике улогом» и о «кубетке» — стало просто:

Я странник убогий,
С вечерней звездой
Пою я... *и т.д.*

(Розанов Иван. Есенин о себе и о других. М., 1926, с. 14).

Кубетка (обл. ряз.) — временное убежище, конура, шалаш.

Разбойник (с. 110).— «Свирель». Третий альманах молодой поэзии. Пг.— Томск, 1917, с. 6.

Печатается по тексту первой публикации.

Автограф неизвестен.

Датируется на основании письма Л.И.Каннегисера из Петрограда к Есенину в Константиново от 11 сентября 1915 года (РГАЛИ). В этом письме передается просьба редактора журнала «Северные записки» С.И.Чацкиной «прислать переделанного „Разбойника“». Предыстория этой просьбы, видимо, такова. Известно, что летом 1915 г. Каннегисер гостил у Есенина в Константинове. Перед отъездом Каннегисера Есенин передал ему для петроградских изданий несколько стихотворений. В их числе был «Разбойник», которого поэт намеревался переделать. Стихотворение, переданное в редакцию «Северных записок», заинтересовало Чацкину и ей захотелось получить его в переделанном виде. Ответил ли Есенин на эту просьбу — неизвестно, стихотворение в журнале не появилось.

Ножни́ца (обл. ряз.) — деревянный или кожаный футляр для ножа.

«Белая свитка и алый кушак...» (с. 112).— $Р_{16}$; Еж. ж., 1916, № 5, май, стб. 7.

Печатается по тексту Еж. ж.

Автограф неизвестен.

Датируется по письму неустановленного лица к Есенину от 16 сентября 1915 г. В письме сообщается о мнении редактора «Ежемесячного журнала» В.С.Миролюбова, что полученные от Есенина стихотворения «Танюша» («Хороша была Танюша, краше не было в селе...»), «Бе-

лая свитка и алый кушак...» «можно будет напечатать». Подпись: За секретаря П.Бер <...> (РГАЛИ).

Шигая — скрываясь.

Плясунья (с. 114).— Газ. «Кубанская мысль», Екатеринодар, 1915, 29 нояб., № 60.

Печатается и датируется по первой публикации.

Автограф неизвестен.

Публикация в газете предварялась статьей П.Кузько «О поэтах из народа», где, в частности, говорилось: «Сегодня на столбцах нашей газеты читатели найдут присланное в редакцию Есениным стихотворение «Плясунья». Правда, немного затруднительное для понимания, благодаря словам чисто областного характера, но характерное для молодого поэта».

К отдельным словам даны объяснения в сносках под стихотворением: «1. *Трензель* — музыкальный треугольник, в который стучат палочкой. 2. *Не робь* — не робей. 3. *Косники* — ленты в косах».

В этой же газете 15 ноября 1915 г. был помещен материал Сергея Городецкого «Письмо из Петрограда. Об искусствах и литературе». В разделе «Поэзия» автор сообщал: «В этой области новое принесла деревня. Весной пришел в Петроград из Рязанской губернии поэт Сергей Есенин. В его стихах много свежего и самобытного чувства, хотя и перегружает он их областными словами».

Руси («Тебе одной плету венок...») (с. 115).— Н.— прил., 1915, № 12, дек., стб. 613—614; журн. «Заря», М., 1916, № 4, 24 янв., с. 16.

Печатается по тексту «Зари».

Автограф неизвестен. Датируется по первой публикации.

В «Приложениях» к «Ниве» — вместе со стихотворениями «Сторона моя, сторонка...» и «Занеслися залетною пташкой...» под общим заголовком «Русь».

Куга — болотное растение, озерный камыш.

Смирна — благовонная смола, употребляемая при богослужениях.

Ливан (от названия страны Ливан) — ладан.

«Занеслися залетною пташкой...» (с. 116).— Н.— прил., 1915, № 12, дек., стб. 614.

Печатается и датируется по первой публикации.

Автограф неизвестен.

См. коммент. к стихотворению «Руси» («Тебе одной плету венок...» — с. 379).

Часослов — сборник текстов ежедневных молитв, богослужений.

Колдунья (с. 117).— Журн. «Весь мир», Пг., 1915, № 51, дек., с. 24.

Печатается и датируется по первой публикации.

Автограф неизвестен.

Стихотворение, вероятно, навеяно рассказами о нечистой силе, бытовавшими в российских деревнях. Е.А.Есенина вспоминала об одной беседе поэта с матерью:

— Расскажи, где ты видела колдунов? — попросил Сергей.

— Видела,— начала мать.— Я видела вместе с бабами, тоже к коровам шли. Только спустились с горы, а она тут и есть, во всем белом скачет на нас. Мы оторопели, стоим, ни взад, ни вперед; глядим, с Мочалиной горы тоже бабы идут. Мы кричать, они к нам бегут, ну, мы — осмелели, бросили ведры да за ней. Она от нас, а мы с шестами за ней, догнали ее до реки, а она там и скрылась в утреннем тумане (Восп., I, 39—40).

Поминки (с. 118).— $Р_{16}$.

Печатается по тексту первой публикации.

Автограф неизвестен.

Датируется годом подготовки к печати $Р_{16}$.

В $Р_{16}$ напечатано в разделе «Русь».

«В «Собрание» Есениным не было включено» (Комментарий — ГЛМ).

В рецензии на $Р_{16}$, подписанной инициалами «З.Б.» <Зоя Бухарова>, отмечалось: «Сергей Есенин музыкален и красочен. Он лирик и художник родного быта. В последнем отношении интересны пьесы: «Калики», «Поминки», «Дед», «В хате» и др.» (Н.— прил., 1916, № 5, май, стб. 149).

Коливо — обрядное поминальное кушанье — каша из риса или пшена с изюмом.

Епитрахиль — часть облачения служителя православной церкви в виде длинной полосы ткани, надеваемой на шею под ризу.

Дед (с. 119).— $Р_{16}$.

Печатается по тексту первой публикации.

Автограф неизвестен.

Датируется годом подготовки к печати $Р_{16}$.

Стихотворение было отмечено в рецензии на $Р_{16}$ (см. выше коммент. к стихотворению «Поминки»).

Жамковая слюда (жамка — пряник) — глазурь на прянике.

«Наша вера не погасла...» (с. 120).— Газ. «Дело народа», Пг., 1917, 28 марта, № 11, с пометой — 1915 г.; Зн. бор., 1918, 21 марта, № 3; Г. тр. кр., 1918, 12 апр., № 100.

Печатается по тексту Г. тр. кр.

Автограф неизвестен.

Датируется с учетом пометы в газ. «Дело народа».

Известны еще две прижизненные публикации стихотворения: «Известия Елецкого Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов», 1918, 19 апр., № 84; «Известия Шацкого уездного исполнительного комитета

Советов красноармейских и крестьянских депутатов», 1918, 5 июня, № 27.

Русалка под Новый год (с. 122).— Газ. «Ростовская речь», Ростов-на-Дону, 1916, 1 янв., № 6, (с ошибкой); помета — «Петроград».

Печатается по тексту первой публикации.

Автограф неизвестен.

Датируется с учетом времени подготовки к публикации.

«Не в моего ты Бога верила...» (с. 124).— «Петроградский вечер». Веч. газ., 1916, 7 февр., № 236.

Печатается и датируется по первой публикации.

Автограф неизвестен.

«Закружилась пряжа снежистого льна...» (с. 125).— «Петроградский вечер». Веч. газ., 1916, 10 февр., № 239.

Печатается и датируется по первой публикации.

Автограф неизвестен.

«Ску́пились звезды в невидимом бредне...» (с. 126).— Сб. «Северная звезда», Пг., 1916., № 4, февр., с. 43.

Печатается и датируется по первой публикации. Исправлены по смыслу два сомнительных слова в первой строке.

Автограф неизвестен.

Единственное из стихотворений Есенина, где использованы омонимические рифмы.

«Гаснут красные крылья заката...» (с. 127).— Сб. «Страда», Пг., 1916, с. 13; Лит. прил. № 1 к газ. «Известия ВЦИК Советов...», М., 1918, 22 авг., № 180.

Беловой недатированный автограф (РГАЛИ).

Печатается по тексту в Лит. прил. к газ. «Известия...» с уточнением в 6-й строке по автографу.

Датируется по первой публикации.

«Среди материалов, которые были у Есенина во время его работы над «Собранием», этого стихотворения не было» (Комментарий — ГЛМ).

На память Мише Мурашеву (с. 129).— Сергей Есенин. Собр. соч. В 5 т. Т. 5., М., 1962, с. 243.

Стихотворение вписано в альбом М.П.Мурашева с датой: «1916 г. 15 марта».

Печатается и датируется по беловому автографу в альбоме М.П.Мурашева (Архив М.П.Мурашева, хранится у наследников. Москва).

Мурашёв (Мурашов) Михаил Павлович (1884—1957), писатель, издательский работник, картограф, один из самых первых друзей Есенина в Петрограде. Сотрудничая в петроградских изданиях, содействовал публикации есенинских произведений. После Октябрьской революции жил и работал в Москве, где встречи друзей продолжались. Мурашевым опубликовано несколько мемуарных очерков о Есенине.

Известны пять дарственных надписей Есенина Мурашеву (см. т. 7 наст. изд.).

«Дорогой дружище Миша...» (с. 130).— Газ. «Путь Ленина», Ртищево, 1960, 29 мая, № 65 (в статье Б.Сорокина «Здесь все напоминает о поэте»; с неточностью).

Четверостишие обращено к Михаилу Павловичу Мурашеву.

Надпись сделана на паспарту ниже фотопортрета Есенина и датирована: «1916 г. 15 марта» — факсимильно воспроизведена в еженедельнике «Неделя», М., 1965, 26 сент.— 2 окт., № 40, с. 6 (публикация В.Белоусова).

Печатается и датируется по автографу (Архив М.П.Мурашева, хранится у наследников. Москва).

«Перед уходом в армию,— писал в своих воспоминананиях М.П.Мурашев,— Сергей принес мне на сохранение свои рукописи, а черновые наброски на моих бланках передал мне со словами:

— Возьми эти наброски, они творились за твоим столом, пусть у тебя и остаются.

За обедом мы много говорили о петроградской литературной жизни. Сергей в этот раз рассказал о своих литературных замыслах: он готовился к написанию большой поэмы.

После обеда, когда перешли в кабинет, он прочел несколько новых стихотворений и в заключение преподнес мне свой портрет...» (Восп., 1, 192).

Ты как вихрь...— возможно, здесь намек на псевдоним Мурашева «Михаил Вихрев». Под таким псевдонимом рассказы Мурашева печатались в журналах «Весь мир», «Журнал для всех», «Панорама», «Русское богатство», «Современный мир» и других.

Нищий с паперти (с. 131).— Сб. «Северная звезда», Пг., 1916, № 8, 15 апр., с. 12.

Печатается и датируется по первой публикации.

Автограф неизвестен.

Куканьшей — от кукан; здесь: узкая полоска отмели на реке.

«Месяц рогом облако бодает...» (с. 132).— Журн. «Весь мир», Пг., 1916, № 16, апр., с. 26.

Печатается и датируется по первой публикации.

Автограф неизвестен.

«Еще не высох дождь вчерашний...» (с. 133).— «Пряник осиротевшим детям». Сб. в пользу убежища общества «Детская помощь». Пг., 1916, с. 92.

Печатается по тексту первой публикации.

Автограф неизвестен.

Датируется годом выхода сб. из печати (май 1916).

«В зеленой церкви за горой...» (с. 134).— Н.— прил., 1916, № 10, окт., стб. 251—252.

Беловой автограф с пометой: «Июнь 1916. Константиново» (РГБ). Записан вместе со стихотворением «Я снова здесь, в семье родной...» под общим заголовком «Стихотворения». Имеет номер II.

Печатается по тексту первой публикации.

Датируется по автографу.

«Даль подернулась туманом...» (с. 136).— Кр. новь, 1926, № 7, июль, с. 112, с датой: «Июнь 1916»; Собр. ст. (Стихи и проза. Т. 4), с. 66—67, в подборке стихотворений 1916 г. с пометой: «Июль».

Беловой недатированный автограф (РНБ, ф. И.И.Ясинского). Вместе со стихотворениями «Не бродить, не мять в кустах багряных...», «О красном вечере задумалась дорога...», «Твой глас незримый, как дым в избе...», «О товарищах веселых...» был передан автором И.И.Ясинскому для публикации в середине октября 1916 г. (см. письма Есенина И.И.Ясинскому от 20 ноября 1916 г. и А.Л.Волынскому от 30 ноября того же года и коммент. к ним — т. 6 наст. изд.).

Беловой недатированный автограф хранился в собрании К.Л.Зелинского (местонахождение в настоящее время неизвестно; копия снята А.А.Козловским).

В ГЛМ хранится фотокопия датированного автографа стихотворения. Текст и дата этого автографа (местонахождение оригинала неизвестно) соответствуют тексту и дате, опубликованным в журнале «Красная новь».

В примечаниях к стихотворению в Собр. ст. (Стихи и проза. Т. 4) указано: «Из альбома Зинаиды Вениаминовны Гейман. Доставлено В.И.Вольпиным». Местонахождение альбома с этим автографом в настоящее время неизвестно. Также неизвестно и время исполнения автографа.

В 1994 году в рукописный отдел ИМЛИ от родственников З.В.Гейман поступил еще один беловой датирован-

ный автограф этого стихотворения на отдельном листке, текст которого отличается от альбомного текста, воспроизведенного в Собр. ст. (Стихи и проза. Т. 4). Одновременно с этим автографом в ИМЛИ поступили недатированный автограф стихотворения «О пашни, пашни, пашни...» и книга Есенина «Исус Младенец» (Пг., 1918) с его дарственной надписью и датой: «1918, Москва, июнь». Все три автографа выполнены одинаковым почерком, красными чернилами, по старой орфографии. Это дает основание считать, что автограф стихотворения «Даль подернулась туманом...» исполнен в июне 1918 года. Дата же под этим стихотворением — «1916. Июль» — химическим карандашом проставлена, видимо, позднее.

О правке в автографах см. раздел «Варианты» (с. 293—294).

Печатается по беловому автографу (ИМЛИ).

Датируется по фотокопии автографа (ГЛМ).

«Среди материалов, по которым Есенин готовил «Собрание», этого стихотворения не было» (Комментарий — ГЛМ).

Гейман Зинаида (Зельда) Вениаминовна (1892—1971), знакомая Есенина и подруга З.Н.Райх.

«Слушай, поганое сердце...» (с. 137).— Журн. «На литературном посту», М., 1926, № 4, май, с. 12 (в статье Вл. Ермилова «Почему мы не любим Федоров Жицей?»); сб. «Есенин. Жизнь. Личность. Творчество». М., 1926, с. 67—69 (в очерке М.Мурашева «А.Блок и С.Есенин» с факсимильным воспроизведением автографа и с неточностью в печатном тексте).

Стихотворение вписано в альбом М.П.Мурашева со следующими пометами: над текстом — «16 г. 3 июль», под текстом: «Прим. Влияние «Сомнения» Глинки и рисунка «Нерон, поджигающий Рим». С.Е.». Альбом имеет название: «Милости прошу к нашему шалашу!»

Печатается и датируется по автографу (Архив М.П.Мурашева, хранится у наследников. Москва).

М.П.Мурашев вспоминал: «В то время я собирал материал для литературных альманахов «Дружба» и «Творчество». У меня встречались писатели, участвовавшие в редактировании сборников. Одно из таких литературных совещаний было назначено на 3 июля. Я пригласил и Сергея Есенина.

Все собрались. Пришел Есенин. Ждали Блока, но он почему-то запаздывал.

В это время, возвращаясь с концерта на Павловском вокзале, зашел ко мне скрипач К. Вслед за ним пришел художник Н., только что вернувшийся из-за границы, откуда он привез мне в подарок репродукцию с картины Яна Стыки «Пожар Рима». Эта картина вызвала такие споры, что пришлось давать высказываться по очереди. Причиной споров была центральная фигура картины, стоящая на крыше дворца с лирой в руках, окруженная прекрасными женщинами и не менее красивыми мужчинами, любующимися огненной стихией и прислушивающимися к воплям и стонам своего народа. Горячо высказывались писатели, возмущенно клеймили того, кто совмещал поэзию с пытками. Есенин молчал. Скрипач К.— тоже. Обратились к Есенину и попросили высказаться.

— Не найти слов ни для оправдания, ни для обвинения — судить трудно,— тихо сказал Есенин.

Потребовали мнения К.

— Разрешите мне сказать музыкой,— произнес он.

Все разом проговорили: «Просим, просим!»

К. вынул скрипку и стал импровизировать. Его импровизация слушателей не удовлетворила. Он это почувствовал и незаметно для нас перешел на музыку Глинки «Не искушай» и «Сомнение». Эти звуки дополняли яркие краски картины <...>.

Сергей Есенин подошел к письменному столу, взял альбом и быстро, без помарок написал следующее стихотворение: <далее идет текст>».

«Через 10 дней,— продолжал Мурашев,— состоялось деловое редакционное совещание, на котором присутствовал А.Блок. Был и Сергей Есенин.

Я рассказал Блоку о прошлом вечере, о наших спорах и показал стихотворение Есенина.

Блок медленно читал это стихотворение, очевидно и не раз, а затем покачал головой, подозвал к себе Сергея и спросил:

— Сергей Александрович, вы серьезно это написали или под впечатлением музыки?

— Серьезно,— чуть слышно ответил Есенин.

— Тогда я вам отвечу,— вкрадчиво сказал Блок.

На другой странице этого же альбома Александр Александрович написал ответ Есенину — отрывок из поэмы «Возмездие», над которой в то время работал и которая еще нигде не была напечатана...» (Восп., I, 193—195).

А.Блок вписал в альбом 12 строк из пролога к «Возмездию» (начиная со строки: «Жизнь — без начала и конца...»).

«В глазах пески зеленые...» (с. 138).— «Красная газета». Веч. вып., Л., 1926, 14 июня, № 137; сб. «Памяти Есенина». М., 1926, с. 237 (факсимиле датированного автографа с посвятительной надписью: «Мальвине Мироновне — С.Есенин»); Кр. новь. 1926, № 6, июнь, с. 134.

Печатается и датируется по автографу в альбоме поэтессы Мальвины Мироновны Марьяновой (1896—1972) — РГАЛИ, Коллекция альбомов. Альбом М.М.Марьяновой.

В «Красной газете» — вместе со стихотворениями «Ямщик» и «Гусляр» («Темна ноченька. Не спится...»)

под общим заголовком «Стихотворения Сергея Есенина», с редакционной сноской (см. коммент. к стихотворению «Ямщик» — с. 364—365).

В журнале «Красная новь» — вместе со стихотворениями «В час, когда ночь воткнет...» и «Вот такой, какой есть...»; с неточной датой: вместо «9 июля 1916 г.» — «9 июня 1916 г.»

По словам М.Марьяновой, она впервые встретилась с Есениным в 1915 году в Петрограде на квартире писателя И.И.Ясинского. «После нашей первой встречи у Ясинского,— вспоминала поэтесса,— Есенин стал бывать у меня. В то время мы с мужем Д.И.Марьяновым жили на Забалканском проспекте. В нашем доме собирались молодые, начинающие авторы. Особенно ярко запомнился один день. Пришел Есенин утром, чем-то возбужденный, радостный, попросил меня прочесть мои стихи, потом начал смотреть мой альбом и вдруг совершенно неожиданно написал: «Мальвине Мироновне — С.Есенин»...

В этот же день он написал мне в альбом стихотворение «Небо сметаной обмазано...» (Марьянова М.М. Встречи с Есениным. Сб. «Воспоминания о Сергее Есенине». М., 1965, с. 176—177).

«Небо сметаной обмазано...» (с. 139).— «Памятка о Сергее Есенине. 4/X 1895 — 28/XII 1925». М., 1926, с. 57 (факсимиле датированного автографа).

Печатается и датируется по автографу в альбоме М.М.Марьяновой (РГАЛИ. Коллекция альбомов).

См. выше коммент. к стихотворению «В глазах пески зеленые...».

Исус младенец (с. 140).— Еж. ж., 1916, № 12, дек., стб. 181—183; Исус Младенец. <Пг.>: Сегодня, 1918; $Р_{18}$.

Список рукой неустановленного лица хранится в бумагах Петроградского комитета по делам печати (РГИА, ф. 777, оп. 25, ед. хр. 1922).

Среди материалов Есенина, хранившихся у З.Н.Райх, находились листки с текстом стихотворения, вырванные из книги $Р_{18}$. На первом листке ниже заглавия рукой Есенина карандашом было написано: «Отрокам резвым, большим и малым» (копия сделана С.А.Толстой-Есениной 6 августа 1940 года. Известна и вторая копия, сделанная Е.Н.Чеботаревской (без даты). Обе копии — ГЛМ).

Печатается по тексту $Р_{18}$.

Автограф неизвестен.

Датируется: 1) по записи в регистрационной книге рукописей Петроградского Комитета по делам печати за 1916 год. Судя по помете на рукописи, стихотворение было представлено в Комитет 13 июля за № 6437. В тот же день духовный цензор-протоиерей П.Н.Лахостский запретил его для печати; 2) по отметке от 29 июля за № 4134 в книге регистрации рукописей, поступивших в редакцию «Ежемесячного журнала» В.С.Миролюбова (ИРЛИ, ф. 185, оп. 1, ед. хр. 1345).

Отдельное издание стихотворения «Исус младенец» вышло в 1918 году с иллюстрациями художницы Екатерины Ивановны Туровой — раскрашено от руки 125 нумерованных экземпляров (весь тираж — 1000 экз.). Брошюра со стихотворением явилась одним из первых выпусков петроградской «Артели художников „Сегодня“». Выход брошюры был отмечен в ряде петроградских газет и журналов. Так, в газете «Новая жизнь» от 16 (3) марта, № 43, рецензент А.Кудрявцев писал, что из первых шести выпусков «особенно интересны детские — веселые и милые стишки Н.Венгрова и любопытна сказка в стихах С.Есенина...»

В 1921 году в Чите изд-во «Скифы» на Дальнем Востоке выпустило «Исуса Младенца» с рисунками, выполненными по эскизам Е.Туровой.

По завершении выпуска «Собрания стихотворений» Есенина (1927 г.) критик Инн. Оксенов писал: «В IV том вошло несколько «архаических» вещей, пронизанных религиозными мотивами, о которых сам поэт говорил в одной из автобиографий, что он с радостью от них бы отказался. Среди этих стихов обращает на себя внимание единственно лишь простая и, безотносительно к сюжету, прекрасная сказка «Исус младенец» («Красная газета». Веч. вып. Л., 1927, 13 мая, № 126).

«В багровом зареве закат шипуч и пенен...» (с. 145).— Газ. «Волжская коммуна», Куйбышев, 1960, 27 авг., № 204 (в статье В.Белоусова «Новое о Есенине. Три стихотворения»; вместе с «Наша вера не погасла...» и «Нищий с паперти»).

Печатается и датируется по списку рукой Л.Р.Когана, где над текстом стоит дата: «19$\frac{22}{VII}$16» (РНБ).

Список стихотворения сопровожден следующей припиской Л.Р.Когана: «Подлинник находился в архиве Екатерининского дворца в Детском селе (г. Пушкин). Он представляет собой лист ватманской бумаги in octavo. Текст писан акварелью, славянской вязью. С правой стороны, сверху — вниз, орнамент. Список сделан мною в 1930 году. В настоящее время оригинал, по-видимому, утрачен. Стихотворение это написано по случаю посещения дочерьми Николая II лазарета при строительстве Федоровского собора в Царском Селе, где Есенин, призванный на военную службу, состоял писарем. Есть основание полагать, что оно было написано по требованию полковника Ломана, начальника Есенина <...>».

В РГАЛИ (ф. Н.Н.Никитина) хранится еще один документ, связанный с этим стихотворением Есенина. Это

письмо А.И.Иконникова к Н.Н.Никитину от 19 мая 1962 года. Познакомившись с воспоминаниями Н.Н.Никитина о Есенине, опубликованными в журнале «Звезда» (Л., 1962, № 4), А.И.Иконников сообщал, что в 30-х годах ему довелось разбирать материалы так называемой «детской половины» Александровского дворца в бывшем Царском Селе. «И там среди книг, журналов, бесчисленных фотографий,— продолжал А.И.Иконников,— я обнаружил роскошную в пол-листа папку, обложенную великолепной золотой парчой, сделанной в стиле конца XVII в. В папке лежал большой лист плотной бумаги, на котором среди очень неплохо сделанных орнаментов в том же стиле конца XVII в. было написано чуть ли не золотом стихотворение «Царевнам», подписанное Есениным...»

Лист со стихотворением, видимо, был уничтожен в период временной оккупации немецко-фашистскими войсками г. Пушкина (Царское Село), когда Екатерининский дворец подвергся разграблению.

Стихотворение «В багровом зареве закат шипуч и пенен...» Есенин читал в первом отделении концерта, состоявшегося в присутствии императрицы и ее дочерей. В этом концерте принимали участие артисты В.В.Сладкопевцев, Н.С.Артамонов, группа балалаечников под управлением В.В.Андреева, режиссер Н.Н.Арбатов... Как вспоминал сын полковника Д.Н.Ломана (1868—1918), штаб-офицера для особых поручений при Дворцовом коменданте, Ю.Д.Ломан (1906—1980), по окончании концерта его участники были представлены высоким особам. «Во время беседы императрицы с ними ей были преподнесены сборник стихов Есенина «Радуница» и сборник рассказов Сладкопевцева» (Ломан Ю.Д. «Воспоминания крестника императрицы» (автобиографические записки). СПб., 1994, с. 66).

С другим концертом, организованным специально для раненых, связано чтение Есениным поэмы «Русь». После концерта во время артистического ужина по просьбе Д.Н.Ломана поэт выступил со стихотворением «Вещий сон».

«В этом стихотворении,— вспоминал Ю.Д.Ломан,— поэт рассказывал, что он во сне увидал Пушкина, который пришел в городок <...>

Он спросил меня через дворовый гомон:
— А где живет полковник Ломан?

Есенин проводил Пушкина в «дом розовый» и услышал, как полковник, обращаясь к Пушкину, сказал:

Чем сидеть на памятнике даром,
Я предложил бы вам поехать санитаром.
А чем писать ваши шутки и прибаутки,
Вы носили бы урыльники и «утки».

Стихотворение было довольно длинное...» (ИМЛИ).

Подробнее о пребывании Есенина в Федоровском городке см.: Мурашев Михаил. Сергей Есенин в Петрограде.— Сб. «Сергей Александрович Есенин. Воспоминания». Под ред. И.В.Евдокимова. М.—Л., 1926, с. 56—60; Ломан Ю.Д. Федоровский городок.— Сб. «Воспоминания о Сергее Есенине». М., 1965, с. 161—166; Вдовин В. Сергей Есенин на военной службе.— Журн. «Филологические науки». М., 1964, № 1, с. 135—150; Хомчук Наталия, Ломан Александр. Сергей Есенин в Царском Селе.— Сб. «День поэзии». М.—Л., 1965, с. 267—275.

Коган Лев Рудольфович (1885—1959) — литературовед.

«Без шапки, с лыковой котомкой...» (с. 146).— Бирж. вед., 1916, 15 (28) авг., № 15741.

Печатается по беловому недатированному автографу (ИМЛИ).

В архиве М.П.Мурашева находится еще один автограф стихотворения, помещенный на одном листке со стихотворением «Алый мрак в небесной черни...» под общим заголовком «Странник» и под римскими цифрами I и II. В конце второго стихотворения помета: «Петроград» (хранится у наследников. Москва). Этот автограф стихотворения «Без шапки, с лыковой котомкой...» идентичен тексту первой публикации (содержит несколько диалектных слов). В автографе, хранящемся в ИМЛИ, диалектные слова заменены общепринятыми, что дает основание считать этот текст более поздней редакцией стихотворения.

Датируется по году первой публикации.

«Среди материалов, собранных Есениным во время подготовки «Собрания», была машинописная копия этого стихотворения. Почему Есенин не включил его в «Собрание», нам неизвестно» (Комментарий — ГЛМ).

Елей — оливковое масло с благовониями, применяемое в церковных обрядах и ритуалах.

«День ушел, убавилась черта...» (с. 148).— Еж. ж., 1916, № 11, ноябрь, стб. 8.

Печатается по тексту первой публикации.

Автограф неизвестен.

Датируется по книге регистрации рукописей, поступивших в редакцию «Ежемесячного журнала» (запись от 16 августа 1916 г. за № 4184;— ИРЛИ, ф. В.С.Миролюбова).

С.А.Толстая-Есенина указывала: «Среди материалов, по которым Есенин составлял «Собрание», этого стихотворения не было» (Комментарий — ГЛМ). Однако она ошиблась. У Есенина имелся текст этого стихотворения,

переписанный рукой его двоюродного брата — И.И.Есенина, из «Ежемесячного журнала» (ГЛМ).

Мечта (Из книги «Стихи о любви») (с. 150).— Нива. Пг., 1918, № 3, 20 янв., с. 38.

Беловой недатированный автограф (ИРЛИ, ф. В.С.Миролюбова).

Печатается по тексту первой публикации.

Датируется по книге регистрации рукописей, поступивших в редакцию «Ежемесячного журнала». Под № 4273 там помечено, что 16 сентября 1916 г. от Есенина принято стихотворение «Жгемь» <со сноской — пояснением автора: «Жгемь — мечта, дума»>. Тут же указан адрес поэта: «Царское Село. Канцелярия по постройке Федоровского собора» (ИРЛИ, ф. В.С.Миролюбова). В «Ежемесячном журнале» стихотворение не появилось.

«При подготовке «Собрания» у автора этого стихотворения не было» (Комментарий — ГЛМ).

Из книги «Стихи о любви» — книга Есенина под таким названием не выходила и каких-либо сведений о ней не найдено.

Орарь — часть облачения дьякона (широкая лента с вышитыми крестами, надеваемая через левое плечо).

«Синее небо, цветная дуга...» (с. 154).— Ск-1, с. 118.

Печатается по тексту первой публикации.

Автограф неизвестен.

В сб. «Скифы» помещено вместе со стихотворениями «Осень», «О красном вечере задумалась дорога...», «О товарищах веселых...» под общим заголовком «Голубень» и датой под всей подборкой — «1916 г.» (см. коммент. к этим стихотворениям в т. 1 наст. изд).

Датируется 1916 годом.

«Среди материалов, по которым Есенин составлял «Собрание», этого стихотворения не было» (Комментарий — ГЛМ).

«Пушистый звон и руга...» (с. 156).— Газ. «Знамя труда». Пг., 1918, 7(20) янв., № 113.

Печатается по тексту первой публикации.

Автограф неизвестен.

Это стихотворение Есенин намеревался включить в сб. «Голубень», над составлением которого начал работу в 1916 году. Оно значилось в «Голубени» в разделе «Златой посев» (РГАЛИ), но было зачеркнуто и заменено стихотворением «То не тучи бродят за овином...»

Датируется 1916—1917 годами с учетом времени подготовки к печати сб. «Голубень», вышедшего из печати в мае 1918 года, и первой публикации.

Руга — церковная земля и угодья.

Завьялый — занесенный (завеянный) снегом, песком.

«Снег, словно мед ноздреватый...» (с. 157).— Г. тр. кр. 1918, 26 июня, № 157; журн. «Вестник Воронежского округа путей сообщения», 1919, № 8/9, март, с. 7.

Беловой недатированный автограф (ИРЛИ, ф. В.С.Миролюбова). На автографе имеется регистрационный номер 4776. В книге регистрации рукописей, поступивших в «Ежемесячный журнал» (ИРЛИ), под этим номером указано, что 18 января 1917 года от С.Есенина поступило стихотворение «Голубень». Надо полагать, одновременно с «Голубенью» Есенин передал в редакцию это стихотворение, а также стихотворение «Как покладинка лег через ров...» («Нощь и поле, и крик петухов...»), помеченное тем же регистрационным номером.

Печатается по тексту журн. «Вестник Воронежского округа путей сообщения» с исправлением в 5-ой строке по автографу.

Датируется по книге регистрации рукописей, поступивших в редакцию «Ежемесячного журнала» в 1917 году.

Преполовенской водой — то есть водой, освященной в церкви во время христианского праздника Преполовенья (среда четвертой недели после Пасхи). Эта вода считалась целебной.

Дамаскин Иоанн — византийский философ, богослов и поэт (VI—VII вв.). Причислен церковью к лику святых.

«К теплому свету, на отчий порог...» (с. 159).— «Интимный журнал». <Пг.— Киев>, 1917, № 1, март, с. 10; $Г_{18}$; $Р_{18}$.

Печатается по тексту $Р_{18}$.

Автограф неизвестен.

Датируется по первой публикации.

В журнальной публикации двустишия объединены в три четверостишия.

«Есть светлая радость под сенью кустов...» (с. 160).— «Во имя свободы». Однодневная газета Союза деятелей искусства. Пг., 1917, 25 мая, с. 6.

Печатается и датируется по первой публикации.

Автограф неизвестен.

Газета выпущена к 25 мая 1917 года. В этот день в Мариинском театре состоялся большой концерт-митинг по случаю Займа Свободы. Участвовали артисты государственных театров, поэты, оркестр музыкальной драмы, члены Государственной Думы и другие общественные деятели. Воззвание Временного правительства и его же постановление о Займе Свободы 1917 г. помечены 27 марта 1917 г. Подписка на заем открылась 6 апреля.

В газете, наряду со стихотворением Есенина, были напечатаны произведения Леонида Андреева, Анны Ахматовой, Алексея Ремизова, Игоря Северянина, Велимира Хлебникова, Саши Черного.

«Среди материалов, которые были у Есенина во время работы над «Собранием», этого стихотворения не было. Возможно, что он забыл о нем» (Комментарий — ГЛМ).

«Не от холода рябинушка дрожит...» (с. 161).— Еж. ж. («Журнал для всех»). 1917, № 7/10, июль — окт., стб. 5; Ск.-2, с. 170; $Г_{18}$; $Р_{18}$.

Печатается по тексту $Р_{18}$.

Автограф неизвестен.

Датируется по первой публикации.

В журнале стихотворение напечатано без деления на двустишия.

«Заря над полем — как красный тын...» (с. 163).— Ск.-2, с. 174; $Г_{18}$; $Р_{18}$.

Печатается по тексту $Р_{18}$.

Автограф неизвестен.

Датируется 1917 годом — временем подготовки Ск.-2;

В Ск.-2 помещено среди 15 стихотворений с общим заголовком «Под отчим кровом».

«Небо ли такое белое...» (с. 164).— Поэты наших дней. Антология. М., 1924, с. 30, с датой — «1917».

Печатается по тексту первой публикации.

Автограф неизвестен.

Датируется по помете в антологии.

Стихотворение связано с поездкой Есенина на Север в 1917 году (Вологда — Архангельск — Соловецкие острова — Белое море — Мурманское побережье). Вместе с поэтом были Зинаида Николаевна Райх и Алексей Алексеевич Ганин. Во время поездки Есенин и Райх обвенчались в Кирико-Иулиттовской церкви, дер. Толстиково, Вологодского уезда — 30 июля ст. ст. (12 августа н.ст.).

В заметках «Сергей Есенин» (1922), «Автобиография» (1923), «Автобиография» (1924) поэт, называя свои поездки, замечал, что «Россию <...> исколесил вдоль и поперек, от Северного Ледовитого океана до Черного и Каспийского моря <...>»; «<...> ездил по России: Мурман, Соловки, Архангельск»; «был <...> на Мурман-

ском побережье, в Архангельске и Соловках». Свою поездку на Север Есенин в автобиографиях ошибочно относил к «19—20—21» и «1918—21» годам.

В РГАЛИ хранится набросок плана книги воспоминаний З.Н.Райх, где есть такая запись: «Белое море — Соловки, рыбачка, чайка...» (сб. «Встречи с прошлым». Вып. 2. М., 1976, с. 169—171).

Более подробно о поездке поэта см.: Парфенов Н. Сергей Есенин на Севере.— Газ. «Красное знамя», Сыктывкар, 1966, 23 окт.; Шабунин А. Есенин едет на Север.— Журн. «Север», Петрозаводск, 1969, № 1, с. 107—109; Сорокажердьев В. Он был у нас на Севере.— Газ. «Полярная правда», Мурманск, 1975, 3 окт.; Свирская М.Л. Из воспоминаний.— «Минувшее». Исторический альманах. М. <Кн.> 7, 1992, с. 51—52.

Умба — пристань на побережье Белого моря в Кандалакшском заливе.

О родина! (с. 166).— «Свободный журнал», Пг., 1917, № 6, дек., с. <13>; журн. «Вестник Воронежского округа путей сообщения», 1919, № 10, апр., с. 11.

Печатается по тексту журнала «Вестник Воронежского округа путей сообщения».

Автограф неизвестен.

Датируется годом создания поэмы «Октоих» (август 1917 г.), где первая строфа совпадает с первой строфой стихотворения, опубликованного в «Свободном журнале» (см. коммент. к поэме «Октоих» в т. 2 наст. изд.).

В «Свободном журнале» напечатано вместе со стихотворением «Свищет ветер под крутым забором...» — общий заголовок: «Неисходный час».

«Свищет ветер под крутым забором...» (с. 168).— «Свободный журнал», Пг., 1917, № 6, дек., с. <13>.

Печатается и датируется по первой публикации.

Автограф неизвестен.

В журнале напечатано вместе со стихотворением «О родина!» под общим заголовком «Неисходный час» и порядковым номером II.

«Заметает пурга...» (с. 170).— Газ. «Новая жизнь», Пг., 1917, 24 дек. (6 янв. н.с.), № 210; журн. «Жаворонок», Пг., 1918, № 1, <январь>, с. 15; $Р_{18}$.

Печатается по тексту $Р_{18}$, как последней авторской публикации.

Автограф неизвестен.

В журнале «Жаворонок» в ст. 13 вместо слов «Гей вы» напечатано «Эй вы», опущены ст. 25—28.

Стихотворение было напечатано также в сборниках: Зарницы. Чтец-декламатор для детей. Сост. Н.Ашукин. М., 1923, с. 19—20, где в ст. 13 вместо слов «Гей вы» напечатано «Гой вы»; Времена года в русской поэзии. Сб. стихотворений. Под ред. Н.С.Ангарского. М., 1924, с. 164. В обеих книгах — с названием «Пурга».

Во всех изданиях, кроме $Р_{18}$, стихотворение напечатано без разбивки на четверостишия.

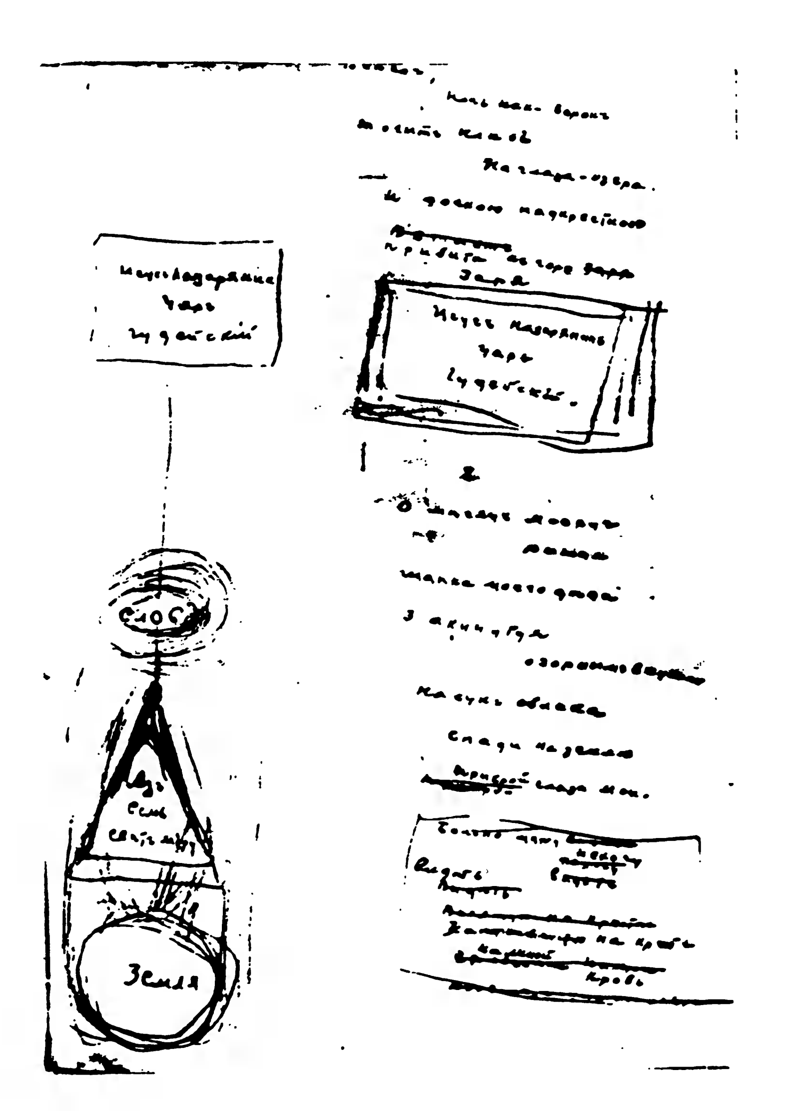
«В «Собрание» это стихотворение Есенин не включил» (Комментарий — ГЛМ).

Коляда — старинный рождественский и новогодний обряд с песнями, играми, обходом соседей.

Сельский часослов (с. 172).— Газ. «Знамя труда», М., 1918, 11 июня, № 224.

Машинопись с правкой автора (РГАЛИ, ф. 190, оп. 2, ед. хр. 4, лл. 34—38). Там же хранится беловой (лл. 28—33) и черновой (лл. 39—44) автографы. Все источники не датированы.

В черновом автографе имеется следующий рисунок, выполненный автором:

Иисус Назарянин
Царь
Иудейский
Слово
Земля

Надо полагать, этот рисунок связан с символическим смыслом поэмы.

Первая публикация воспроизводилась по источнику, текст и графика которого совпадали с текстом и графикой белового автографа.

Печатается по тексту машинописи с правкой автора.

Датируется по первой публикации.

Кроме указанных источников, в ИРЛИ (ф. Г.Б.Шмерельсона) хранится еще одна недатированная машинопись поэмы с подписью, исполненной также на машинке: «Сергей Есенин». Судя по тексту (старая орфография) и графике строк, эта машинопись восходит к черновому автографу, работа над которым шла в первой половине 1918 года. Однако две детали свидетельствуют о связи этой машинописи и с беловым автографом: и в беловом, и в машинописном тексте вычеркнуты строки:

Так уж понял я
Науку
О полезном
Хозяйстве

и в 4-й главке слово «Земля» обведено кружком.

На последнем, 5-м, листе машинописи имеется владельческая запись: «Получил от С.Есенина в 1924 г. в Ленинграде. Гр. Шмерельсон». Запись сделана поэтом, секретарем ленинградского «Воинствующего ордена имажинистов».

На основании этой записи в одной из обзорных работ исполнение машинописи отнесено к середине 1924 года, т.е. к приезду Есенина в Ленинград (Базанов В.В. Материалы о Сергее Есенине в Рукописном отделе Пушкинского Дома.— Сб. «Литературный архив. Материалы по истории русской литературы и общественной мысли». СПб., 1994, с. 33). Однако указанные выше характерные

особенности машинописи ставят под сомнение эту датировку. Скорее всего, Гр. Шмерельсон получил от Есенина в 1924 году машинопись поэмы «Сельский часослов» более раннего происхождения, а именно — 1918 года.

Под таким же названием в 1918 году вышла книга поэм Сергея Есенина (издание Московской Трудовой Артели Художников Слова), но поэмы «Сельский часослов» в ней не было. Более того, ни в один из своих последующих сборников это произведение поэт не включил. Не вошло оно и в посмертный 4-й том «Стихи и проза», составленный И.В.Евдокимовым.

В день публикации «Сельского часослова» вечерняя газета «Новости дня» (М., 1918. № 57) в рубрике «Горестные заметы» напечатала такую заметку: «Есенин в «Знамени труда» сообщает автобиографические данные:

Только ведь приходское
Училище
Я кончил.

Теперь понятно, почему г. Есенин примкнул к партии столь малограмотной». <В то время газета «Знамя труда» была органом ЦК партии левых эсеров>.

Чернявский Владимир Степанович (1889—1948), поэт, артист, один из близких петроградских друзей Есенина (см. коммент. к стихотворению «Прощание с Мариенгофом» — с. 412).

Третий Завет — после книг Священного писания — Ветхого Завета и Нового Завета, составляющих Библию. Поэма несет в себе мысль о великом будущем России — «начертательницы Третьего Завета».

Израмистил — это имя Есенин составил из слов: «изографство» и «мистическое». В письме к Р.В.Иванову-Разумнику (Ташкент, май 1921) он высказывал мысль о том, что искусство в некоторой степени должно быть

связано с мистической образностью, с загадками языка. Это искусство поэт «хорошо изучил, обломал». «И даже в поэме «Сельский часослов»,— говорил Есенин далее,— назвал это мое брожение «Израмистил». Тогда мне казалось, что это мистическое изографство. Теперь я просто говорю, что это эпоха двойного зрения, оправданная двойным слухом моих отцов, создавших „Слово о полку Игореве"...»

В поэме «Сельский часослов» использованы сюжеты и образы Библии (Книга Пророка Исайи, VII, VIII, IX). Так, например, сюжет 4-й главки поэмы, связанный с именем Израмистила, напоминает библейский сюжет о рождении Еммануила (еврейское имя Господа Иисуса, встречаемое первый раз в пророчестве Исайи о рождении Спасителя от Девы — см.: Библейская энциклопедия. Репринт, изд. 1891 г. М., Терра, 1990, с. 235—236).

«И небо и земля все те же...» (с. 178).— Газ. «Советская страна», М., 1919, 3 февр., № 2.

Черновой автограф (на обгорелом листе, последние две строки отсутствуют) — ИМЛИ.

Печатается по первой публикации.

Судя по черновому автографу, этими строфами начиналась поэма «Иорданская голубица» — она писалась в июне—июле 1918 года. Однако такое начало поэмы, очевидно, не удовлетворило автора и было заменено. Позже поэт эти строфы опубликовал как самостоятельное стихотворение (см. коммент. к поэме «Иорданская голубица» в т. 2 наст. изд.).

Датируется временем создания «Иорданской голубицы».

Ложноклассическая (в черновом автографе — ложноотеческая) Русь — дореволюционная Россия.

Езекиильский глас ветров — пророческий глас; от имени Иезекииля, третьего из четырех библейских проро-

ков Ветхого Завета. В пророчествах Иезекииля — разнообразные таинственные видения и символы.

Мрежа (мережа) — рыболовная снасть.

«Не стану никакую...» (с. 179).— Газ. «Коммунист», Ереван, 1959, 30 авг., № 205 (в статье В.Белоусова «Забытые стихи Есенина»).

Беловой автограф (ИМЛИ); беловой не датированный Есениным автограф (РГАЛИ). Текст их одинаков. Печатается по этому тексту.

Беловой автограф, хранящийся в ИМЛИ, входит в рукописный сборник, на обложке которого рукой поэта написано:

Сергей Есенин
Стихотворения
1918

Сборник состоит из автографов стихотворений «Серебристая дорога...», «О пашни, пашни, пашни...», «Не стану никакую...» (каждый на отдельном листе). Даты под автографами отсутствуют.

Рукопись РГАЛИ представляет собой автографы двух стихотворений — «Серебристая дорога» и «Не стану никакую...», объединенных пометой неустановленного лица: «№ 44 октябрь 8 дня Стихотворения Сергея Есенина». В конце рукописи той же неизвестной рукой — дата: «1918». Возможно, первая помета указывает на публикацию стихотворений в ненайденном пока периодическом издании.

Датируется по авторской помете на обложке рукописного сборника (ИМЛИ).

Акростих <Рюрику Ивневу> (с. 180).— Газ. «Веч. Москва», 1926, 12 апр., № 83. Под заглавием: «Акростих Есенина» с посвящением Рюрику Ивневу (с неточностью).

Датированный автограф хранился в архиве Рюрика Ивнева; местонахождение рукописи в настоящее время неизвестно. Фотокопия автографа — в собрании Ю.А.Паркаева (Москва). Печатается по этой фотокопии.

Рюрик Ивнев в «Комментарии к акростиху Есенина „Радость, как плотвица быстрая...“» писал: «Часть зимы 1918—19 гг. Есенин, Гусев-Оренбургский, Борис Тимофеев и я жили в Козицком переулке, уг. Тверской, образовав «писательскую коммуну».

Вечером 20 января 1919 г. у нас собралось много гостей. Так как в ту пору было плохо с транспортом, все, жившие далеко, остались ночевать, разместившись в трех комнатах. Есенину и мне осталась четвертая.

После шумных споров нам не спалось, и мы в эту ночь долго беседовали.

Не помню, по какому поводу, но мы решили объясниться акростихами.

Утром 21 января, когда все разошлись, мы исполнили свое намерение.

Таким образом и возник акростих Есенина. Кстати, это единственный, написанный им, акростих» (ИМЛИ).

Рюрик Ивнев «объяснился» следующими строками:

Сергею Есенину
(Акростих)

Сурова жизнь — и все ж она
Елейно иногда нежна.
Раз навсегда уйди от зла,
Гори, но не сгорай дотла.
Есть столько радостей на свете,
Юнее будь душой, чем дети.
Едва ли это не судьба,—
Сегодня мы с тобою вместе,
Еще день, два, но с новой вестью

Нам станет тесною изба.
Игра страстей, любви и чести
Несет нам муки, может быть.
Умей же все переносить.

1919 Москва

(*Рюрик Ивнев*. Избранное. М., 1985, с. 159).

«В час, когда ночь воткнет...» (с. 181).— Газ. «Веч. Москва», 1926, 14 июня, № 134; Кр. новь, 1926, № 6, июнь, с. 133 (с неточностью); под текстом дата: «1919, январь».

Недатированный автограф был вписан в альбом Натальи Николаевны Ольховской; местонахождение альбома в настоящее время неизвестно. Фотокопия автографа — ГЛМ, фототека.

Печатается по фотокопии автографа.

Датируется по помете в журнале.

К газетной публикации дано примечание: «Стихотворение «В час, когда ночь воткнет...» Сергей Есенин читал в 1919 году Ивану Грузинову. Вскоре после смерти Сергея Есенина А.Золонджев извлек это стихотворение из альбома Н.Ольховской, куда вписал его Есенин. Доставлено нам Грузиновым».

«По-видимому, это стихотворение — отрывок из «Небесного барабанщика»,— заметил И.В.Евдокимов в примечаниях к произведению (Собр. ст. Стихи и проза. Т. 4., с. 428). Документальных подтверждений этому предположению не найдено.

«Вот такой, какой есть...» (с. 182).— Кр. новь, 1926, № 6, июнь, с. 133—134. Под текстом дата: «1919, февраль».

Автограф — в альбоме литератора Ивана Васильевича Репина (1871—1936) — РГАЛИ, ф. 1279, оп. 3, ед. хр. 1, л. 66.

В альбоме под стихотворением — помета: «1919 ф. П.В.У.Ж». (буквы написаны не совсем четко; в Собр. ст. (Стихи и проза. Т. 4), в собраниях сочинений в 5-ти и 6-ти томах воспроизведены как «Р.В.У.»).

Печатается и датируется по автографу в альбоме.

В журнале «Красная новь» строка 3 напечатана с неточностью: «Золотую плету я песнь» вместо «Золотою плету я песнь». Эта неточность повторялась во всех изданиях, куда входило это стихотворение.

В примечании к стихотворению в Собр. ст. (Стихи и проза. Т.4) отмечено: «Доставлено В.И.Вольпиным. Из альбома Ивана Васильевича Репина. В «Красной нови» с оригинала «Собрания». Буквы «Р.В.У.», подписанные под стихотворением, владелец альбома объяснить не мог» (с. 428).

Под стихотворением в альбоме приписка Г.Ф.Устинова: «„Советскую страну“ закрыли, а он стихи пишет! Тогда же».

«Советская страна» — еженедельная газета, выходила в Москве в 1919 году. Ее редактировал писатель и критик Георгий Феофанович Устинов (1888—1932), друживший с Есениным с конца 1918 года до последнего дня поэта, автор многих статей о его творчестве. На страницах этой газеты было напечатано несколько стихотворений Есенина. Издание прекратило свое существование на № 4, вышедшем 17 февраля. Следовательно, стихотворение «Вот такой, какой есть...» записано в альбом после этой даты. (Подробнее о есенинских записях в альбоме И.В.Репина см.: Коршунова В.П. Живое дыхание времени.— Сб. «Встречи с прошлым». Вып. 5, М., 1984, с. 363—368).

«Ветры, ветры, о снежные ветры...» (с. 183).— Собр. ст. (Стихи и проза. Т. 4), с. 93—94.

Беловой автограф (ИМЛИ); беловой автограф (РГАЛИ), где последняя строфа заменена четырьмя строчками точек. Оба автографа не датированы.

Печатается по беловому автографу (ИМЛИ).

Стихотворение включалось в невышедший сборник «Телец», 1920 (верстка сборника в свое время была передана И.В.Евдокимову С.Б.Борисовым, ссылка на нее имеется в т. 4 Собр. ст.; в наст. время один из экземпляров верстки находится в частном собрании).

В комментариях к т. 4 Собр. ст. указано: «В неосуществившемся издании «Альционы» (А.М.Кожебаткина) <имеется в виду сборник «Руссеянь», 1920> это стихотворение было зачеркнуто поэтом уже в сверстанном экземпляре книги» (с. 428). Это подтверждается самим макетом «Руссеяни» (ИМЛИ).

Датируется временем подготовки сборника «Телец».

«В «Собрание» это стихотворение Есенин не включил» (Комментарий — ГЛМ).

Прощание с Мариенгофом (с. 184).— Журн. «Гостиница для путешествующих в прекрасном», М., 1922, № 1, ноябрь, с. 3.

Печатается по первой публикации.

Автограф неизвестен.

Датируется временем отъезда Есенина за границу вместе с Айседорой Дункан (10 мая 1922 г.).

В «Романе без вранья» А.Б.Мариенгоф заметил, что за три дня до отлета в Кенигсберг Есенин зашел к нему:

— А я тебе, дура-ягодка, стихотворение написал.

— И я тебе, Вяточка!

Есенин читает, вкладывая в теплые и грустные слова теплый и грустный голос... (Мариенгоф Анатолий. Роман без вранья. Л., Прибой, 1927, с. 131).

Опубликовано А.Б.Мариенгофом в журнале во время пребывания Есенина за рубежом. Стихотворение не входило ни в одну прижизненную книгу поэта.

«В «Собрание» Есенин его не включил» (Комментарий — ГЛМ).

Анатолию Мариенгофу посвящено несколько есенинских произведений 1918—1921 годов. Среди них такие, как «Ключи Марии», «Сорокоуст», «Пугачев». В свою очередь, и Мариенгоф над несколькими своими вещами 1919—1925 годов обозначил посвящение: Сергею Есенину. Стихотворение, врученное Есенину перед его отъездом за границу, в книге «Роман без вранья» Мариенгоф назвал по примеру есенинского — «Прощание с Есениным». Вот его полный текст:

* * *

Какая тяжесть!
Тяжесть!
Тяжесть!
Как будто в головы
Разлука наливает медь
Тебе и мне.

О, эти головы,
О, черная и золотая.
В тот вечер ветреное небо
И над тобой,
И надо мной
Подобно ворону летало.

Надолго ли?
О, нет.
По мостовым, как дикие степные кони,
Проскачет рыжая вода.

Еще быстрей и легкокрылей
Бегут по кручам дни.
Лишь самый лучший всадник
Ни разу не ослабит повода.

Но все же страшно:
Всякое бывало,
Меняли друга на подругу,
Сжимали недруга в объятьях,
Случалось, что поэт
Из громкой стихотворной славы
Шил женщине сверкающее платье...

А вдруг —
По возвращеньи
В твоей руке моя захолодает
И оборвется встречный поцелуй!
Так обрывает на гитаре
Хмельной цыган струну.
Здесь все неведомо:
Такой народ,
Такая сторона.

1922

(Анатолий Мариенгоф. Стихи и поэмы. 1922—1926. М., 1926, с. 39—40. На обл.: Новый Мариенгоф).

Рецензируя № 1 журнала «Гостиница для путешествующих в прекрасном», критик Л.Вас-ий <Л.Василевский> писал: «Очень раздражает обилие семейного материала: стихи Есенина «Прощание с Мариенгофом», интимные письма того же Есенина к тому же Мариенгофу и другим лицам. Все эти Толенька, Толики и Сашуры и пр.— провинциализм дурного тона и почти наглость» («Красная газета». Веч. вып., Пг., 1922, 4 дек., № 58).

Известен более поздний отзыв о стихотворении «Прощание с Мариенгофом». Писательница русского зарубежья Н.Н.Берберова в своей книге «Курсив мой», написанной в 60-е годы, называет это стихотворение Есенина «нежнейшим из всех его стихов» (Берберова Н. Курсив мой. Автобиография. Мюнхен, 1972, с. 239—240).

Мне страшно — ведь душа проходит // Как молодость и как любовь...— Здесь перефразированы строки из стихотворения В.С.Чернявского. Об этом он сам говорит в письме к С.А.Толстой-Есениной от 5 сентября 1926 года: «Книжечка Мариенгофа <Воспоминания о Есенине. М., 1926>, где есть только два хороших места, в общем произвела на меня отвратительное впечатление, я таким его себе и представлял. Но есть в ней и кое-что неожиданное для меня, очень поразившее: стихи Сергея. Я уверен, что когда он писал строфу «Мне страшно» и т.д., вспомнилось ему одно из моих обращений к нему, очень давних, и он повторил его в перифразе. У меня было так:

«*Не страшно* знать, что и *душа проходит*,
Как лучшая, как всякая *любовь*...
Что голос смерти над постелью бродит:
Себя, себя люби и славословь...

Первые две строки нашли отзвук у Сережи через четыре года после нашей разлуки, а две следующих бессознательно сказали в 1915 году о нем *будущем*, которого в те золотые времена я, конечно, не мог бы себе представить. До сих пор я не знал этих стихов к Мариенгофу» (ГМТ). Стихотворение Чернявского относится ко времени наиболее частых их встреч в Петрограде и датировано 1915 годом (см. об этом коммент. А.А.Козловского к воспоминаниям В.С.Чернявского.— Восп., 1, 475).

О А.Б.Мариенгофе см. также коммент. к стихотворению «Я последний поэт деревни...» в т. 1 наст. изд.

«Грубым дается радость...» (с. 186).— С.Есенин. Стихи. (1920—24), М.—Л., 1924, с. 39—40. В разделе «Москва кабацкая».

Беловой недатированный автограф (ГЛМ); черновой автограф, ст. 9—12, с датой: «1923» (частное собрание, Москва).

Печатается по беловому автографу (ГЛМ).

Датируется по фрагменту чернового автографа.

Ю.Н.Либединский (1898—1959) вспоминает о таком разговоре с Есениным:

— Сережа, у тебя вот сказано:

Мальчик такой счастливый
И ковыряет в носу.

Ковыряй, ковыряй, мой милый,
Суй туда палец весь,
Только вот с эфтой силой
В душу свою не лезь.

Ведь слово «эфтой» — это все-таки оборот не литературный, вульгаризм.

Он оставляет мою аргументацию без всякого внимания.

— А как иначе ты скажешь? С «этою» силой? — спрашивает он, смеется, и разговор прекращается, чтобы возобновиться спустя несколько дней.

— Помнишь, ты говорил о нарушении литературных правил? — напоминает он.— Ну, а тебе известны эти строки:

Сегодня, я вижу, особенно грустен твой взгляд,
И руки особенно тонки, колени обняв...

— Гумилев?

— Мастер, верно? А ведь тут прямое нарушение грамматики. По грамматическим правилам надо бы сказать: «И руки, которыми ты обняла свои колени, кажутся мне особенно тонкими». Ну, что-то в этом роде: «обняв» или «обнявшие»? Но «обнявшие колени» — ничего не видно, а «колени обняв» — сразу видишь позу...

Есенин жил в стихии языка, как ласточки живут в стихии воздуха, и то, что ученым воронам могло казаться нарушением правил языка, было виртуозным владением им. Чтобы так «нарушать» правила языка, надо в совершенстве им владеть (Восп., 2. 144—145).

В рецензии на сборники Есенина «Стихи» (1920—24) и «Москва кабацкая» А.Лежнев отмечал: «За «страшным» названием «Москва кабацкая» скрываются мягкие лирические стихотворения, грустные и жалобные. < далее цитируются ст. 1—8 стихотворения «Грубым дается радость...»>. В них совершенно отсутствует поэтизация разгула или порочное очарование, которое присуще, например, стихам Бодлера. Потому нельзя говорить об их опасности. Есенин кается еще прежде, чем согрешил» (журн. «Печать и революция», М., 1925, кн. 1, янв.—февр., с. 130).

Папиросники (с. 188).— Кр. нива, М., 1927, № 9, 27 февр., с. <1>. Под стихотворением помета: «1923 г.». «Папиросники» напечатаны вместе со стихотворениями: «День ушел, убавилась черта...», «Ямщик», «Пороша» под общим заголовком: «Неизданные стихи Сергея Есенина».

Печатается по первой публикации.

Автограф неизвестен.

Датируется по помете.

В журнале к «Папиросникам» дано редакционное примечание: «Стихотворение доставил Ал. Кулёмкин, б. студент Литературно-Художественного Института имени Валерия Брюсова».

Сам А.Ф.Кулёмкин в очерке «Есенин и студенты» вспоминал об одной из встреч с поэтом: «Я прочитал стихотворение «Гамены» — о беспризорниках, ночевавших в норах и нишах китайгородской стены. Есенин прочитал свое стихотворение «Папиросники». Текст этого стихотворения он оставил у меня. Потом оно было напечатано в № 9 журнала «Красная нива» за 1927 г.» (Сб. «Воспоминания о Сергее Есенине», М., 1965, с. 427).

Что оставил Есенин у А.Кулёмкина — автограф или список стихотворения — неизвестно. В настоящее время местонахождение этого текста не установлено.

В 1926 году в ростовской газете «Молот» от 31 января, № 1347 была напечатана информация «К вечеру памяти Сергея Есенина». В ней, в частности, говорилось: «В Ростове у частных лиц имеется несколько рукописей Есенина. Среди них одно из стихотворений «Москва кабацкая», написанное от руки карандашом, и редкое стихотворение «Папиросники» (рукопись)». Что это были за автографы, выяснить не удалось.

Кулёмкин Александр Федорович (1895—1971), литератор, издательский работник. Встречался с Есениным в Москве в 1921—1922, 1923—1925 годах.

«Издатель славный! В этой книге...» (с. 190).— Красная газета. Веч. вып., Л., 1925, 31 дек., № 316. Под заголовком «Неизданное стихотворение Сергея Есенина».

Беловой недатированный автограф первых трех строф с посвящением: «Милому Ионову» (Музей Сергея Есенина в Ташкенте).

Печатается по тексту первой публикации.

Датируется 1924 годом (по свидетельству П.И.Чагина; см.: Собр. соч. В 5 т. Т. 2. М., 1961, с. 300).

Публикация в «Красной газете» производилась по другому, ныне неизвестному источнику, в котором была

четвертая, заключительная строфа, отсутствующая в «ташкентской» рукописи.

Ионов (псевд.; наст. фам. Бернштейн) Илья Ионович (1887—1942?), поэт, участник революционного движения. После Октября заведовал Ленинградским отделением Госиздата, где в 1924 году предполагался выпуск книги Есенина «Ржаной путь» (см. сб. «Памятка о Сергее Есенине», М., 1926, с. 55). Приезжая в Ленинград, Есенин любил бывать у Ионова, беседовать с ним.

«Среди материалов «Собрания» этого стихотворения у Есенина не было» (Комментарий — ГЛМ).

Форма. <1> Свое («Цветы на подоконнике...») (с. 191). 2. *Народная. Подражание песенке матери* (с. 192).

<1>. Сб. «День поэзии». М., 1956, с. 124 (в статье Ю.Прокушева «Новое о Сергее Есенине», с неточностью).

Автограф был в архиве П.И.Чагина. Его местонахождение в настоящее время неизвестно.

Печатается по фотокопии этого автографа, снятой в 1956 году и хранящейся в ИМЛИ. Подпись под текстом: «*С.Е.*»

В ряде изданий стихотворение «Цветы на подоконнике...» печаталось под заглавием «Форма».

2. Газ. «Московский комсомолец», 1974, 18 окт., № 245 — ст. 1—4; полностью — журн. «Огонек», М., 1975, № 40, с. 23. В журнале — помета: «Публикуется впервые» и послесловие М.А.Чагиной.

Беловой недатированный автограф (РГАЛИ, ф. П.И.Чагина).

Под текстом подпись: «*С.Е.*»

Печатается по беловому автографу.

Там же в фонде П.И.Чагина вместе с автографом второго из названных стихотворений хранится еще один листок без даты, на котором рукой Есенина под заголовком «Пример» записан следующий текст:

Чтой-то солнышко не светит,
Над долиною туман.
Аль уж пуля в сердце метит,
Аль уж близок трибунал.
Ах, доля! Неволя!
Глухая тюрьма.
Долина. Осина.
Могила темна.
На заре каркнет ворона,
Коммунист, взводи курок!
В час последний похорона
Укокошат под шумок.
Ах, доля *и т.д.*

Опубликовано: газ. «Московский комсомолец», 1974, 18 окт., № 245 — ст. 1—2; полностью — сб. «С.А.Есенин. Материалы к биографии». М., 1992, с. 263 — факсимиле.

Все три произведения датируются по свидетельствам П.И. и М.А.Чагиных 1924 годом.

«Три листка под общим заголовком «Форма»,— писал П.И.Чагин,— это творческая лаборатория поэта, письменное свидетельство его работы над формой, его упражнение в большом деле» (Чагин Петр. Вдохновение, помноженное на труд.— Газ. «Московский комсомолец», 1974, 18 окт., № 245).

«Форма», видимо, соотносится с размышлениями Есенина о своеобразии поэтических произведений различных жанров, о взаимосвязи со смыслом, содержанием стихов — их ритма, песенности, звукописи и т.д.

Помета «Свое» над первым стихотворением указывает на то, что оно полностью написано поэтом.

В подзаголовке второго произведения обращают на себя внимание слова: «Подражание песенке матери». Тут вспоминается история стихотворения «Ты поила коня из горстей в поводу...», готовившегося для трехтомного Собр. ст. (в 1925 году). Тогда стихотворению, опубликованному ранее без названия, Есенин дал заглавие: «Подражанье песне». Этим поэт как бы подчеркнул внутреннюю связь своего оригинального произведения с народной песней.

Иное произошло со вторым стихотворением «Формы». Здесь отдельные строки заимствованы из фольклорного источника, имевшего многочисленные варианты. Так, в Рязанской губернии бытовала песня:

Едет Ваня до Рязани,
Изрисованные сани.
Дуга плисовая,
Вся исписанная.
На главе его папаха
И горохом вся рубаха,
Подпоясан кушаком
И с набитым кошельком,
Нос большущий, вверх загнутый,
Табачищем натянутый.

Едет Ваня из Рязани,
Полтораста рублев сани,
Ноги длинные, кривые,
Портки синие худые
И обувка не ахти —
На ногах его лапти.

Едет Ваня на пегане,
Леденцы в его кармане.

С опустевшим кошельком
И, конечно, под хмельком.
Девки все за то любили,
Кашей масленой кормили,
Каша масленая,
Ложка крашеная.

Едет Ваня из Рязани,
Изрисованные сани,
Дуга плисовая,
Вся исписанная.

(Записана Л.А.Архиповой в селе Константинове (август 1993 г.) от Н.И.Харламова, 1932 г. рожд., слышавшего песню от своей матери Татьяны Ивановны Харламовой (1882—1961).

В Рязанской губернии была известна и частушка:

Ехал Ваня из Рязани,
Полтораста рублей сани,
С колокольчиком дуга,
Ему Аннушка люба.

(Панфилов Анатолий. Константиновский меридиан. Ч. 2. М., 1992, с. 41).

В Московской губернии имела хождение песенка:

Едет Ваня из Рязани
Полтораста рублей сани,
Семисотенный конь,
С позолоченной дугой!..
Кабы мне таку дугу,
Да купить-то невмогу...

(Шмелев И.С. Лето господне. Сочинения. В 2-х т. Т. 2. М., 1989, с. 197—198).

Как и под стихотворением «Цветы на подоконнике...», под текстом «Народная. Подражание песенке матери» стоит подпись поэта: *С.Е.* Этим Есенин отметил свою творческую причастность ко второму произведению «Формы».

О песне «Чтой-то солнышко не светит...» писали Е.А.Устинова и В.И.Эрлих.

Устинова вспоминала о пребывании Есенина в Ленинграде в ноябре 1925 года:

«Есенин <...> к нам в номер гостиницы «Англетер» <...> пришел не один — с поэтом Н.П.Савкиным. Читал свои последние произведения. В этот его приезд мы виделись два раза. В день отъезда он пел хрипловатым приглушенным голосом вместе с Савкиным рязанские частушки: «Что-то солнышко не светит... <далее следуют семь строк песни с некоторыми разночтениями>» (Восп., 2, 354).

В воспоминаниях «Четыре дня», написанных 28 января 1926 года, Эрлих привел один куплет и припев из нее, заметив, что это была у Есенина «любимая в последнее время песня» (сб. «Памяти Есенина». М., 1926, с. 95, 97).

Песня, несколько строф из которой Есенин привел как пример в листках «Формы» и о которой вспоминают Устинова и Эрлих, родилась среди тамбовских повстанцев — участников крестьянского мятежа под руководством Александра Степановича Антонова (1888—1922).

Приводим (в сокращении) один из вариантов этой песни, записанной литератором Р.М.Акульшиным (псевдоним — Родион Березов) от бывшего красноармейца Федора Давыдова, участвовавшего в подавлении восстания:

Что-то солнышко не светит,
Над головушкой туман.
Ай уж пуля в сердце метит,
Ай уж близок трибунал.

Ах, доля-неволя,
Глухая тюрьма!
Долина, осина.
Могила темна.
Где-то черный ворон вьется,
Где-то совушки кричат...
Не хотелось, а придется
Землю кровью орошать!
Эх, доля-неволя
<и т.д.>
Поведут нас всех под стражей,
Коммунист взведет курок.
На тропинке, на овражьей
Укокошат под шумок.
Эх, доля-неволя,
Глухая тюрьма!
Долина, осина,
Могила темна.
<...>

«В литературных кругах Москвы в продолжение многих лет песня «антоновцев» была весьма популярной. На каждой вечеринке меня просили:

— Родион, спой «антоновцев»!»

(Березов Родион. Последняя песня «антоновцев».— Газ. «Новое русское слово», Нью-Йорк, 1950, 18 июня).

По рассказам некоторых современников (Н.Л.Брауна, А.А.Прокофьева), они слышали песню тамбовских повстанцев от Николая Клюева.

Памяти Брюсова (с. 194).— Газ. «Заря Востока», Тифлис, 1924, 11 окт., № 700. С пометой: «Тифлис».

Печатается и датируется по первой публикации.

Автограф неизвестен.

В начале 20-х годов Сергей Есенин и Валерий Брюсов (1873—1924) не раз встречались на литературных вечерах в Москве. Известны отзывы Брюсова в печати о творчестве Есенина, в частности, рецензия на сборник «Голубень» (1920), суждения в статье «Вчера, сегодня и завтра русской поэзии» (1922).

Н.П.Стор, сотрудник газеты «Заря Востока», вспоминал:

«В.Я.Брюсов умер неожиданно от крупозного воспаления легких 9 октября 1924 года.

Весть о его смерти пришла в редакцию на следующий день. Есенин не находил себе места, ходил мрачный, какой-то потерянный.

Среди дня он зашел ко мне в кабинет и протянул листки бумаги, написанные карандашом. То была его заметка «В.Я.Брюсов»...

Статья мне понравилась. Я тут же пошел к редактору Михаилу Осиповичу Лифшицу. Тот прочитал статью и, отложив листки в сторону, сказал:

— Все хорошо, но он ведь поэт. Пусть напишет стихи. Они пойдут в завтрашний номер. Место я придержу.

Я вернулся в кабинет и сообщил Есенину, что от него требуют стихов. Поэт был явно рассержен этим сообщением.

— Что я им — машина какая-то! Они думают, что стихи пишут просто так!

Но все же, взяв у меня бумагу, пошел в свободную комнату. Часа через два он пришел и показал мне стихотворение «Памяти Брюсова», которое тут же отнес редактору, и оно вышло, как уже говорилось, на следующий день, 11 октября» (Стор Н.П. <Воспоминания о Сергее Есенине>. Машинопись. Частное собрание. Москва).

В книге «Встречи с Есениным» (Тбилиси, 1961) Николай Вержбицкий писал: «Говоря о манере работать и о

творческой лаборатории Есенина, следует отметить, что он почти никогда не писал в состоянии опьянения, а если это иногда и случалось, то стихи выходили плохие, слабые. В качестве примера можно назвать стихотворение «На смерть Брюсова» (1924). Это стихотворение поэт сам не включил в собрание своих сочинений» (с. 100; стихотворение названо неточно).

Стихотворение вошло в четвертый том Собрания стихотворений (Стихи и проза). В рецензии Инн. Оксенов из произведений 1924—1925 гг., включенных в том, особо отметил «Памяти Брюсова» — «сильное и простое до предела стихотворение, извлеченное из «Зари Востока» (Оксенов Инн. Четвертый том Есенина.— «Красная газета». Веч. вып., Л., 1927, 13 мая, № 126).

Стор (наст. фам. *Стороженко*) Николай Павлович (1903—1984), журналист, встречался с Есениным в Грузии осенью 1924 — зимой 1925 гг.

«Заря Востока» (с. 196).— Журн. «Журналист», М., 1926, № 5, май, с. 29. С пометой: «Тифлис. Октябрь. 1924 г.».

В примечании к стихотворению в т. 4 Собр. ст. (Стихи и проза) отмечалось: «С автографа. Доставлено фельетонистом Бен-Гали. По сообщению Бен-Гали, написано в октябре 1924 г. и посвящено редакции газеты «Заря Востока», в которой печатался Есенин, будучи в Тифлисе. Имена и фамилии, встречающиеся в стихотворении, объяснены Бен-Гали. В «Журналисте» — с оригинала «Собрания» (с. 429).

Местонахождение автографа в настоящее время неизвестно.

Печатается и датируется по Собр. ст. (Стихи и проза. Т. 4).

В публикации т. 4, как и «Журналиста», фамилии и имена сотрудников газеты в 1924—1925 годах снабжены

краткими примечаниями. Ниже даются сведения об этих людях в более полном виде.

Лившиц (Лифшиц) Михаил Осипович (Иосифович) (1889—1937?) — редактор «Зари Востока».

Кара-Мурза Валериан Николаевич — поэт, журналист, технический секретарь редакции.

Ахобадзе В.М.— заведующий редакцией.

Лопатухин Э.Б.— заведующий типографией и финансовой частью.

Карп Матвей — заведующий издательской частью.

Вирап (Вирапян) Никита Амбарцумович; (1894—1938?) — председатель правления Акционерного издательского общества «Советский Кавказ», выпустившего в январе 1925 года книгу Есенина «Страна Советская».

Вержбицкий Николай Константинович (1889—1973) — журналист, выпускающий.

Бен-Гали (Гехтман Исаак Ефимович), фельетонист газеты.

Н.К.Вержбицкий вспоминал:

Есенин в редакции «Зари Востока» «был всеобщим любимцем. Мы гордились тем, что он вошел в нашу семью, а поэт, видимо, отдыхал душой в этой мирной обстановке.

Редактор Михаил Осипович Лифшиц с подлинной нежностью относился к поэту, он каждый день расспрашивал меня о нем, бережно хранил все автографы Есенина, по возможности не отказывал в авансах...

«Финансовый маэстро Лопатухин» <...> никак не мог согласиться с тем, что обычную стихотворную строчку можно делить на части, причем издательству приходится платить построчный гонорар иногда всего за несколько букв. <...> Бен-Гали — псевдоним фельетониста Гехтмана, которому врач делал операцию аппендицита и, по рассеянности, оставил внутри марлевую салфетку. После этого фельетонисту советовали попросить врача сделать разрез на

пуговках — мало ли что еще может оставить там рассеянный хирург...

Случай с помещением стихов Есенина на четвертой полосе был вызван тем, что весь номер оказался заполненным обязательным официальным материалом, а сам Есенин настаивал, чтобы стихи его во что бы то ни стало появились на другой день, ибо от этого зависело получение гонорара» (Вержбицкий Николай. Встречи с Есениным. Воспоминания. Тбилиси, 1961, с. 27; слова мемуариста о четвертой полосе фактами не подтверждаются).

А в голове паршивый сэр Керзон... — Керзон Джордж Натаниель (1859—1925). В 1919—1924 гг.— министр иностранных дел Великобритании, один из организаторов интервенции против Советской России. В мае 1923 года Англия направила Советскому правительству меморандум, составленный Дж. Керзоном и вошедший в историю под названием «ультиматум Керзона». Документ содержал ряд провокационных требований, отвергнутых Советским правительством. В октябре 1924 г. Керзон участвовал в антисоветских акциях («Керзон зашевелился» — заметка в «Правде» от 28 октября 1924 г.).

«Мне скучно, бес!» — «Что делать, Фауст?» — первые строки «Сцены из «Фауста» А.С.Пушкина (1825). Полный и точный текст начала таков:

СЦЕНА ИЗ «ФАУСТА»

Берег моря. Фауст и Мефистофель.

Фауст

Мне скучно, бес.

Мефистофель

Что делать, Фауст?
Таков вам положен предел...

По свидетельству Н.П.Стора, Есенин написал, помимо стихотворения «Заря Востока», еще несколько шуточных стихотворений о сотрудниках редакции газеты (письмо Н.П.Стора к литератору О.Л.Бишареву от 15 января 1984 года; хранится у адресата). Эти четверостишия вместе со строками других авторов без подписей были напечатаны в сборнике «Тысяча зевков», посвященном 1000 номеру газеты (вышел 11 октября 1925 г.). Сборник издавался на правах рукописи. Среди имен, упомянутых в четверостишиях, есть и названные в стихотворении «Заря Востока»:

Карп

Враг расточительства бесспорный,
Чтобы расход не возрастал,
Он даже лампочку в уборной
Для экономии убрал.

Ник. Вержбицкий

Его писания — краса,
Он пишет четко, без туману:
Душа стремится в небеса,
А тело грешное — к духану.

Бен-Гали

Он весел, спорить тут грешно —
Скажу при всех собственноручно.
Но... было б все весьма смешно,
Когда бы не было так скучно.

Каких-либо документальных данных, подтверждающих свидетельство Н.П.Стора, не обнаружено.

Воспоминание («Теперь октябрь не тот...») (с. 199).— Газ. «Заря Востока», Тифлис, 1926, 7 марта, № 1120.

Беловой недатированный автограф (ст. 1—26 — частное собр., Москва; ст. 27—30 — собрание Ж.С.Егуповой, г. Липецк).

Печатается по беловому автографу. В свое время он находился у сотрудника газеты Н.П.Стора. После смерти поэта — в связи с организацией музея Есенина в Москве — Н.П.Стор сообщал С.А.Толстой-Есениной 2 июля 1927 года из Тифлиса: «Сейчас я отправляю Вам «Воспоминание» (вторую страницу затерял), «Батум» и «Письмо от матери...» (ГЛМ). Позже первая страница автографа оказалась в частном собрании в Москве, а вторая обнаружилась в г. Липецке у Ж.С.Егуповой, отец которой — С.Ф.Логвинов — в середине 20-х годов работал в Тифлисе, в наркомате культуры Грузии.

Судя по варианту 25-й строки, редакция «Зари Востока» располагала другим автографом. Публикация в газете сопровождалась редакционным примечанием: «Настоящее стихотворение Сергея Есенина написано им в январе 1925 г. в Батуме». Ранее это служило основанием для датировки. Однако в той же газете от 6 ноября 1924 г. было анонсировано: «В завтрашнем номере «Зари Востока» будут помещены следующие <...> воспоминания, рассказы и стихотворения: Вл. Маяковский — Октябрь; Асеев — Новый Кремль; Сергей Есенин — Воспоминание; <...> Никулин — Спутник <...> и др.». Учитывая дату анонса, упомянутые материалы, вероятно, уже находились в портфеле редакции.

7 ноября большинство произведений названных авторов было напечатано в газете, кроме стихотворения Сергея Есенина. Почему оно отсутствовало — неизвестно. Но этот анонс позволяет датировать «Воспоминание» 1924 годом.

«Над омраченным Петроградом» — первая строка первой части поэмы А.С.Пушкина «Медный всадник» (1833).

Льву Повицкому (с. 201).— Газ. «Трудовой Батум», 1924, 13 дек., № 283.

Беловой недатированный автограф (РГАЛИ) с ошибочной (потеря рифмы) перестановкой ст. 1 и 2 в последней строфе:

В кого-то я
Теперь влюблен.

Печатается и датируется по первой публикации.

Повицкий Лев Иосифович (1885—1974), журналист, участник революционного движения. Познакомился с Есениным в 1918 году в Москве и поддерживал с ним дружеские отношения до конца жизни поэта. Особенно теплыми они были весной 1920 года в Харькове и в зимние месяцы 1924—1925 годов в Батуме.

В своих воспоминаниях Л.И.Повицкий писал: «Весной 1924 года я приехал на Кавказ и поселился в Батуме, где начал работать фельетонистом в местной газете «Трудовой Батум».

Я был в курсе передвижений Есенина по Кавказу и ждал его прибытия в Батум <...>.

Приезд Сергея Есенина я отметил в «Трудовом Батуме» 9 декабря статьей о его творчестве. Он ответил мне стихотворением «Льву Повицкому» <...>. Оно бросает свет на душевное состояние поэта в 1924—1925 годах» (Восп., 2, 243—244).

Цветы (с. 203).— «Арена». Однодневная газета. Работники печати — работникам цирка, Баку, 1925, 4 янв., № 1. С примечанием: «Стихи появляются в печати впервые».

Черновой недатированный автограф (ИМЛИ). Судя по тексту, с этого автографа состоялась посмертная публи-

кация стихотворения в журнале «Красная новь», 1926, № 11, ноябрь, с. 109—112. С пометой: «Из черновых рукописей С.Есенина».

В письме от 17 декабря 1924 года из Батума Есенин извещал Г.А.Бениславскую: «На столе у меня лежит черновик новой хорошей поэмы «Цветы». Это, пожалуй, лучше всего, что я написал».

В письмах из Батума П.И.Чагину Есенин сообщал: 14 декабря 1924 года — «Сейчас же посылаю «Цветы»; 21 декабря того же года — «Цветы», как хочешь, печатай или не печатай. Это философская вещь. Ее нужно читать так: выпить немного, подумать о звездах, о том, что ты такое в пространстве и т.д., тогда она будет понятна». Чагин, являясь редактором газеты «Арена», полученное стихотворение опубликовал в этом издании.

Печатается по первой публикации.

Датируется по указанным письмам Есенина к Г.А.Бениславской и П.И.Чагину.

Выпуск однодневной газеты «Арена» был связан с чрезвычайным происшествием в Баку: 28 декабря 1924 года полностью сгорело здание местного цирка со всем находившимся в нем имуществом артистов. Комиссия по оказанию помощи пострадавшим среди других мер наметила «издание газеты 3 января».

Есенин «не включил поэму в «Собрание». В октябре 1925 г. он написал стихотворение «Цветы мне говорят — прощай...», в котором повторились некоторые строки поэмы «Цветы». Это стихотворение Есенин напечатал и тем самым, разумеется, отказался от возможности напечатать поэму» (Комментарий — ГЛМ).

Батум (с. 209).— Журн. «Огонек», М., 1945, № 43, 28 окт., с. 7 — ст. 1—21, без названия; полностью — Сергей Есенин. Соч. В 2-х т. Т. 1., М., 1955, с. 244—247.

Черновой недатированный автограф (РГАЛИ); беловой автограф (ИМЛИ), где под текстом неустановленным лицом проставлена дата: <1924—1925>.

Печатается по беловому автографу.

Датируется на основании письма Есенина к Г.А.Бениславской от 20 декабря 1924 г. В этом письме рассказ о батумских впечатлениях поэта перекликается с содержанием стихотворений «Батум» и «Никогда я не был на Босфоре...», помеченного 21 декабря 1924 г.

В журнале «Огонек» напечатано под заголовком «Из неопубликованного литературного наследия Есенина» и сопровождено следующим примечанием: «Публикуемый нами отрывок «Корабли плывут в Константинополь...» — начало большого поэтического произведения и взят из черновой рукописи С.Есенина. Четыре страницы рукописи имеют множество поправок, целые строфы перечеркнуты совсем. Более закончены только первые, начальные строфы, которые мы и приводим».

А другие здесь живут иначе... — Возможно, здесь отразились впечатления от рассказов технического редактора выходившей в Батуме газеты «Красный пограничник» С.И.Могилевского и Л.И.Повицкого о местных жителях, занимающихся контрабандой, и о борьбе советских пограничников с преступниками. В частности, Повицкий располагал сведениями о том, что с контрабандистами были связаны родственники батумской знакомой поэта Ольги Кобцевой — «мисс Оль», как ее называл Есенин (см. Восп., 2, 248).

Индиго — темно-синее красящее вещество, цвет индиго.

Капитан Земли (с. 214).— Газ. «Заря Востока», Тифлис, 1926, 21 февраля, № 1109 (без строк 35—42);

строки 35—42 впервые воспроизведены в издании: Сергей Есенин. Собр. соч. В 5-ти т. Т. 3. М., 1962, с. 37.

Беловой датированный автограф (РГБ). В первоначальной помете: «18 марта 25. Батум» рукой поэта исправлены число и месяц: «17 январь».

Был еще источник текста, по которому стихотворение публиковалось в «Заре Востока». Его местонахождение в настоящее время неизвестно.

Печатается и датируется по беловому автографу (РГБ).

В газ. «Заря Востока» произведение напечатано под заголовком: «Сергей Есенин. Неизданные стихотворения». Над названием стихотворения помета: «1» и в сноске — примечание: «Впервые публикуемое стих-е Сергея Есенина «Капитан земли» написано в январе 1925 г. в Батуме, накануне годовщины смерти Ленина. Остальные неизданные стих-я Есенина будут опубликованы в ближайших номерах «З.В.». *Ред.*»

Рассказывая о батумском периоде жизни поэта, Л.Повицкий вспоминал: «Как-то раз наступила у Есенина пора безденежья, между тем, ему срочно понадобилась сумма в сто рублей. Это была для того времени порядочная сумма. Мы думали-гадали, где добыть деньги, как вдруг Есенин воскликнул:

— Я протелеграфирую Чагину.

И он мне прочел тут же составленную телеграмму:

«Вышлите срочно сто высылаю стихотворение «Ленин». Дня через два деньги были получены. Я напомнил Есенину о данном им Чагину обещании.

— Сегодня напишу и вышлю.

И в самом деле вечером он мне прочел стихотворение. Я очень был огорчен: стихотворение сырое, недоработанное, с явной печатью торопливости. Такое стихотворение печатать нельзя. Я осторожно посоветовал ему:

— А ты не спеши, дай ему полежать, может быть, найдешь еще другие слова о Ленине.

Он понял, что стихотворение мной не одобрено, но, не показывая вида, деловито ответил:

— Нельзя, надо, чтобы стихотворение попало в газету к траурным дням.

Стихотворение было послано. Настали траурные дни. Получен был номер «Бакинского рабочего». Я развернул газету и с удовлетворением убедился, что стихотворения нет. И в следующем номере стихотворения не оказалось. Есенин был озадачен: пожалуй, это был первый случай подобного рода в его литературной практике советского времени.

В Москве в 60-х годах я при встрече с Чагиным спросил его, помнил ли он, что «забраковал» стихотворение «Ленин».

Чагин улыбнулся:

— Грех на моей душе. В таком виде стихотворение нельзя было печатать. К Есенину у нас требования были очень высокие» (Повицкий Лев. Сергей Есенин в жизни и творчестве.— Газ. «Лит. новости», М., 1992, № 5, с. 12).

Сам Есенин признавался П.Чагину:

— Я в долгу перед образом Ленина... Ведь то, что я писал о Ленине — и «Капитан Земли» и «Еще закон не отвердел», это слабая дань памяти человека, который не то что как Петр Первый Россию вздернул на дыбы, а вздыбил всю нашу планету (Восп., 2., с. 163).

1 Мая (с. 218).— Бак. раб., 1925, 5 мая, № 98.

Печатается и датируется по первой публикации.

Автограф неизвестен.

П.И.Чагин вспоминал: «Одним из самых примечательных дней в бакинский период жизни Сергея Есенина был день 1 мая 1925 года. Первомай того года мы решили

провести необычно. Вместо общегородской демонстрации организовали митинги в промысловых и заводских районах, посвященные закладке новых рабочих поселков, а затем — рабочие, народные гулянья. Взяли с собой в машину, где были секретари ЦК Азербайджана, Сергея Есенина. Он не был к тому времени новичком в среде бакинских нефтяников. Он уже с полгода как жил в Баку. Часто выезжал на нефтепромыслы, в стихию которых, говоря его словами, мы его посвящали. Много беседовал с рабочими, которые знали и любили поэта.

Есенина на маевке встретили как старого знакомого. Вместе с партийными руководителями ходил он по лужайкам, где прямо на земле, на молодой весенней траве, расположились рабочие со своими семьями, читал стихи, пел частушки» (Восп., 2, 162).

Пускай меня бранят за стансы... — Стихотворение «Стансы» критиковалось рядом литераторов. Так, в статье А.К.Воронского «На разные темы» (альманах «Наши дни», М., 1925, № 5), в частности, говорилось: «В «Заре Востока» № 713 от 26 октября 1924 г. помещены «Стансы» Сергея Есенина, навеянные пребыванием поэта в Баку. Стихи — пространные и гражданственные <...>. Очень хорошо, что Сергей Есенин, хотя и с большим опозданием, решил стать певцом и гражданином «великих штатов СССР» и «тихо» сесть за Маркса <...>. Беда, однако, в том, что стихи во имя Маркса просто плохи. «Стишок писнуть», «Эра новая не фунт изюму нам» в устах такого первоклассного поэта, каким является Есенин, звучат совершенно неприлично <...> «Стансы» режут слух как гвоздем по стеклу. Они небрежны, написаны с какой-то нарочитой, подчеркнутой неряшливостью, словно поэт сознательно хотел показать: и так сойдет. Но хуже всего даже не эти «фунты изюма», не «писнуть», даже не скудная, сырая рифмовка стиха,— хуже всего, что «Стансам» не веришь,

они не убеждают. В них не вложено никакого серьезного, искреннего чувства, и клятвы поэта звучат сиро и фальшиво» (с. 304—306). См. также коммент. к «Стансам» в т. 2 наст. изд.

Балаханы — В то время пригород Баку, где 1 мая 1925 г. состоялась закладка нового рабочего поселка имени Степана Разина.

Не очень лефте! — От «ЛЕФ» («Левый фронт») — названия журнала, издававшегося в Москве в 1923—1925 гг. литературной группой «ЛЕФ» (под редакцией В.В.Маяковского). В этом журнале, провозглашавшем борьбу за обновление литературного творчества, подчас публиковались статьи, оправдывающие увлечение некоторых авторов заумью и формалистическими изысками.

«Неуютная жидкая лунность...» (с. 220).— Бак. раб., 1925, 25 мая, № 115.

Черновой автограф (собрание М.С.Лесмана, хранится у Н.Г.Князевой, Санкт-Петербург; факсимиле — в сб. «Есенин и русская поэзия», Л., 1967, с. 359 и в аннотированном каталоге «Книги и рукописи в собрании М.С.Лесмана», М., 1989, с. 297). Под стихотворением помета рукой неустановленного лица: «24 мая 1925 г.». Незачеркнутые строки автографа совпадают с текстом, опубликованным в газете «Бакинский рабочий». Судя по этому совпадению, первая публикация состоялась по указанному автографу или копии с него.

21 октября 1925 года Есенин послал это стихотворение вместе с двумя другими в редакцию журнала «Новый мир» (см. письмо члену редколлегии журнала, писателю И.М.Касаткину в т. 6 наст. изд.). Стихотворение было опубликовано в «Новом мире» посмертно в 1926 году (кн. 4, апр., с. <19>). Местонахождение этой рукописи неизвестно.

Ни один из вышеназванных источников текста в поле зрения С.А.Толстой-Есениной не попал. В «Коммента-

рии» она писала: «...Сохранилась машинописная копия стихотворения, которая была у Есенина во время подготовки «Собрания», не датирована. Точная дата написания нам неизвестна» (ГЛМ).

Печатается по первой публикации.

Датируется с учетом пометы под автографом.

Инн. Оксенов в рецензии «Четвертый том Есенина» называет «ряд стихов, в которых отразился переход поэта на «советские» темы, темы революции: «Капитан земли» <...>, «1-е Мая» и, в особенности, имеющее большое значение для общественной биографии поэта, «Неуютная жидкая лунность». Здесь впервые у Есенина ясно выражено признание мощи «каменного и стального», преимущества городской культуры перед деревенской патриархальностью». Приведя три строфы из стихотворения, в том числе такую:

Я не знаю, что будет со мною...
Может, в новую жизнь не гожусь,
Но и все же хочу я стальною
Видеть бедную, нищую Русь,

критик продолжал: «Смысл этих строф особенно ярко выделяется при сопоставлении с аналогичными по теме стихами «Москвы кабацкой», в которых деревне «сдавили шею каменные руки шоссе» и поле «стынет в тоске волоокой, телеграфными столбами давясь» («Волчья гибель»). Так на закате поэт дошел до сознания правды и необходимости «завоевания» деревни «городской» техникой и культурой...» («Красная газета». Веч. вып., Л., 1927, 13 мая, № 126).

«Я помню, любимая, помню...» (с. 222).— Бак. раб., 1925, 4 авг., № 174; Кр. нива, 1925, 6 сент., № 37, с. 872.

Фотокопия недатированного белового автографа (фототека ГЛМ). Местонахождение этого автографа в настоящее время неизвестно.

По словам С.А.Толстой-Есениной, существовал черновой автограф, который имел «посвящение — А.М. <Августе Миклашевской>. В дальнейшем посвящение было снято автором» (Комментарий — ГЛМ). Местонахождение черновика в настоящее время также неизвестно.

Печатается по тексту журнала «Красная нива» без заглавия «Я помню...» (по словам П.И.Чагина, заглавие дано редакцией журнала).

Датируется по свидетельству С.А.Толстой-Есениной: стихотворение «было написано в июле 1925 г. в Москве. В «Собрание» Есенин его не включил» (Комментарий — ГЛМ).

Миклашевская Августа Леонидовна (1891—1977), актриса Камерного театра. Ей посвящен цикл «Любовь хулигана» — из семи стихотворений (см. коммент. к стихотворению «Заметался пожар голубой...» в т. 1 наст. изд.).

«Я иду долиной. На затылке кепи...» (с. 224).— Бак. раб., 1925, 4 авг., № 174; Кр. нива, 1925, 9 авг., № 33, с. 764.

Печатается по тексту второй публикации.

Датируется по черновому автографу (ГМЗЕ, ОНФ, № 4356, л. 1). В музей автограф поступил из собрания П.И.Чагина.

А.А.Есенина вспоминала: «В первой половине июля <1925 г.> Сергей уезжает в деревню, или, как мы говорили, «домой». Дома он прожил около недели. В это время шел сенокос, стояла тихая, сухая погода, и Сергей почти ежедневно уходил из дома то на сенокос к отцу и помогал ему косить, то на два дня уезжал с рыбацкой артелью <...>. Вернувшись из деревни, под впечатлением этой по-

ездки он написал стихи: «Я иду долиной. На затылке кепи...», «Спит ковыль, равнина дорогая...» (Восп., 1, 118).

С.А.Толстая-Есенина уточнила: Есенин уехал в Константиново «в ночь с 9 на 10-е июля <...>, а 16 июля вернулся в Москву». Одновременно она заметила, что стихотворение «Я иду долиной. На затылке кепи...» «не было включено Есениным в «Собрание» <...> (Комментарий — ГЛМ).

В лайковой перчатке... — Лайка — сорт мягкой кожи.

«Тихий ветер. Вечер сине-хмурый...» (с. 226).— «Красная газета». Веч. вып., Л., 1926, 27 марта, № 73. Под текстом помета: «Баку, июль, 1925 г.».

Печатается по недатированному автографу, подписанному инициалами: «*С.Е.*» (РГАЛИ, ф. П.И.Чагина). В автографе (химическим карандашом) в ст. 3 слово «Персии» зачеркнуто и над ним рукой неустановленного лица зелеными чернилами написано слово «Индии».

Датируется по помете в «Красной газете» (ее редактором был П.И.Чагин).

Высказывалось предположение, что это стихотворение должно было войти в цикл «Персидские мотивы» (см. Орлов В. Затерявшееся стихотворение Сергея Есенина.— Сб. «День поэзии», Л., 1964, с. 84—85).

«Море голосов воробьиных...» (с. 228).— Бак. раб., 1925, 10 авг., № 179.

Известны три недатированных автографа: черновой — ГЛМ, беловые — РГАЛИ и собрание К.Гинзбурга, Нью-Йорк, США.

Автограф ГЛМ исполнен на плотном листе белой бумаги; на обороте помещены шуточный рисунок (священник с кадилом перед шкафом, где изображена женщина, стоящая на полке) и рифмованные строки, произносимые

священником: «Во имя отца и сына, сидит в шкафу Ина...» <и т.д.> Возможно, рисунок и строки принадлежат Есенину.

Существовал еще один автограф, «который был самим Есениным отдан для печати в «Бакинский рабочий» (Комментарий — ГЛМ). Местонахождение этой рукописи неизвестно.

В Собр. ст. (Стихи и проза. Т. 4) стихотворение напечатано среди произведений 1925 года с пометой: «Август». В кн. Сергей Есенин. Избранное (Сост. С.А.Толстая-Есенина, ред. П.И.Чагин. М., 1946) под стихотворением указано: «Август 1925 г., Мардакьяны».

Печатается и датируется по первой публикации.

С.А.Толстая-Есенина вспоминала: «В августе 1925 года Есенин жил в Мардакянах, близ Баку, на даче П.И.Чагина. Окно из комнаты Есенина выходило в сад, и часто на рассвете его будили голоса птиц. В один из таких рассветов он написал это стихотворение и вскоре напечатал его в газете «Бакинский рабочий» <...>. Осенью 1925 года, подготавливая свое «Собрание», он вернулся к этому стихотворению, хотел включить его в цикл «Персидских мотивов» и начал его перерабатывать, но не закончил и поэтому не включил его в «Собрание» (Восп., 2, 261).

Ах, у луны такое // Светит — хоть кинься в воду...— По воспоминаниям Н.К.Вержбицкого, эти строки связаны с рассказанной им легендой о китайском лирике VIII века Ли Бо (Ли Пу). По этой легенде, Ли Пу, бежав от любви императрицы, «дошел до огромной реки Янцзы, поселился здесь и часто ночью на лодке выезжал на середину реки и любовался лунным отражением. Однажды ему захотелось обнять это отражение, так оно было прекрасно. Он прыгнул в воду и утонул... Есенина поразила эта легенда» (Восп., 2, 217). Ли Пу Есенин упомянул также в дар-

ственной надписи на портрете китайского лирика, присланном Н.К.Вержбицкому (см. т. 7 наст. изд.).

«Плачет метель, как цыганская скрипка...» (с. 230).— Кр. новь, 1926, янв., кн. 1., с. 119.

В журнале опубликовано вместе со стихотворением «Снежная замять крутит бойко...» и редакционным примечанием: «Помещаемые два стих-я — неотделанные наброски поэта».

В ГЛМ хранится список этого стихотворения, сделанный С.А.Толстой-Есениной. Он размещен на двух листах. На одном под текстом стихотворения дата: «4/5 X 25 г.» и подпись: «Сергей Есенин». На другом — помета: «Оригинал черновика стихотворения отдан мною Екатерине Есениной. Это копия с черновика».

Еще один список с чернового датированного автографа, выполненный С.А.Толстой-Есениной, находится в РГАЛИ.

Местонахождение оригинала в настоящее время неизвестно.

Печатается и датируется по копии с черновика ГЛМ.

По свидетельству С.А.Толстой-Есениной, это и два следующих за ним стихотворения были продиктованы поэтом в ночь с 4 на 5 октября 1925 года. Судя по всему, тексты были просмотрены автором и в стихотворение «Плачет метель, как цыганская скрипка...» внесено несколько поправок. Тогда же С.А.Толстая-Есенина записала под диктовку поэта еще четыре стихотворения: «Снежная замять крутит бойко...», «Вечером синим, вечером лунным...», «Не криви улыбку, руки теребя...», «Сочинитель бедный, это ты ли...». Все они были включены Есениным в Собр. ст. Остальные же стихотворения, записанные в ночь с 4 на 5 октября 1925 года («Плачет метель, как цыганская скрипка...», «Ах, метель такая, просто черт возьми!», «Снежная равнина, белая луна...»), по

словам С.А.Толстой-Есениной, «автор печатать не хотел, так как они его не удовлетворяли» (Восп., 2, 258; см. также коммент. к стихотворению «Слышишь — мчатся сани, слышишь — сани мчатся...» в т. 1 наст. изд.).

«Ах, метель такая, просто черт возьми!» (с. 231).— Журн. «Смена», М., 1946, № 3/4, февр., с. 13.

Печатается и датируется по беловому списку, сделанному С.А.Толстой-Есениной и помещенному на одной странице со стихотворением «Снежная равнина, белая луна...», с общей датой: «4/5 X 25 г.». В списке над стихотворением — римская цифра: «IV» (РГАЛИ).

В ГЛМ хранится идентичный список этих же стихотворений, выполненный С.А.Толстой-Есениной, но без дат. На обороте листа ее же рукой помечено: «Копия с рукописи. Оригинал я отдала Ек. Есениной. *С.Есенина*».

Местонахождение оригинала в настоящее время не установлено.

В журнале напечатано вместе со стихотворением «Снежная равнина, белая луна...» под общим заголовком «Неопубликованные стихи», с пометой: «Ночь 4/5 октября 1925 года, Москва» и послесловием С.А.Толстой-Есениной «Восемь строк».

«Помещаемые здесь стихи,— говорится в послесловии,— принадлежат к тому же циклу шести- и восьмистиший, написанных в ночь с 4 на 5 октября 1925 года. Они печатаются впервые, по моей записи, сделанной под диктовку Есенина <...>. На другой день, по этой моей записи, Есенин сделал небольшие правки».

См. коммент. к стихотворению «Плачет метель, как цыганская скрипка...» (с. 439).

«Снежная равнина, белая луна...» (с. 232).— Журн. «Смена», М., 1946, № 3/4, февр., с. 13.

Печатается и датируется по списку рукой С.А.Толстой-Есениной, помещенному на одной странице со стихотворением «Ах, метель такая, просто черт возьми!» и общей датой: «4/5 X 25 г.». В списке над текстом стихотворения — римская цифра: «II». Судя по цифрам, проставленным, как здесь, так и над предыдущим четверостишием, предполагалась нумерация записанных под диктовку поэта его новых стихотворений.

См. коммент. к стихотворениям «Плачет метель, как цыганская скрипка...» (с. 439) и «Ах, метель такая, просто черт возьми!» (с. 440).

«Клен ты мой опавший, клен заледенелый...» (с. 233).— Красная газета. Веч. вып., Л., 1926, 3 янв., № 2; Кр. нива, 1926, № 1, 3 янв., с. 1.

Печатается и датируется по черновому автографу (РГАЛИ), текст которого совпадает с текстом журнала «Красная нива». Имеется также совпадающий с журнальным текстом список рукой С.А.Толстой-Есениной с пометой под стихотворением: «Проверено С.Е.» (ГЛМ).

Публикация в «Красной газете» под заголовком «Посмертные стихи Сергея Есенина», возможно, производилась по другому источнику. На эту мысль наводят некоторые особенности публикации: двустишия даны как четверостишия, в третьей строфе вместо «приморозил» напечатано «заморозил», в четвертой — «чтой-то стал нестойкий» читается как «стал чтой-то нестойкий», в пятой строфе вместо «вон» поставлено «вот», а вместо «песни» — «песню».

26 ноября 1925 года по настоянию родных и близких Есенин лег в психиатрическую клинику 1-го Московского государственного университета.

В клинике, как отмечал Наседкин, Есенину «отвели светлую и довольно просторную комнату на втором этаже. В окна глядели четкие прутья предзимнего сада» (Насед-

кин В. Последний год Есенина. Из воспоминаний. М., 1927, с. 44).

«Клен ты мой опавший...» — одно из первых стихотворений, написанных поэтом в клинике.

«Какая ночь! Я не могу...» (с. 234).— Бак. раб., 1926, 12 февр., № 37; журн. «Новый мир», М., 1926, кн. 2, февр., с. 5.

Печатается и датируется по черновому автографу (РГАЛИ), сверенному со списком рукой С.А.Толстой-Есениной (ГЛМ). В списке имеется примечание: «Все проверено и исправлено Есениным. Мною переписывалось с рукописи С.Есенина». Под стихотворением — помета: «Проверено Сергеем».

В Бак. раб. напечатано вместе со стихотворениями: «Не гляди на меня с упреком...», «Ты меня не любишь, не жалеешь...», «Может, поздно, может, слишком рано...» под общим заголовком «Посмертные стихи Сергея Есенина». В редакционном примечании говорится: «Помещаемые стихотворения написаны Сергеем Есениным в клинике, где поэт находился перед отъездом в Ленинград. Сергей Есенин, бывавший в последние годы в Баку, просил напечатать эти стихи в «Бакинском рабочем». (Есенин находился в клинике 1-го Московского университета с 26 ноября по 21 декабря 1925 г.)

Текст в «Новом мире» полностью совпадает с черновым автографом, списком рукой С.А.Толстой-Есениной и напечатан вместе с теми же стихотворениями, что и в «Бакинском рабочем», под общим заголовком: «Четыре стихотворения. Посмертные».

См. коммент. к стихотворению «Может, поздно, может, слишком рано..» в наст. т. (с. 443—444).

«Не гляди на меня с упреком...» (с. 236).— Бак. раб., 1926, 12 февр., № 37; журн. «Новый мир», М., 1926, кн. 2, февр., с. 6.

Печатается и датируется по черновому автографу (РГАЛИ); имеется список рукой С.А.Толстой-Есениной с пометой под стихотворением «Проверено С.Е.» (ГЛМ).

См. коммент. к стихотворениям: «Какая ночь! Я не могу...» (с. 442) и «Может, поздно, может, слишком рано...» (с. 443—444) в наст. т.

«Ты меня не любишь, не жалеешь...» (с. 238).— Бак. раб., 1926, 12 февр., № 37; журн. «Новый мир», М., 1926, кн. 2, февр., с. 7.

В журн. «Новый мир» — без шестой строфы. В Собр. ст. (Стихи и проза. Т. 4) ошибочно указано, что строфа впервые публикуется в этом издании.

Печатается и датируется по черновому автографу (РГАЛИ). Имеется список рукой С.А.Толстой-Есениной с пометой под стихотворением: «Проверено Сергеем» (ГЛМ).

См. коммент. к стихотворениям «Какая ночь! Я не могу...» (с. 442) и «Может, поздно, может, слишком рано...» в наст. т.

«Может, поздно, может, слишком рано...» (с. 240).— Памятка о Сергее Есенине. 4/X.1895 — 28/XII 1925. М., 1926, с. 53—54; газ. «Веч. Москва», 1926, 6 февр., № 30 (в статье без подписи «Есенин о себе»); Бак. раб., 1926, 12 февр., № 37; журн. «Новый мир», М., 1926, кн. 2, февр., с. 8.

Печатается и датируется по черновому автографу (РГАЛИ).

См. коммент. к стихотворению «Какая ночь! Я не могу...» (с. 442) в наст. т.

В Собр. ст. (Стихи и проза. Т. 4, с. 431) дано следующее примечание: «Четыре последних стихотворения <как и в наст. томе> первоначально были объединены в один цикл, названный поэтом «Стихи о которой» — См. сб. «Сергей Александрович Есенин». М., 1926, с. 226

(Письмо И.В.Евдокимову). В разговоре с И.В.Евдокимовым Есенин считал в этом цикле семь стихотворений. После смерти было напечатано родственниками только четыре. Отбросил ли сам поэт название «Стихи о которой» или оно ошибочно было пропущено при первоначальной публикации в журнале «Новый мир»; мы печатаем их без названия цикла ввиду неясности этого вопроса».

В воспоминаниях И.В.Евдокимова к словам Есенина о том, что он с сестрой послал в издательство «семь новых стихотворений — «Стихи о которой» — и что «стихи, кажется, неплохие», сделана сноска: «Письмо было доставлено мне Е.А.Есениной только в конце апреля 1926 года. «Стихи о которой» переданы не были, почему и не вошли в первый том, как того хотел поэт» (Восп., 2, 299).

По предположению С.А.Толстой-Есениной, в цикл «Стихи о которой» должны были войти: «Какая ночь! Я не могу...», «Не гляди на меня с упреком...», «Ты меня не любишь, не жалеешь...», «Может, поздно, может слишком рано...», а также «неотделанное» стихотворение «Кто я? Что я? Только лишь мечтатель...» и еще два стихотворения — «Есенин читал их вслух, продолжал работать над ними и увез их в Ленинград» (Комментарий — ГЛМ). Дальнейшая судьба этих двух стихотворений остается неизвестной.

«Кто я? Что я? Только лишь мечтатель...» (с. 242).— Журн. «Новый мир», М., 1959, № 12, дек., с. 271 (в статье С.Масчан «Из архива Есенина»).

Печатается по черновому недатированному автографу (ИРЛИ).

Имеется список рукой С.А.Толстой-Есениной с ее пометами под стихотворением: «Дек. 1925» и на обороте листа: «С рукописи С.Е.» (ГЛМ).

Датируется по этой помете.

При сравнении чернового автографа и списка рукой С.А.Толстой-Есениной в ряде строф обнаруживаются расхождения (см. «Варианты»). Это говорит о том, что С.А.Толстая-Есенина располагала другим — возможно, беловым — автографом, местонахождение которого в настоящее время неизвестно.

Не исключено, что это стихотворение входило в цикл «Стихи о которой» (см. выше коммент. к стихотворению «Может, поздно, может, слишком рано...»).

«До свиданья, друг мой, до свиданья...» (с. 244). Красная газета. Веч. вып., Л., 1925, 29 дек., № 314 (в статье Георгия Устинова «Сергей Есенин и его смерть»); Веч. Москва, 1925, 30 дек., № 297 под заголовком: «Предсмертное стихотворение Есенина».

В «Красной газете» и «Вечерней Москве» стихотворение опубликовано с ошибкой в ст. 5: вместо «До свиданья, друг мой, без руки, без слова» — «До свиданья, друг мой, без руки и слова». С этой ошибкой стихотворение печаталось во всех изданиях (кроме сб. «Избранное». М., 1946, сост. С.А.Толстая-Есенина) вплоть до Собр. соч. В 5-ти т. (М., 1966—1968), где в последнем томе (с. 374) дана следующая поправка: «В т. 3 на стр. 228 первую строку второй строфы следует читать: «До свиданья, друг мой, без руки, без слова».

Вместе с тем еще в 1926 году в журн. «Красная нива» (№ 4, 24 янв., с. <8>) было помещено факсимиле автографа с пояснением: «Мы воспроизводим здесь снимок этого последнего стихотворения Есенина. Стихотворение написано на клочке бумаги, вероятно, первом, попавшемся под руку».

Печатается по недатированному автографу (ИРЛИ). Автограф написан кровью.

В конце 80-х годов этот факт, а также авторство Есенина подверглись в ряде публикаций сомнению. В связи с

этим комиссия Есенинского комитета Союза писателей организовала экспертизу автографа экспертно-криминалистическими и судебными экспертами. Выводы:

1. «Рукописный текст стихотворения <...> выполнен самим Есениным Сергеем Александровичем».

2. «Этот текст исполнен Есениным Сергеем Александровичем под влиянием необычных внутренних и внешних факторов, «сбивающих» привычный процесс письма и носящих временный характер. В числе таких факторов наиболее вероятными являются необычное психофизиологическое состояние С.Есенина (волнение, алкогольное опьянение и др.) и использование им пишущего прибора и красителя, обладающих плохими расписывающими свойствами» (Заключение от 15 апреля 1992 г., № 374/010).

(Вывод почерковедческой экспертизы, произведенной в конце 1920-х годов: «Предсмертное письмо Есенина (стихи) характерно резко выраженным центростремительным направлением строк, что указывает на депрессивность и подавленность состояния, в котором он находился в момент писания» — Зуев-Инсаров Д.М. Почерк и личность. 2-е испр. и доп. изд. М., 1930, с. 87).

3. «Микроспектральным методом, проведенным в лаборатории, установлено, что стихотворение написано кровью» (Заключение от 15 июня 1992 г., № 2028).

Датируется по свидетельствам Е.А.Устиновой и В.И.Эрлиха.

Утром 24 декабря 1925 года Есенин из Москвы приехал в Ленинград и остановился в гостинице «Англетер» («Интернационал»), где уже проживали знакомые поэта — супруги Г.Ф. и Е.А.Устиновы. Сюда в гости к Есенину приходили Н.Клюев, В.Эрлих, И.Приблудный, В.Измайлов, Д.Ушаков и другие литераторы.

Е.Устинова вспоминала: «27-го я встретила Есенина на площадке без воротничка и без галстука, с мочалкой и

с мылом в руках. Он подошел ко мне растерянно и говорит, что может взорваться ванна: там будто бы в топке много огня, а воды в колонке нет.

Я сказала, что когда все будет исправлено, его позовут.

Я зашла к нему. Тут он мне показал левую руку: на кисти было три неглубоких пореза.

Сергей Александрович стал жаловаться, что в этой «паршивой» гостинице даже чернил нет, и ему пришлось писать сегодня утром кровью.

Скоро пришел поэт Эрлих. Сергей Александрович подошел к столу, вырвал из блокнота написанное утром кровью стихотворение и сунул Эрлиху во внутренний карман пиджака.

Эрлих потянулся рукой за листком, но Есенин его остановил:

— Потом прочтешь, не надо!» (Устинова Е. Четыре дня Сергея Александровича Есенина.— Сб. «Сергей Александрович Есенин. Воспоминания». Под ред. И.В.Евдокимова. М.; Л., 1926, с. 236).

Сам В.И.Эрлих, описывая события утра 27 декабря, так рассказывал о передаче ему листка из блокнота: «Сергей нагибается к столу, вырывает из блокнота листок, показывает издали: стихи. Затем говорит, складывая листок вчетверо и кладя мне в карман пиджака: «Это тебе. Я еще тебе не писал ведь? Правда... И ты мне тоже не писал!» Устинова хочет прочитать. Я тоже. Тяну руку в карман.

— Нет, ты подожди! Останешься один — прочитаешь. Не к спеху ведь» (Эрлих Вольф. Четыре дня.— Сб. «Памяти Есенина». М., 1926, с. 95).

Стихотворение было прочитано В.И.Эрлихом только 28 декабря.

После публикации стихотворения и материалов о смерти Есенина появилась версия, что «До свиданья, друг

мой, до свиданья...» обращено к Вольфу Эрлиху. Скорее всего, источником этой версии стали слова Есенина, приведенные Эрлихом в его воспоминаниях «Четыре дня»: «Это тебе... <далее — см. выше>» (они написаны 28 января 1926 года).

Однако в книге «Право на песнь», помеченной ноябрем 1928 — январем 1929 гг., из слов Есенина, якобы сказанных Эрлиху при передаче листка со стихотворением, оставлено только одно слово: «Тебе». Чем вызвано такое существенное сокращение, узнать уже невозможно. Но тут любопытно следующее. Если из первой редакции есенинских слов можно понять, что стихотворение обращено к Эрлиху («Я еще тебе не писал ведь?»), то из второго варианта («Тебе») такой вывод с полной определенностью сделать нельзя.

По еще одной версии, стихотворение связано с другим знакомым Есенина — Виктором Андрониковичем Мануйловым, впоследствии известным литературоведом. С ним, тогда молодым поэтом, Есенин познакомился в августе 1921 года в Москве, позднее встречался в Баку, где в 1924 году Мануйлов написал стихотворение «Сергею Есенину».

В 1934 году в парижском журнале «Числа» (№ 10) была напечатана заметка «О последнем стихотворении Есенина». Ее автор, близкий к семье Мануйловых А.Дехтерев, сообщал: «Мне писала О.В. <Ольга Викторовна, мать В.А.Мануйлова>, что накануне своей смерти Есенин все время говорил о Викторе, вспоминал встречи с ним и чуть ли не тосковал по нем. И что известные предсмертные стихи, написанные кровью: «До свиданья, друг мой, до свиданья...» — относятся именно к нему, к Виктору Мануйлову» (с. 241).

Сам В.А.Мануйлов так откликнулся на парижскую публикацию: «Много в этой заметке, сообщаемое о моих родителях, о годах моей юности, соответствует действи-

тельности, однако у меня нет оснований предполагать, что предсмертные стихи Есенина были обращены ко мне» (Мануйлов В. О Сергее Есенине.— Журн. «Звезда», Л., 1972, № 2, с. 187).

Таким образом, ни В.И.Эрлиха, ни В.А.Мануйлова называть адресатом есенинского стихотворения оснований нет.

Любопытно признание Валентина Катаева: «Долгое время мне казалось — мне хотелось верить,— что эти стихи обращены ко мне, хотя я хорошо знал, что это не так» («Алмазный мой венец».— Журн. «Новый мир», М., 1978, № 6, с. 116).

В 1990 году А.М.Марченко (статья «Плач по Сергею Есенину» в «Литературной газете» за 3 октября) изложила и по-своему обосновала версию о том, что последнее стихотворение Есенина адресовано Николаю Клюеву. Спустя два года такую же мысль высказала и привела собственную аргументацию Н.М.Солнцева. Ее вывод: «Клюев был единственным из предсмертного окружения Есенина, которому могли быть посвящены эти стихи» (Солнцева Наталья. Китежский павлин. Филологическая проза: Документы. Факты. Версии. М., 1992, с. 258).

Но как бы ни казалось, что эта версия правдоподобней других — следует помнить, что конкретный адресат стихотворения автором не назван, и это сделано вряд ли случайно.

Как считал В.Г.Шершеневич, «оно написано к несуществующему другу, в пространство» (Шершеневич Вадим. Великолепный очевидец.— Сб. «Мой век, мои друзья и подруги. Воспоминания Мариенгофа, Шершеневича, Грузинова». М., 1990, с. 627). По мнению же Н.Т.Панченко, «содержание этого стихотворения шире, чем прощание с конкретным человеком» (сб. «Белые ночи». Л., 1973, с. 263).

Вообще слова *друг, брат* в стихотворениях нередко выступают как понятия обобщенные, не связанные с конкретными личностями, например: «Наедине с тобою, брат, // Хотел бы я побыть...» (Лермонтов); «Друг мой, брат мой, усталый, страдающий брат...» (Надсон); название стихотворения «Брату Человеку» и строки из «Черного человека» Есенина: «Друг мой, друг мой, // Я очень и очень болен...» и т.д. Это давняя традиция русской поэзии, и не только русской.

Так, в 1846 году в переводе с немецкого в России был опубликован цикл из 15 стихотворений под общим заглавием «Гимны». Одно из них — «Тихо спи, измученный борьбою...» заканчивалось строфой:

До свиданья, брат, о, до свиданья!
Да, за гробом, за минутой тьмы,
Нам с тобой наступит час свиданья
И тебя в сияньи узрим мы!

Сравнив эту и первую строфу есенинского стихотворения, литературовед Омри Ронен заметил, что Есенин памятливо прочел немецкую масонскую похоронную песню (см. сб. «Пятые Тыняновские чтения». Рига, 1990, с. 24).

Есть основания полагать, что эту песню Есенин мог знать.

В 1916 году в Москве вышла книга «Стихотворения Аполлона Григорьева. Собрал и примечаниями снабдил Александр Блок». Том открывался большой статьей Блока «Судьба Аполлона Григорьева». Эта книга не могла пройти и не прошла мимо внимания Есенина, которому, по его словам, «часто приходилось встречаться с Блоком» («Автобиография», 1924).

Статья Блока заканчивалась такими строками: «Я приложил бы к описанию этой жизни картинку: сумерки;

крайняя деревенская изба одним подгнившим углом уходит в землю; на смятом жнивье — худая лошадь, хвост треплется по ветру; высоко из прясла торчит конец жерди; и все это величаво и торжественно до слез: это — наше, русское» (с. XI).

Спустя более восьми лет эта блоковская «картинка» нашла своеобразное продолжение в есенинской «Автобиографии» (1924), а также в стихотворении 1924 года «Этой грусти теперь не рассыпать...»:

> Покосившаяся избенка,
> Плач овцы, и вдали на ветру
> Машет тощим хвостом лошаденка,
> Заглядевшись в неласковый пруд.

Как пишет современный исследователь, «заражение» блоковско-григорьевской темой оказалось устойчивым, даже оставило свои следы в лирике Есенина навсегда» (Небольсин С. История двух совпадений.— Журн. «Литературная учеба», М., 1978, № 3, с. 226).

Видимо, как статью Блока, Есенин не забыл и стихи, вошедшие в книгу. И если в 1924 году он вернулся к блоковской «картинке», то в конце 1925 года могла всплыть в его памяти и заключительная строфа из немецкого похоронного гимна «До свиданья, брат, о, до свиданья...», переведенного Аполлоном Григорьевым.

Но от каких бы дальних или близких ассоциаций ни отталкивался Есенин, его стихотворение «До свиданья, друг мой, до свиданья...» было оригинальным, глубоко прочувствованным раздумьем о жизни и смерти...

Сразу же после первых публикаций стихотворение привлекло внимание широкой общественности, в том числе литературной. Воспринято оно было по-разному.

«...Какие чудесные, искренние и трогательные стихи написал он перед смертью <...>. Мы потеряли великого

русского поэта»,— сообщал Максим Горький о Есенине бельгийскому писателю Францу Элленсу (Переписка А.М.Горького с зарубежными литераторами. Архив А.М.Горького. Т. VIII. М., 1960, с. 99).

Вспоминая о трагических днях декабря 1925 года, В.В.Маяковский писал:

«Конец Есенина огорчил, огорчил обыкновенно, почеловечески. Но сразу этот конец показался совершенно естественным и логичным. Я узнал об этом ночью,— огорчение, должно быть, так бы и осталось огорчением, должно быть, и подрассеялось бы к утру, но утром газеты принесли предсмертные строки:

В этой жизни умирать не ново,
Но и жить, конечно, не новей.

После этих строк смерть Есенина стала литературным фактом.

Сразу стало ясно, скольких колеблющихся этот сильный стих, именно — *стих*, подведет под петлю или револьвер.

И никакими, никакими газетными анализами и статьями этот стих не аннулируешь.

С этим стихом можно и надо бороться стихом, и *только стихом.*

Так поэтам СССР был дан социальный заказ написать стихи о Есенине» (Маяковский В. Как делать стихи? — Полн. собр. соч. В 13-ти т. Т. 12. М., 1959, с. 95—96).

Выполняя этот «социальный заказ», сам Маяковский написал стихотворение «Сергею Есенину» (впервые опубликовано 16 апреля 1926 года в тифлисской газете «Заря Востока»). Свое стихотворение он закончил, говоря его словами, перефразировкой последних есенинских строчек:

В этой жизни
помереть
не трудно.
Сделать жизнь
значительно трудней.

Стихотворение Маяковского получило большой общественный резонанс, особенно среди молодежи.

Размышлениями о поэте и его стихотворении «До свиданья, друг мой, до свиданья..» начал Л.Д.Троцкий свое письмо «Памяти Сергея Есенина», оглашенное 18 января 1926 года на вечере во МХАТе: «Мы потеряли Есенина — такого прекрасного поэта, такого свежего, такого настоящего. И как трагически потеряли! Он ушел сам, кровью попрощавшись с необозначенным другом,— может быть, со всеми нами. Поразительны по нежности и мягкости эти его последние строки. Он ушел из жизни без крикливой обиды, без позы протеста,— не хлопнув дверью, а тихо призакрыв ее рукою, из которой сочилась кровь. В этом жесте поэтический и человеческий образ Есенина вспыхнул незабываемым прощальным светом» (Троцкий Л. Памяти Сергея Есенина.— Газ. «Правда», М., 1926, 19 янв., № 15).

Имея в виду заключительные строки есенинского стихотворения, А.Ревякин заявлял, что Есенин тянет людей «в болото пессимизма и заплесневевшей мути идеологии изживающих себя классов... Его расшибленность видна во всех его произведениях — вплоть до <...> записки, написанной кровью» (Чей поэт Сергей Есенин? М., 1926, с. 36).

Негативную оценку есенинскому предсмертному стихотворению дал А.Крученых: «Какое надругательство над жизнью! Какие неуклюжие слова! Какой Сологуб водил рукой Есенина?!..» (Гибель Есенина. На обл.: Драма Есенина. М., 1926, с. 10).

Тем не менее интерес к стихотворению был значителен. Об этом свидетельствуют многочисленные его перепечатки в периодике как в нашей стране, так и за рубежом. Например, газеты: «Известия», М., 1925, 31 дек.; «Сегодня», Рига, 1925, 31 дек.; «Парижский вестник», 1926, 6 янв.; «Последние известия», Ревель, 1926, 10 янв.; «Красный Алтай», Барнаул, 1926, 31 янв.; «Новое русское слово», Нью-Йорк, 1926, 31 янв.; «Тихоокеанская звезда», Хабаровск, 1926, 7 февр.; журналы: «Ледокол», Кострома, 1925, № 23/24 (вышел в янв. 1926 г.); Кр. нива, 1926, № 4, 24 янв.; в сб. «Памятка о Сергее Есенине», М., 1926 и т.д.

Стихотворение часто исполнялось на вечерах, посвященных памяти Сергея Есенина, в разных городах страны. Так, в отчете о вечере в Ростове-на-Дону, состоявшемся 2 февраля 1926 года, сообщалось о выступлении актрисы Алексеевой-Месхиевой. Когда она «читала предсмертное, кровью написанное есенинское стихотворение, весь зал поднялся и притаил дыхание..» (газ. «Молот», 1926, 3 февр.).

В 1927 году четыре строки есенинского стихотворения были использованы А.Н.Вертинским в романсе «Последнее письмо» («Письмо Есенина»). «От себя» Вертинский добавил восемь строк, и многие современники воспринимали весь романс как «полный» вариант стихотворения Есенина.

Приводим текст этого романса, впервые опубликованного в Париже в 1927 году (с нотами):

До свиданья, друг мой, до свиданья.
Мне так трудно жить среди людей.
Каждый шаг мой стерегут страданья.
В этой жизни счастья нет нигде.

До свиданья, догорели свечи...
Как мне страшно уходить во тьму!
Ждать всю жизнь и не дождаться встречи,
И остаться ночью одному.

До свиданья, без руки, без слова —
Так и проще будет и нежней...
В этой жизни умирать не ново,
Но и жить, конечно, не новей.

Вспоминая об одной из встреч с Ф.И.Шаляпиным, Вертинский писал: «...Федор Иванович бесцеремонно взял меня за руку и повел на эстраду. Что было делать? Пришлось петь. Первой песней моей было «Письмо Есенина» — «До свиданья, друг мой, до свиданья...», написанное в том же году. Шаляпин слушал и... вытирал слезы платком (клянусь вам, что это не актерское бахвальство, а чистая правда)» (Вертинский Александр. Юрий Морфесси.— А.Вертинский. За кулисами. М., 1991, с. 160).

Строки есенинского стихотворения «перепевались» и советскими поэтами того времени. Назовем Петра Орешина («Милый, ты назначил встречу...»), Бориса Кисина («Свою судьбу провидит каждый...»), Веру Звягинцеву («Сергею Есенину»), Дмитрия Покровского («До свиданья, друг мой, до свиданья...»)...

В период борьбы с так называемой «есенинщиной» заключительные строки стихотворения Есенина оценивались не иначе, как упадочные, выражающие «потерю всякого интереса к жизни, состояние полнейшего безразличия к ней, <...> сознание своей ненужности „в этой жизни"» (Сб. «Против упадочничества, против «есенинщины». М., 1926, с. 43—44).

С годами все больше открывалась философская суть стихотворения. Появились исследования, где эти строки рассматривались уже в контексте всего творчества Есенина.

СТИХИ НА СЛУЧАЙ
ЧАСТУШКИ

«„Пророк“ мой кончен, слава Богу...» (с. 247).— Газ. «Приокская правда», Рязань, 1967, 18 авг., № 194 (в статье Д.Коновалова «Новое о Сергее Есенине. Найдены неопубликованные письма поэта»).

Печатается по автографу в письме к М.П.Бальзамовой, датируется 1913 г. по почтовому штемпелю на конверте (ГМЗЕ, ОНФ, № 54/11).

Четверостишие представляет собой как бы авторское раздумье после завершения «Пророка», замысел которого восходит к августу 1912 года. «Благослови меня, мой друг, на благородный труд,— обращался тогда Есенин к Г.Панфилову.— Хочу писать «Пророка», в котором буду клеймить позором слепую, увязшую в пороках толпу <...>» — см. т. 6 наст. изд.

Второе упоминание о «Пророке» содержится в письме Есенина к М.П.Бальзамовой 1913 г. «Пишу много <...>. Начал драму «Пророк»,— сообщал поэт.— Читал ее у меня довольно образованный человек, кончивший университет историко-филологического факультета. Удивляется, откуда у меня такой талант, сулит надежды на славу...» (там же). Судя по последним фразам, драма, как называет автор свое произведение, была не только начата, но и в значительной степени написана. В письме, где содержится комментируемое четверостишие, Есенин указывает, что «Пророка» он «очень удачно <...> написал в экономическом отношении (черновик — 10 листов больших и 10 листов беловых написал)» и что «только уж очень резко <...> обличал пороки развратных людей мира сего» (там же).

Каких-либо других сведений о произведении Есенина «Пророк», кроме четверостишия и упоминаний в письмах, не найдено.

«Перо не быльница...» (с. 248).— Журн. «Нева», Л., 1967, № 7, с. 219 (в статье О.Точеного «Неизвестное стихотворение Сергея Есенина»).

Печатается и датируется по автографу, вписанному в «Альбом, принадлежащий Ф.Ф.Фидлеру, 1915—1916 гг., с автографами писателей начала XX века» (ГЛМ, ф. 240, РОФ 4173, л. 36). Под стихотворением — рукой Есенина: «В поминание Федору Федоровичу Фидлеру».

Фидлер Ф.Ф. (настоящее имя и отчество Фридрих Фридрихович; 1859—1917), поэт-переводчик, библиограф. Перевел на немецкий язык произведения Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Некрасова, Никитина.

С.А.Есенин и Н.А.Клюев 6 октября 1915 года были приглашены на обед к петроградскому литератору Александру Алексеевичу Измайлову (1873—1921), где присутствовал и Фидлер. «После обеда,— записал в своем дневнике Фидлер,— я позвал их к себе: 27-летний Ник<олай> Алексеев<ич> Клюев (в рубашке из цветного ситца <...>) и 20-летний Серг<ей> Александр<ович> Есенин (приятное мальчишеское лицо с доверчиво-наивными глазами из-под светлых курчавых волос)». — Цит. в переводе с немецкого К.Азадовского по его статье «Клюев и Есенин в октябре 1915 года (по материалам дневника Ф.Ф.Фидлера)».— Журн. «Cahiers du Monde russe et soviétique», Париж, 1985, т. 26(3—4), с. 417.

В этот же день поэты оставили записи в альбомах хозяина дома. Сохранилось письмо Есенина к Ф.Фидлеру (см. т. 6 наст. изд.).

«Любовь Столица, Любовь Столица...» (с. 249).— Журн. «Русская литература», Л., 1970, № 3, с. 159 (в статье А.П. Ломана и В.Ф.Земскова «Дарственные надписи С.А.Есенина (инскрипты)»).

Печатается по списку рукой неизвестного лица на листе бумаги со штампом: «Петроград, гостиница «Селект». Лиговская ул., д. 4» (собрание Я.С.Сидорина, хранится у наследников, Санкт-Петербург). Под четверостишием помета: «915 г. Сергей Есенин». В списке в ст. 4 к слову «зорьно» дан вариант «зорько».

Автограф неизвестен.

Датируется по помете в списке.

Столица Любовь Никитична (урожд. Ершова; 1884—1934), поэтесса и драматург, автор нескольких сборников стихотворений, поэм («Зоя и Авенир», «Лебединая Родина», «Голос незримого»), романа в стихах «Елена Деева», многих пьес («На весах судьбы», «Московские невесты», «Звезда от Востока», «Рогожская чаровница»...). Ею написан также ряд статей, в том числе о поэзии А.Блока, Н.Клюева.

В конце 1918 года Л.Столица с мужем и сыном уехала на юг страны, а в 1920 году эмигрировала. Умерла в Софии.

Строки из ее стихотворения «Казак» (1914) Есенин цитировал в статье «Ярославны плачут», опубликованной в феврале 1915 года (см. т. 5 наст. изд.).

Личное знакомство Есенина с Л.Н.Столицей состоялось, видимо, в начале 1915 года. В это время в Университете им. А.Л.Шанявского Есенин подружился с поэтом Д.Н.Семёновским. Позже Дмитрий Николаевич рассказывал, что они с Есениным «несколько раз бывали в салоне богатой москвички, пишущей стихи. Это была Любовь Столица». По словам Семёновского, «гостиная у нее была обставлена на боярский лад, а в углах стояли на подставках настоящие снопы с приставленными к ним цепами. У Столицы можно было не только послушать и почитать стихи, но и плотно закусить... Сергей Есенин охотно посещал такие вечера, но ничем не выделялся в среде начи-

нающих поэтов...» (Шошин Михаил. Фабрика за овином. Повесть и рассказы. М., 1977, с. 153).

Как вспоминала литератор и художница Н.А.Серпинская, в 1915—1916 гг. на квартире Л.Н.Столицы и ее мужа проводились литературные вечера под названием «Золотая гроздь». Среди гостей там бывали поэтессы Софья Парнок, Ада Чумаченко, актрисы Вера Юренева и Вера Холодная, писатели Николай Телешов и Николай Клюев, хирург Петр Герцен и член Государственной думы Михаил Новиков... «Хозяйка дома — хмельная и «дерзкая»,— пишет Серпинская,— с вакхическим выражением крупного лица с орлиным властным носом, с серыми пристальными глазами, в круглом декольте с красной розой, с античной перевязью на голове <«Она как демон, она как львица...»> с точки зрения комильфотной элегантности выглядела и держалась вульгарно, крикливо <...>. Вели себя все, начиная с хозяйки <...> — весело, шумно, непринужденно. Здесь все считали себя людьми одного круга, веселились и показывали таланты без задней мысли и конкуренции» (РГАЛИ, ф. 1463, оп. 1, ед. хр. 10, л. 167).

Заметим также, что образ главной героини романа в стихах Л.Столицы «Елена Деева», впервые опубликованного в 1915 году, отмечен автобиографическими чертами поэтессы. В частности, так обрисован один из ликов Елены: «...Горят // Виноградный рот пурпурный, // Водопадный яркий взгляд». Не близко ли это к тому, что сказал Есенин о самом авторе романа в двух последних строках своего четверостишия?

В конце сентября 1915 года, возвращаясь из Константинова в Петроград, Есенин побывал у Л.Столицы. В этот раз она подарила Есенину только что вышедшую тогда свою книгу «Русь» с теплой дарственной надписью. Известны несколько писем Есенина к поэтессе (см. т. 6 наст. изд.), есенинская частушка о ней (см. ниже).

Частушки (О поэтах) (с. 250).— 1—8: Г. тр. кр., М., 1918, 19 мая, № 127. В конце подборки — помета: «Записал С.Есенин»; 9, 10 — Мариенгоф Анатолий. Роман без вранья. Л., 1927, с. 96.

Восемь частушек из газеты печатаются по тексту этой публикации, 9—10 — по тексту книги А.Мариенгофа.

Автографы неизвестны.

Датируются приблизительно годами знакомства и наиболее частых встреч с поэтами, упоминаемыми в частушках.

Как свидетельствовали современники, Есенин знал множество частушек, любил их распевать. «Некоторые частушки, распеваемые им,— вспоминал И.В.Грузинов,— были плодом его творчества. Есенинские частушки большею частью сложены на случай, на злобу дня или направлены по адресу его знакомых: эти частушки его, как и многие народные частушки, имеют юмористический характер» (Восп., 1, 377).

Среди сочиненных Есениным частушек особым успехом пользовались четверостишия о поэтах. А.Б.Мариенгоф рассказывал:

«Один новый год мы встречали в Доме печати... Есенина упросили спеть его литературные частушки. Василий Каменский взялся подыгрывать на тальянке. Каменский уселся в кресло на эстраде. Есенин — у него на коленях.

Начали: <далее идут частушки о Блоке, Брюсове, Маяковском, Мариенгофе, Городецком>. И, хитро глянув на Каменского, прижавшись коварнейшим образом к его груди, запел во весь голос припасенную под конец частушку: «Квас сухарный, квас янтарный...».

Туго набитый живот зала затрясся от хохота. В руках растерявшегося Каменского поперхнулась гармошка» (Мариенгоф Анатолий. Роман без вранья. Л., 1927, с. 96).

Таня Ефименочка — Ефименко Татьяна Петровна (1890—1918), поэтесса, автор единственного сборника стихов «Жадное сердце» (Пг., 1916). Вместе с матерью была убита бандитами в своей усадьбе на Украине.

Маяковский бездарь ... обокрал Уитмана —

С творчеством Владимира Маяковского Есенин был хорошо знаком. Об этом, в частности, говорят упоминания поэта-футуриста в статье Есенина «Ключи Марии» (1918), в «Декларации имажинистов» (1919), в есенинском письме к Р.В.Иванову-Разумнику (1921).

Несколько поэтических сборников американского поэта и книга К.Чуковского о нем были в личной библиотеке Есенина (см.: Архипова Л. Что читал поэт.— Газ. «Приокская газета», Рязань, 1993, 8 мая, № 86). Известно также, что книжка «Пионеры» Уитмена и книжка Есенина «Исус Младенец» вышли в одном и том же издательстве артели художников «Сегодня» (Пг., 1918). Отзывы об этих книжках напечатаны в одной подборке в журнале «Наш путь» (Пг., 1918, № 2, май).

В предреволюционные годы некоторые русские футуристы находились под сильным влиянием поэтики американского «барда». Недаром, прочтя произведение одного из них, Валерий Брюсов воскликнул:

— Что же такое эти стихи, как не пересказ «своими словами» одной из поэм Уота Уитмана? (журн. «Русская мысль», Пг., 1913, № 3, март).

Как свидетельствовал Корней Чуковский, «самый талантливый и самобытный из русских футуристов Вл. Маяковский» в начале своей литературной работы также находился под влиянием поэзии Уитмена. Критик приводил примеры этого влияния. «Услыхав, что американский поэт так и озаглавил одну свою поэму «Уот Уитман»,— Маяковский зачеркнул на своей новой трагедии заглавие «Я»

и назвал ее «Владимир Маяковский»... Уитман в своей поэме с первых строк отмечает свой возраст:

Я тридцати семи лет, в полном здравьи
эту песню начинаю.

Маяковский поступает так же:

Иду красивый, двадцатидвухлетний.

Чуковский приводил и другие случаи близости стихов Маяковского (из поэм «Облако в штанах» и «Человек») со стихами Уитмена (см. статьи К.Чуковского в книгах У.Уитмена «Листья травы. Проза» (Пб., 1922), «Избранные стихотворения (М.; Л., 1932), «Избранные стихотворения и проза» (М., 1944).

В свете этого вряд ли надо удивляться есенинской частушке, сатирически заостренной.

Пляшет Брюсов ... не мышом, а крысиной... — В частушке «обыграны», возможно, стихотворения Валерия Брюсова «Летучая мышь» (1895), «Крысолов» (1904), «В полдень» («Свершилось! молодость окончена!..»; 1904).

«Не надо радости всем ласкостям дешевым...» (с. 252).— Хроника, 1, 90.

Автограф — в том же альбоме М.П.Мурашева, где вписано стихотворение «На память Мише Мурашеву». Под текстом: «Пасха. 1916 г. 10 апр., 12 1/2 ч. ночи. Сергей Есенин» (Архив М.П.Мурашева, хранится у наследников. Москва).

Печатается и датируется по автографу.

См. также коммент. в этом томе к стихотворениям «На память Мише Мурашеву» (с. 383) и «Дорогой дружище Миша...» (с. 383—384).

«Не стихов златая пена...» (с. 253).— Журн. «Молодая гвардия», М., 1975, № 8, авг., с. 211 (в статье В.Базанова «Неизвестные инскрипты Сергея Есенина», с неточностью).

Печатается по недатированному автографу (частное собрание, Москва).

Строки вписаны в сб. Ск-1 перед подборкой стихотворений Есенина под общим заголовком «Голубень». Обращены к Елене Станиславовне Пониковской, петроградской знакомой поэта.

Известны еще три дарственные надписи Есенина тому же лицу на сб. Ск-1 и Ск-2, судя по всему, сделанные одновременно. Под одной из них — в Ск-2 — помета: «Сергей Есенин. 1918». Экспромт датируется по этой помете.

Эти три надписи вместе с четвертой на кн. «Радуница» (Пг., 1916), датированной: «1917 г. 29 апр.», см. в т. 7 наст. изд.

Как должна рекомендоваться Марина (с. 254).— Газ. «Веч. Свердловск», 1959, 12 окт., № 241 (в статье В.Белоусова «Новые стихи Сергея Есенина»).

Печатается и датируется по беловому автографу (ИМЛИ).

Эти шуточные строки написаны для пятилетней девочки во время пребывания Есенина в профилактории имени Шумской (Москва, ул. Большая Полянка, 52). (См. воспоминания Ф.Гущина (Гутштейна) в Хронике, 2, 104—105).

«Если будешь...» (с. 255).— Хроника, 2, 139.

Печатается и датируется по автографу (РГАЛИ).

Автограф написан карандашом на небольшом листке тонкой бумаги, наклеенном на авантитуле книги Георгия Адамовича «Чистилище». Стихи. Пб., 1922. Ниже наклеен такой же листок с автографом (карандаш) Ивана Приблудного: «Едва ли, Сережа, // На эту похожа // Моя озорная стряпня. *Иван Приблудный*».

Не исключено, что оба текста не имеют отношения к книге Г.Адамовича и написаны по другому поводу.

Приблудный Иван (наст. фам. и имя: Овчаренко Яков Петрович; 1905—1937), молодой поэт, один из близких знакомых Есенина в последние годы его жизни.

«За все, что минуло...» (с. 256).— Радуница. Информационный сборник. № 2. М., 1990, с. 85 (в статье Ю.А.Паркаева «С любовью русской...»).

Печатается и датируется по автографу (частное собрание, Москва).

Сокол (Соколов Евгений Григорьевич; 1893—1938), поэт, прозаик, переводчик. Известны еще 9 адресованных ему дарственных надписей, сделанных Есениным (см. т. 7 наст. изд.).

«Эх, жизнь моя...» (с. 257).— Газ. «Ленинская правда», Чарджоу, 1962, 22 нояБр., № 139 — ст. 1—4 (в статье В.Белоусова «Экспромты Есенина»); полностью — журн. «Русская литература», Л., 1968, № 4, с. 156 (в статье Р.Б.Заборовой «Изучая рукописи Есенина»).

Печатается и датируется по автографу (РНБ).

Четверостишия написаны химическим карандашом. На полях листа наклеены контрамарка на вечер стихов С.Есенина 3 октября 1924 года в клубе имени Сабира, вырезка из афиши и счет бакинского отеля «Новая Европа» с указанием фамилии: «Галькевич».

Гольдшмит (Гольцшмидт) Владимир Робертович (1891?—1957) — «футурист жизни», поэт, гипнотизер, выступал на эстраде с силовыми номерами. Один из «шапочных знакомых» Есенина.

Галькевич — служащий бакинского отеля «Новая Европа».

Муран Константин Михайлович — журналист, поэт. В письме к Г.Бениславской от 12 мая 1925 года Есенин называет его своим «бакинским другом» (см. т. 6 наст. изд.).

«Милая Пераскева...» (с. 258).— Газ. «Веч. Москва», 1965, 2 окт., № 233 (в статье В.Белоусова «Стихи в начале пути. К 70-летию со дня рождения С.Есенина»; без строки: «Пьем всякую штуку» и с ошибочной датой); полностью — Хроника, 2, 306.

Печатается по беловому недатированному автографу (ИМЛИ).

Датируется по письму С.А.Есенина к П.М.Денисовой-Соколовой от 17 ноября 1924 г. и воспоминаниям художника К.А.Соколова.

Шуточные строки обращены к Параскеве Михайловне Денисовой-Соколовой (1895—1987), жене Константина Алексеевича Соколова (1887—1963). Знакомый Есенина с 1916 года, он осенью 1924 года приехал в Грузию писать пейзажи. «Я поведал Есенину о ссоре с женой,— вспоминал позже художник о появлении этих автографов.— В тифлисской гостинице он написал Парасковье Михайловне письмо и стихи. Все это было одновременно отослано мной тетке, а та уже передала адресату» (Хроника, 2, 306).

Известна также дарственная надпись Есенина Параскеве Михайловне на фотографии 1924 года, где поэт снялся вместе с К.А.Соколовым (см. т. 7 наст. изд.).

Клавдии Александровне Любимовой («Из всякого сердца вынется...») (с. 259).— Газ. «Сов. Россия», М., 1990, 3 окт., № 228 (в статье Т.Флор-Есениной «Был всегда неожиданным. Новые штрихи к портрету Сергея Есенина»).

Печатается по беловому недатированному автографу (ИРЛИ).

Автограф передан в ИРЛИ членами семьи Любимовых, которые встречались с Есениным осенью 1924 года в Тифлисе. В связи с этим датируется 1924 годом.

Шуточные строки обращены к дочери художника Александра Михайловича Любимова (1879—1955), сотрудника тифлисской газеты «Заря Востока».

«Калитка моя...» (с. 260).— Журн. «В мире книг», М., 1970, № 9, с. 41—42 (в статье В. и А.Терновских «Что сохранили память и перо»).

Печатается по фотокопии чернового автографа (собрание С.Ф.Антонова, хранится у наследников. Москва). Автограф написан на бланке «Служебной записки» с типографским штампом Государственного издательства РСФСР. Под текстом стихотворения помета рукой неустановленного лица: «Перепевы о Ив. Доронине». Местонахождение автографа в настоящее время неизвестно.

Датируется годом выхода книги И.И.Доронина «Гранитный луг», а также временем встреч с артистом МХАТ—2 В.П.Яблонским, в архиве которого первоначально находился автограф стихотворения.

Видимо, это набросок стихотворения, пародирующего некоторые черты поэзии Ивана Ивановича Доронина (1900—1978).

Известна дарственная надпись Есенина И.И.Доронину на кн. «Березовый ситец», М., 1925 (см. т. 7 наст. издания).

«Никогда я не забуду ночи...» (с. 261).— Журн. «Вопросы литературы», М., 1976, № 8, авг., с. 242 (в статье В.Вдовина «Факты — вещь упрямая»).

Печатается и датируется по беловому автографу (ГМТ, ф. С.А.Толстой-Есениной).

Строки обращены к Софье Андреевне Толстой (впоследствии жене Есенина; 1900—1957) и были вписаны в ее альбом вскоре после их знакомства.

Ванька и Иван — имеется в виду Иван Приблудный — см. коммент. к стихотворению «Если будешь...» (с. 463—464).

«Пускай я порою от спирта вымок...» (с. 262).— Журн. «Лит. Азербайджан», Баку, 1959, № 10, окт., с. 99 (в статье С.Турабова «Есенин в Азербайджане», с неточностью).

Печатается и датируется по фотокопии автографа, помещенного на обороте групповой фотографии членов кружка рабочих писателей и поэтов при газете «Бакинский рабочий» (собрание Ю.Л.Прокушева). В нескольких занятиях этого кружка участвовал Сергей Есенин.

Строки обращены к журналисту Евсею Ароновичу Гурвичу (1885—1971), сотруднику бакинской газеты «Труд», руководителю литературного кружка. У него же хранилась фотография с автографом. Местонахождение оригинала в настоящее время неизвестно.

Е.А.Гурвич рассказывал: «...Я предложил Есенину сняться с членами кружка. Он охотно согласился. Через несколько дней я получил карточки и раздал их. После занятий ко мне подошел Есенин, забрал у меня карточку и удалился в кабинет редактора Чагина. Вскоре вышел и молча вернул мне карточку, а сам ушел. Я случайно перевернул снимок и увидел там написанные Есениным стихи...» (Гурвич Евсей. Есенин в Баку. Воспоминания.— Газ. «Баку», 1965, 2 окт., № 233).

Фришберг Владимир Львович — журналист, управляющий конторы при редакции газеты «Бакинский рабочий».

«Самые лучшие минуты...» (с. 263).— Сергей Есенин. Собр. соч. В 5-ти т. Т. 5, М., 1962, с. 254.

Печатается и датируется по автографу на кн.: «Березовый ситец», М., 1925 (собрание А.П.Трунова. Москва). Под четверостишием подпись автора: «Сергей».

Строки обращены к писательнице и издательскому работнику Анне Абрамовне *Берзинь* (1897—1961).

Письма Есенина к А.А. Берзинь и коммент. к ним см. в т. 6 наст. изд.

«Милый Вова...» (с. 264).— Вольф Эрлих. Право на песнь. Л., 1930, с. 30.

Автограф — приписка к письму С.А.Толстой В.И.Эрлиху на обороте почтовой карточки, посланной 26 июля 1925 года, из Ростова-на-Дону (вокзал) в Ульяновск.

Печатается по автографу. Датируется по помете в письме С.А.Толстой (ИРЛИ, ф. В.И.Эрлиха).

Письма, записки, телеграммы Есенина В.Эрлиху и коммент. к ним см. в т. 6 наст. изд.

О В.Эрлихе см. также коммент. к стихотворению «До свиданья, друг мой, до свиданья...» в наст. томе (с. 445—450).

«Пил я водку, пил я виски...» (с. 265).— Журн. «Новый мир», М., 1978, № 6, июнь, с. 20 (в книге Валентина Катаева «Алмазный мой венец»; воспроизведено по памяти, с неточностями). Точный текст: журн. «Урал», Свердловск, 1985, № 9, с. 159 (в статье Г.Бебутова «Полгода творческого взлета. К 90-летию со дня рождения С.А.Есенина»).

В РГАЛИ (ф. Г.В.Бебутова) находятся 6 листов, обозначенных: «С.А.Есенин и В.П.Катаев». Из них 1-й лист (обложка журн. «Современник», 1925) содержит автограф экспромта Есенина, 6-й лист — сонет Катаева с пометой: «Ранняя осень 1925 года» и (на обороте) пояснение к истории появления обоих экспромтов. На остальных листах — фрагменты сонета Катаева и другие записи.

Печатается по автографу.

Датируется по помете В.Катаева.

Экспромт С.Есенина написан в Москве в шуточном стихотворном соревновании между тремя поэтами: С.Есениным, В.Катаевым, Э.Багрицким. Об этом эпизоде В.Катаев упомянул в книге «Алмазный мой венец».

В связи с первым двустишием есенинского экспромта Катаев заметил: «Есенин допустил явную описку, написав «Быстрицкий» вместо «Багрицкий», т.к. стихи сочинялись

на конкурс со мной и Багрицким, с которым я только что познакомил Есенина».

Текст сонета Э.Багрицкого неизвестен, не запомнил его и Катаев. Автограф сонета самого Катаева сохранился и впервые воспроизводится ниже:

Разговор с Пушкиным

Когда закат пивною жижей вспенен
И денег нету больше ни шиша,
Мой милый друг, полна моя душа
Любви к тебе, пленительный Есенин.

Сонет, как жизнь, суров и неизменен,
Нельзя прожить, сонетов не пиша.
И наша жизнь тепла и хороша,
И груз души, как бремя звезд — бесценен.

Нам не поверили в пивной в кредит,
Но этот вздор нам вовсе не вредит.
Доверье... Пиво... Жалкие игрушки.

Сам Пушкин нас благословляет днесь:
Сергей и Валентин и Эдуард — вы здесь?
— Мы здесь! — Привет. Я с вами вечно.
Пушкин.

О подробностях чтения стихов Э.Багрицким и В.Катаевым ни «Алмазный мой венец», ни архивные пояснения ничего не сообщают. А о том, как Есенин произнес заключительные строки своего экспромта, в книге В.Катаева сказано:

«При последних словах он встал со слезами на голубых глазах, показал рукой на склоненную голову Пушкина и поклонился ему низким русским поклоном».

Неправильное написание Есениным фамилии Багрицкого, возможно, связано с фамилией Юрия Быстрицкого, героя книги А.Ветлугина «Записки мерзавца» (Берлин, 1922), посвященной «Сергею Есенину и Александру Кусикову».

«И так всегда. За пьяною пирушкой...» (с. 266).— Газ. «Ленинская правда», Чарджоу, 1962, 22 ноября, № 139 — ст. 1—4 (в статье В.Белоусова «Экспромты Есенина»); полностью — газ. «Веч. Москва», 1965, 2 окт., № 233 (в статье того же автора «Стихи в начале пути»). Обе публикации с неточностью.

Печатается по списку рукой С.А.Толстой-Есениной (ГЛМ).

Под стихотворением — примечание рукой С.А.Толстой-Есениной: «Записано мною за Сергеем, когда он на рассвете проснулся и в полубреду стал читать стихи. Он не знал, что я записываю. X 1925. С.Е.».

Датируется по этому примечанию.

ОТРЫВКИ. НЕОКОНЧЕННОЕ

«Ты на молитву мне ответь...» (с. 269).— Газ. «Чарджоуская правда», 1959, 25 июля, № 147 (в статье В.Белоусова «У истоков творчества»).

Печатается и датируется по письму Есенина к Г.А.Панфилову, лето 1911 г. (РГБ).

Четверостишие представляет собою отрывок из ненайденного стихотворения «Душою юного поэта».

В письме Есенин обращался к другу: «Дай мне, пожалуйста, адрес от какой-либо газеты и посоветуй, куда посылать стихи. Я уже их списал. Некоторые уничтожил, некоторые переправил. Так, например, в стихотворении «Душою юного поэта» последнюю строфу заменил так: <далее идет текст четверостишия>» (см. т. 6 наст. изд.).

И.Д.Рудинскому по поводу посещения им нашей школы 17-го ноября 1911 г. (с. 270).— Газ. «Молодой сталинец», Тбилиси, 1959, 15 авг., № 97 (в статье В.Белоусова «Труд смолоду. Новое о Сергее Есенине»).

Печатается и датируется по автографу (ИМЛИ).

Текст представляет собою начальные строки еще одного стихотворения, связанного с ревизией Спас-Клепиковской второклассной школы епархиальным наблюдателем (см. стихотворение «И.Д.Рудинскому» и коммент. к нему в наст. томе — с. 9 и 339).

«Кто скажет и откроет мне...» (с. 271).— Газ. «Ленинская правда», Чарджоу, 1961, 2 дек. № 144 (в статье В.Белоусова «Ранние стихи Есенина»).

Печатается и датируется по письму к Г.А.Панфилову 1913 г. (РГБ).

Отрывок из стихотворения «Смерть», полный текст которого неизвестен (см. письмо к Г.А.Панфилову и коммент. к нему в 6 т. наст. изд.).

«Холодней, чем у сколотой проруби...» (с. 272).— Газ. «Волжская коммуна», Куйбышев, 1957, 29 сент., № 239 (факсимиле автографа в заметке С.Щербаковой «Неизвестный автограф Сергея Есенина»).

Печатается по факсимиле в первой публикации. Автограф находился в записной книжке Антонины Михайловны Вощакиной. В настоящее время местонахождение книжки с автографом неизвестно.

«А.М.Вощакина училась на первом курсе педагогического института в Петрограде,— говорилось в заметке.— В институте был организован литературный кружок, которым руководил профессор П.Н.Сакулин. На собрания кружка часто приглашались знаменитые в Петрограде поэты и писатели. Однажды профессор Сакулин объявил, что в следующее занятие кружок посетит молодой, начинающий поэт Сергей Есенин. Имя Есенина было тогда

знакомо не всем членам кружка <...>. Он пришел вместе с поэтом Николаем Клюевым. А.М. точно помнит, как был одет поэт: синяя поддевка, косоворотка голубого цвета, хорошо идущая к его большим выразительным глазам, шаровары и сапоги. Среднего роста, стройный, с копной золотистых русых волос, подстриженных по-крестьянски, «в скобку», он был обаятелен.

Весь вечер Есенин и Клюев читали стихи.

Занятия кружка заканчивались традиционной «чашкой чая». На этот раз за чаем присутствовал Сергей Есенин. Кружковцы протягивали ему блокноты, тетради и он охотно вписывал в них свои стихи».

Так в руках Есенина оказалась небольшая записная книжка А.М.Вощакиной. Четким красивым почерком поэт написал в ней: «Холодней, чем у сколотой проруби <и т.д.>».

Датируется временем посещения Есениным Императорского женского педагогического института и его выступления на собрании литературного кружка — 10 февраля 1916 года. Эта дата обозначена на извещении о собрании кружка (ГЛМ).

Как сообщалось в заметке «Волжской коммуны», А.М.Вощакина предполагала, что четверостишие — строфа из написанного в ранние годы, но не напечатанного стихотворения.

Судя по стилю, по «походке стиха», эта строфа представляет собою скорее всего отрывок из стихотворения 1915—1916 годов.

«Не пора ль перед новым Посемьем...» (с. 273).— Сергей Есенин. Собр. соч. В 5-ти т. Т. 5, М., 1962, с. 246.

Печатается по списку З.Н.Райх (с уточнениями).

Датируется по ее помете: «Под диктовку Сергея Есенина записано в ноябре 1917 года З.Есениной» (РГАЛИ).

Стихотворение представляет собою единственный фрагмент, вероятно, незаконченного произведения. Авторы статьи «К интерпретации стихотворного текста Есенина «Не пора ль перед новым посемьем...» А.М.Панченко, И.П.Смирнов относят его к «незавершенному опыту вольного переложения «Слова о полку Игореве» в диалектных терминах» (журн. «Русская литература», Л., 1971, № 4, с. 148). Действительно, поэтика есенинского отрывка весьма близка к поэтике «Слова о полку Игореве». Зачин («Не пора ль...»), ораторская интонация первой половины фрагмента, строка: «Что шумит, что звенит за курганом...», характер образности, лексика (Каяла, аксамитник), ощущение пространства, напряженность речи — все это восходит к произведению древнерусской литературы. Тем не менее считать есенинский отрывок только «опытом вольного переложения «Слова...», на наш взгляд, вряд ли правомерно. Как известно, фрагмент продиктован в ноябре 1917 года, в период работы поэта над «Преображением» — поэмой, полной ощущения происходящих социальных потрясений. Надо полагать, с обстановкой тех дней и связано прежде всего содержание фрагмента.

Посемье — от слова Семь (т.е. река Сейм), упоминаемое в Ипатьевской летописи — общее название земель с поселениями трех русских княжеств — Черниговского, Новгород-Северского и Путивльского.

В связи с этим слово Посемье следует писать с прописной буквы, а не со строчной, как это было принято ранее. Здесь слово Посемье надо понимать как метафору объединения всех русских земель.

Каяла — название точно не установленной реки, упоминаемое шесть раз в «Слове о полку Игореве». На ее берегах в 1185 году в сражении с половцами русские дружины потерпели поражение. Здесь Каяла — метафора всего «Слова...»

Сухояловый омеж — долго не бывший в употреблении лемех (сошник). Ср. в «Преображении»: «Рушит скалы златоклыкий // Омеж».

Скряньте настно белесые обжи — т.е. сдвиньте смело рукоятки сохи.

Оборатуйте кодолом Карну — в записи: Каму. Вероятно, в списке ошибка. Карна в «Слове...» — вопленница, жрица смерти. В этом случае строку можно прочитать так: охватите (одолейте) железными путами жрицу смерти.

Что от нудыша мутит осоку — в записи слово Нудыш дано с заглавной буквы. Вероятно, это неточность. У Есенина в «Сказании о Евпатии Коловрате»: «Отворялась Божья гридница // Косятым окном по нудышу...», т.е. от нужды, вынужденно, поневоле.

Аксамитник, аксамит — старинный плотный узорный бархат.

Сукрой — здесь: срезанный пласт земли.

Оторочилось синее небо — т.е. потемнело по краям синее небо.

«При луне хороша одна...» (с. 274).— Сергей Есенин. Собр. соч. В 5-ти т. Т. 5, М., 1962, с. 246.

Печатается по беловому недатированному автографу (РГАЛИ). Автограф написан по старой орфографии, на основании чего датируется: до 1919 года.

Четверостишие, возможно,— отрывок (начальная строфа?) из неизвестного стихотворения.

«Вот они, толстые ляжки...» (с. 275).— Газ. «Красный Дон», Новочеркасск, 1920, 27 июля, № 153 (в статье Молотобойца «Шарлатаны? Сумасшедшие?» с разночтениями в 1-й строке («Вот эти голые ляжки...») и в 3-й строке («Где по ночам монашки...»).

Печатается по недатированному черновому автографу (ИМЛИ).

Четверостишие с вариантами и написанные под ним отдельные слова и строки (в большинстве зачеркнутые) помещены на листе с обгорелыми краями (лист обгорел во время пожара в с. Константинове в 1929 г.). Вверху листа — слова: «Телец», ниже — «Есенин».

Хранится в ИМЛИ и другой обгорелый лист, где рукой Есенина сделана запись, явно относящаяся к этому четверостишию. Запись имеет такой вид:

Телец
Голос
Есенин
[Мариенгоф]
1. Золо [вор] [голос]
2. Красят стену
3. Утро в монастыре
4. Смывают
Голос

Можно предположить: записи как на первом, так и на втором листах связаны с замыслом неосуществленного произведения.

Датируется по заметке в «Известиях ВЦИК..» (см. ниже).

Иван Старцев вспоминал об одном из своих посещений Есенина в Богословском переулке: «Усадил меня обедать и начал рассказывать, как они ночью переименовывали в свои имена улицы и раскрасили ночью стены Страстного монастыря, на которых Есенин намалевал: «Вот они, толстые ляжки... <и т.д.>». Переполох в монастыре, усердное отмывание на следующий день монастырских стен от имажинистской нечисти и чуть ли не крестный ход...» (Старцев Иван. Мои встречи с Есениным.— Сб.

«Сергей Александрович Есенин. Воспоминания». М.— Л., 1926, с. 64).

О происшествии у стен Страстного монастыря (ныне на его месте стоит кинотеатр «Россия») газета «Известия ВЦИК...» 31 мая 1919 года в заметке «Художники» писала:

«Модным лозунгом дня стало вынесение искусства на площадь и художественное преобразование жизни нашей улицы.

Весьма характерно поняли этот лозунг имажинисты. Они попросту проповедуют в искусстве то, что принято называть «уличным», «площадным» и т.п. (брань, цинизм, хулиганство, некультурность...), и свое «искусство» в этой области выносят на заборы и стены домов Москвы.

28-го мая, утром, на стенах Страстного монастыря объявились глазам москвичей новые письмена «веселого» содержания: «Господи, отелись!», «Граждане, белье исподнее меняйте!» и т.п.— за подписью группы имажинистов.

В толпе собравшейся публики поднялось справедливое возмущение, принимавшее благоприятную форму для погромной агитации...

Действительно, подобной стенной поэзии допускать нельзя. Придется серьезными мерами охранять Москву от уличного озорства этого нового типа веселой молодежи».

В автобиографии «Сергей Есенин», помеченной «1922 г. 14 мая, Берлин» отмечалось: «В России, когда там не было бумаги, я печатал свои стихи вместе с Кусиковым и Мариенгофом на стенах Страстного монастыря или читал просто где-нибудь на бульваре».

В другой «Автобиографии» <1923> Есенин, говоря об имажинистах, замечал: «Мы переименовывали улицы в свои имена и раскрасили Страстной монастырь в слова своих стихов».

По свидетельству М.Д.Ройзмана, на литературном вечере в Клубе поэтов (весна 1925 года) Есенина спросили:

— Вы же классик. Зачем же писали страшное четверостишие на стене монастыря?

Поэт с улыбкой ответил:

— Год-то какой был. Монастыри ударились в контрреволюцию. Конечно, я озорничал. Зато Страстной монастырь притих... (Ройзман Матвей. Все, что помню о Есенине. М., 1973, с. 56).

И.Г.Эренбург вспоминал об одной из встреч с Есениным. Поэт тогда говорил: «Искусство вдохновляет жизнь, оно не может раствориться в жизни. Конечно, он, Есенин, писал похабные стихи на стенах Страстного монастыря, но это — озорство, а не программа» (Эренбург Илья. Собр. соч. В 9-ти т. Т. 8. М., 1966, с. 362).

«Возлюбленную злобу настежь...» (с. 276).— Журн. «Отклики», Ревель, 1921, № 2, 23 марта, с. 3.

Печатается по тексту журнала.

Автограф неизвестен.

Эти два четверостишия Есенина помещены в подборке под названием «Перлы Совдеповской поэзии (Отрывки 1917—1919 гг.)» вместе со стихотворениями Василия Каменского («Помещик упрощенный»), Вадима Шершеневича («Вам жутко? Из-под кровати...»), Иеронима Ясинского (из сб. «Воскреснувшие сны», 1919) и Василия Князева (из «Красного Евангелия», 1918).

Датируется с учетом пометы в названии журнальной подборки, года возникновения группы имажинистов, а также с учетом своеобразного стиля четверостиший.

«Не жалею вязи дней прошедших...» (с. 277).— Сб. «Воспоминания о Сергее Есенине». М., 1965, с. 428 (в очерке А.Ф.Кулёмкина «Есенин и студенты»).

Печатается по тексту первой публикации.

Датируется по свидетельству А.Ф.Кулёмкина. «Сентябрь 1925 года,— вспоминал он.— Шли мимо, от Кудринской к Арбату, и «на огонек» зашли ко мне Сергей Есенин, Петр Орешин, Василий Наседкин и Иван Приблудный. Читали стихи, читали возбужденно и вразнобой <...>. Я показал Сергею Александровичу свой альбом и он без особой просьбы написал четверостишие...» (Указ. сб., с. 428).

Местонахождение альбома с автографом Есенина в настоящее время неизвестно. О А.Ф.Кулёмкине см. коммент. к стихотворению «Папиросники» в наст. томе (с. 414—415).

Синий день. День такой синий.

I. «Ты ведь видишь, что ночь хорошая...» (с. 278);

II. «Сани. Сани. Конский бег...» (с. 279);

III. «Ты ведь видишь, что небо серое...» (с. 280).— Журн. «Новый мир», 1959, № 12, дек., с. 272 (в статье С.Масчан «Из архива С.Есенина», без общего заглавия и эпиграфа).

Печатается по списку рукой С.А.Толстой-Есениной (ГЛМ).

Датируется по свидетельству С.А.Толстой-Есениной.

В списке после III стихотворения указано: «Написано в тот же раз, что и I и II. *С.Е.*». А на странице, где помещено стихотворение II, ее же рукой помечено: «Все эти стихи записаны мною за Сергеем в туманный октябрьский рассвет. Он проснулся, сел на кровати и стал читать стихи. Не видел, что я пишу. После я сказала, он просил их уничтожить. *С.Е.*».

«Конечно, эти стихи,— писала в своей статье С.Масчан,— нельзя считать даже наброском какого-то целостного произведения, но они представляют безусловный интерес. В этих отдельных, часто несвязанных поэтических строках возникают есенинские образы, краски, музыка его стиха» (там же).

«Буря воет, буря злится...» (с. 282).— Наседкин В. Последний год Есенина (Из воспоминаний). М., 1927, с. 45 — ст. 1—3; полностью (сохранившиеся строки) — Сергей Есенин. Собр. соч. В 5-ти т. Т. 3, М., 1962, с. 249—250.

Печатается и датируется по рукописи «Комментария» (ГЛМ).

В.Ф.Наседкин, который беседовал с Есениным 20 декабря в клинике, вспоминал: «За вечер Есенин дважды читал мне три новых стихотворения. Одно, если не изменяет память, начинавшееся со строк «Буря воет, буря злится...» <далее приводится еще две строки>, поразило меня своей редкой силой выразительности и образности. Под свежим впечатлением оно показалось мне лучшим из всего, написанного им за этот год» (Восп., 2, 312).

С.А.Толстая-Есенина, рассказав о двенадцати стихотворениях Есенина, помеченных осенью 1925 года и посвященных русской зимней природе, сообщала: «Были еще стихотворения с зимним пейзажем, написанные 17—20 декабря 1925 года в последние дни пребывания Есенина в клинике. Они не дошли до нас полностью, т.к., продолжая работать над ними, Есенин оставил автографы у себя и увез их в Ленинград. Куда они исчезли после его смерти, нам неизвестно. В памяти слышавших эти стихи от Есенина сохранились отдельные строки: «Буря воет, буря злится...» <и т.д.>.

Дальше поэт вспоминает свою жизнь.

В последней строфе березки на поляне танцуют вальс. Этой строфой начиналось другое «зимнее» стихотворение, написанное перед тем, которое мы цитируем. Этим стихотворением Есенин, по его словам, пожертвовал для того, чтобы воспользоваться строфой как концом для нового стихотворения» (Восп., 2, 262—263).

КОЛЛЕКТИВНОЕ

Кантата (с. 285).— Газ. «Воля и думы железнодорожника», М., 1918, 26 окт., № 72; журн. «Зарево заводов», Самара, 1919, № 1, янв., с. 24—25.

Список рукой М.П.Герасимова. Дата: «Осень 1918» (список сделан для музея Есенина в 1926—1927 годах с текста в «Зареве заводов» с уточнением в 1-й строке: вместо *кровавой* — *кровавый* и указанием даты).

Печатается по тексту «Зарева заводов».

Датируется по помете в списке рукой М.П.Герасимова (ИМЛИ).

Первая публикация «Кантаты» была анонимной и начиналась небольшим предисловием под заголовком «Открытие мемориальной доски»: «Во время октябрьских торжеств на могиле жертв революции будет открыта мемориальная доска скульптора Каменского <был принят проект С.Т.Коненкова>. Для открытия мемориальной доски выработана следующая кантата... <далее воспроизводится текст всех трех частей произведения>».

Вторая публикация сопровождалась редакционным примечанием: «Написана коллективно тремя поэтами: М.Герасимовым, Сергеем Есениным, Сергеем Клычковым для кремлевской доски скульптора Коненкова, павшим за свободу». Коллективность, видимо, надо понимать как совместное обсуждение поэтами тематической направленности и редактуры всей кантаты, хотя у каждой ее части был автор.

На принадлежность Есенину второй части кантаты указал И.В.Евдокимов в примечании к 4 тому Собр. ст. Есенина «Стихи и проза» (1927), с. 427. Есть основания полагать, что автором первой части кантаты был М.П.Герасимов, а третьей — С.А.Клычков. Об этом, в частно-

сти, говорят последовательность фамилий авторов «Кантаты» в примечании редакции «Зарева заводов» (главный редактор журнала — М.П.Герасимов) и повторенная в «Кантате» часть строки из стихотворения М.Герасимова «Аллюминий» («Сквозь туман кровавый») — см.: Герасимов М. Завод весенний. М., 1919, с. 83.

Первая, газетная, публикация кантаты по сравнению со второй, журнальной, имеет разночтения во всех частях произведения.

Приводим полный текст кантаты, напечатанный в газете:

I

Сквозь туман кровавой смерти,
Чрез страданья и печаль
Мы пробьемся, знайте, верьте,
В золотую высь и даль.

Всех, кто был вчера обижен,
Обойден лихой судьбой,
С дымных фабрик, черных хижин
Мы скликаем в светлый бой.

Пусть последней будет данью
Наша жизнь и тяжкий труд,
Все мы знаем: там, за гранью,
Зори новые цветут.

2

Спите, любимые братья,
Снова родная земля
Неколебимые рати
Движет под стены Кремля.

Новое в мире зачатье
В зареве красных зарниц.
Спите, любимые братья,
В славе нетленных гробниц.

Солнце златою печатью
Стражем стоит у ворот.
Спите, любимые братья,
Мимо вас двинется ратью
К зорям вселенским народ.

3

Сойди с креста, народ распятый,
Преобразись, рабочих рать.
Врагу грозит судьба расплаты,
Грозит насилье покарать.

В бою последнем нет пощады,
Но там, за гранями побед,
Мы всех принять в объятья рады,
Простив неволю долгих лет.

Реви, земля, последней бурей,
Сзывай на бой, скликай на пир,
Пусть светит новый день в лазури,
Преображая старый мир.

«К первой годовщине Октябрьской революции,— рассказывал С.Т.Коненков,— было решено установить обелиск на Кремлевской стене в память о героях революции, павших в боях за свободу. Московский Совет объявил конкурс. По конкурсу прошел мой проект, и мне было поручено сделать мемориальную доску-надгробие. Я приступил к работе. Времени было мало. В мастерской в те годы у меня бывали Клычков и Есенин. Как-то в разгово-

ре с ними я сказал, что хорошо бы написать стихи для торжественного открытия мемориальной доски. Они живо и охотно откликнулись на мое предложение. К ним подключился и поэт Михаил Герасимов, с которым в то время Есенин был близок. Композитор Иван Николаевич Шведов (1895—1921) написал на стихи Есенина, Клычкова и Герасимова музыку. Так появилась «Кантата». На торжественном митинге, посвященном открытию мемориальной доски, который состоялся в первую годовщину Октября, оркестр и хор исполнили «Кантату». На митинге выступал Владимир Ильич Ленин...»

На вопрос, были ли на митинге Есенин, Клычков и Герасимов, С.Т.Коненков ответил: «Скорее всего были. Я помню, что домой с митинга мы шли все вместе. Были с нами и Клычков и Есенин» (Прокушев Юрий. Сергей Есенин в 1918 году.— Альм. «Прометей». Т. 4, М., 1967, с. 317—318).

Добавим, что «Кантату» после речи В.И.Ленина исполнил сводный хор, состоявший в основном из молодых рабочих-студийцев Пролеткульта под руководством дирижера-педагога Г.П.Любимова (псевд.; наст. фам. и имя Караулов Модест Николаевич; 1882—1934).

В 1948 году, когда сделали проход из Кремля в Мавзолей В.И.Ленина через Сенатскую башню, мемориальная доска была снята со стены и отправлена в Ленинград, в Государственный Русский музей. В 1961 году под наблюдением С.Т.Коненкова доску отреставрировали.

При жизни Есенина была еще одна публикация «Кантаты»: Львов-Рогачевский В. Революционные мотивы в русской поэзии. Тула, 1921, с. 210.

Знаменательно, что в самый трудный период борьбы с немецко-фашистскими захватчиками есенинская часть «Кантаты» была напечатана в сборнике «Гражданская и Отечественная война в поэзии», выпущенном в 1942 году Кировским издательством.

«Во время составления «Собрания» у Есенина этого стихотворения не было» (Комментарий — ГЛМ).

Приложения

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

СТРОКИ, ЗАПИСАННЫЕ СОВРЕМЕННИКАМИ

* * *

Щука в рака вцепилась —
На нем кататься училась.

<1906—1907>

* * *

Есть в селе-то у нас барин
По фамилии Кулак,
Попечитель нашей школы,
По прозванию дурак.

<1907—1908>

* * *

Милый друг, не рыдай,
Не роняй слез из глаз
И душой не страдай:
Близок счастья тот час...

<1907—1908>

* * *

Белогривый поп Гаврила
Мотьку в зубы целовал.
Попадья его бранила,
А он, леший, приставал...

<1910—1911>

* * *

Я слыхал про вас премного,
Ужаснулся от того,
Вы жену забыли скоро,
Да, я знаю кой-чего!

Вы совсем ее забыли,
Перестав ее любить.
А какой вы прежде были,
Перестаньте так-то жить?

Вы, играя в карты страшно,
Проиграетесь ужасно,
И костюм, жилет прекрасный
Полетят тогда в кабак.

<1911>

* * *

Прощай, Зарайск! Я уезжаю!
Увидел я твою красу.
И в памяти своей надолго сохраню
Твоих друзей, поля, Осетр-реку.

<1912>

ГУСИ

Бай, бай, детка,
Спи, спи крепко.
Пошли, гуси, вон, вон,
Детка любит сон, сон...

<1912—1913>

* * *

Сардановский с Сергеем Есениным,
Тут же Рович Костюшка ухватистый
По ту сторону в луг овесененный
Без ладьи вышли на берег скатистый.

То не легкие кречеты к небу вспарили,
Улетая от душного, пыльного поля,
На второй день Казанской Оку переплыли
Рабы Божии Костя, Сережа и Коля.

Когда придет к нам радость, слава ли,
Мы не должны забыть тот день,
Как чрез реку Оку мы плавали,
Когда не ... еще олень.

<1914>

* * *

Н.А.Сардановскому

Упоенье — яд отравы,
Не живи среди людей,
Не меняй свои забавы
На красу бесцветных дней.

Все пройдет, и жизни холод
Сердце чуткое сожмет,
Все, чем жил, когда был молод,
Глупой шуткой назовет.

Берегись дыханья розы,
Не тревожь ее кусты.
Что любовь? Пустые грезы,
Бред несбыточной мечты.

1914

МИНЕ

От берегов, где просинь
Душистей, чем вода.
Я двадцать третью осень
Пришел встречать сюда.

Я вижу сонмы ликов
И смех их за вином,
Но журавлиных криков
Не слышу за окном.

О, радостная Мина,
Я так же, как и ты,
Влюблен в мои долины <?>
Как в детские мечты.

Но тяжелее чарку
Я подношу к губам,
Как нищий злато в сумку,
С слезою пополам.

<1917>

* * *

Пусть хлябь разверзнулась!
Гром — пусть!
В душе звенит святая Русь,
И небом лающий Коненков
Сквозь звезды пролагает путь.

<1918>

* * *

Шибче, шибче, ветер, дуй,
Хлеще, хлеще, дождь, иди.

Кажет баба небу ...
На Советской площади.

<1918 ?>

* * *

Нате, возьмите, лопайте
Души моей чернозем.
Бог придавил нас ж...ой,
А мы ее солнцем зовем.

<1919>

* * *

Я памятник себе воздвиг из пробок,
Из пробок вылаканных вин!..

<1920>

* * *

Шершеневич был профессор,
Шершеневич есть поэт.

<1920>

* * *

Американским ароматом
Пропитан русский аромат.
Покрыть бы «АРУ» русским матом —
Поймет ли «АРА» русский мат?!

<1921—1922>

* * *

С головы упал мой первый волос,
С головы упал на стол.
Неужели близко череп голый
И далеко жизни комсомол?
Огрубеет голос мой певучий,

Будет рваться кашлем каждый раз,
И тебе, мой милый друг, наскучит
Потерявший свежесть синий глаз.
Крепче схватит ногу жизни стремя,
Я ноги не буду вырывать.
Что же делать, что же, если время
С головы мне листья обсыпать.

<1923>

* * *

Я родной земли печальник,
Я певец земли родной.
Будь же добр [и] ты, начальник,
Отпусти меня домой...

<1923—1924>

* * *

Шафранный день звенит в колосьях,
Проходит жизнь, проходит осень.

Рыдайте, други, рыдай, родная,
Стони, стони, душа больная...

Все обойдется, как смех растает,
Не пой, мой друг,— душа пустая...

<1924>

* * *

Берегись, Керзон —
АСПС* вооружен.

<1924>

---

* АСПС — Азербайджанский Совет Профессиональных Союзов.

* * *

Тетя Мотя
В розовом капоте,
Дядя Вадя
В праздничном наряде,
Кузина Зина
В плаще резиновом,
Папа
В пижаме,
На маме
Шляпа,
На сынишке Мишке
Новые штанишки —
Делают прогулку
По нашему переулку...
И вдруг явление
Всем на удивление:
Раскрасневшись от жары,
Молодые маляры —
Тит и Вася —
Дом красят.
Разделывают стены
Под розовый оттенок...
Кричит Мишка:
— Ишь, как!
Вот это ловко —
Вместо кисточки спринцовка! —
А папа Мише:
— Удивляйся потише!
Разве трудно догадаться,
Что это — механизация?
Скоро научатся даже
Наспринцовывать портреты и пейзажи!

<1924>

* * *

Пусть я толка, да не таковского,
Пью я первый раз у Литовского.
Серый глаз мне дорог из-за синего.
Вспоминаем мы с ним Устинова.

<1924—1925>

* * *

А тебе желаю мужа,
Только не поэта,
С чувством, но без дара,
Просто комиссара.

<1925>

* * *

Товарищу Шумяцкой
С любовью братской
За чай без обеда,
За мужа полпреда.

<1925>

ЧАСТУШКИ

1

Играй, играй, гармонь моя!
Сегодня тихая заря,
Сегодня тихая заря,—
Услышит милая моя.

<1916>

2

Эх, яблочко,
Цвету звонкого.
Пьем мы водочку
Да у Коненкова.

3

Эх, яблочко,
Цвету ясного.
Есть и сволочь во Москве
Цвету красного.

4

Не ходи ты в МЧКа,
А ходи к бабенке.
Я валяю дурака
В молодости звонкой.

<1919—1920>

5

Ох, и песней хлестану,
Аж засвищет задница,
Коль возьмешь мою жену,
Буду низко кланяться.

6

Пей, закусывай изволь!
Вот перцовка под леща!
Мейерхольд, ах, Мейерхольд,
Выручай товарища!

7

Уж коль в суку ты влюблен,
В загс да и в кроваточку.
Мой за то тебе поклон
Будет низкий — в пяточку.

<1921—1922>

8

Мой милой, что с образов,
Как святой, все кается.
Меня ... семь разов,—
Восемь полагается!

<1921—1922>

9

Ох, уж, ох, большевики,
Да у Москвы, да у реки,
Под Кремлевской кровлею
Занялись торговлею.

<1921—1922>

10

Ах, Мартышечка-душа
Собой не больно хороша.

Ах, Мартышечка-душа
Собою очень хороша.

<1921—1922>

11

Не хочу баранины,
Потому что раненый,

Прямо в сердце раненный
Хозяйкою баранины!

<1922>

12

У бандитов деньги в банке,
Жена, кланяйся дунканке.

<1923>

13

У Европы рожа чиста,
Не целуюсь с ею!
Подавай имажинисту
Милую Рассею!

14

В мать тебя, из мати в мать,
Стальная Америка!
Хоть бы песню услыхать
Да с родного берега.

<1923>

15

Не ходи тропинкой склизкой,
А ходи по лесенке.
Если парень сядет близко,
Убеги за песенки.

16

Не звени, мой милый, шпорой,
А звени тальяночкой.
Поцелуешь ты мне скоро
На щеках две ямочки.

17

Я украшу длинну косу
Пурпуровой астрою.
Задает мне мил вопросы
И зовет зубастою.

<1923>

18

Сныть-трава, трынь-трава
Здесь у каждого двора.
А в Рязани — лебеда,
Не забыть мне никогда.

<1924>

КОММЕНТАРИИ К ПРИЛОЖЕНИЮ 1

«Щука в рака вцепилась...» (с. 487).— Есенинский вестник. Константиново. Изд. Гос. Музея-заповедника С.А.Есенина. 1992, с. 9. (в статье В.Вавиловой «Болел душой за односельчан. Из воспоминаний земляков о Есенине»).

Печатается по тексту первой публикации.

Датируется по содержанию воспоминаний И.Ф.Копытина.

В приведенном В.Вавиловой отрывке из воспоминаний Ивана Федоровича Копытина (1894—1979) сообщается: «Я учился с Есениным 2 года. Учился он хорошо, много читал, знал много стихов наизусть. Он и сам стихи сочинять стал рано. Бывало, лежим на песке, а он вдруг встанет и побежит в воду. Окунется, волосы пригладит и скажет нам: «Ребята, послушайте, что я сочинил: <далее идет текст двустишия> Потом засмеется звонко, и мы за ним».

«Есть в селе-то у нас барин...» (с. 487).— Газ. «Московский автозаводец», 1957, 20 июня, № 142 (в статье Н.Титова «Несколько слов о Есенине. Странички из воспоминаний»).

Печатается по тексту газеты.

Датируется по воспоминаниям.

Титов Николай Иванович (1895—1983), троюродный брат Сергея Есенина по линии матери: их деды были родные братья. В 1904 году Николай и Сергей стали ходить в первый класс Константинов-

ского земского четырехгодичного училища. Школьные годы провели вместе. Н.И.Титов писал также о встречах с Есениным в 1917 и 1919 годах.

«Попечителем нашей школы,— вспоминал Н.И.Титов,— был местный помещик Кулаков, бывший крестьянин, разбогатевший на домах Хитрова рынка, известных под названием «Кулаковки». Кулаков был не в ладу с крестьянами и пренебрегал их детьми. Возможно, в ответ на арест Александра Ивановича <учителя>, которого жандармы увезли прямо с урока, Есенин организовал ватагу ребят, и они направились к дому Кулакова. Ясно вижу Сергея — мальчика в шубенке, крытой черным полусукном, немного сутуловатого, идущего впереди ватаги ребят человек в тридцать и распевающего под окном школьного попечителя стихи собственного сочинения <далее идет текст четверостишия>».

«Милый друг, не рыдай...» (с. 487).— Хроника, 1, 26.

Четверостишие приведено в рукописи К.П.Воронцова «Воспоминания о С.А.Есенине» (ИМЛИ; написаны в начале января 1926 года).

Печатается по тексту этой рукописи. Полный текст стихотворения неизвестен.

Датируется по воспоминаниям.

Воронцов Клавдий Петрович (1898—1962) — один из ближайших друзей детства и отрочества Есенина. Встречался с поэтом и в последующие годы.

«Учась уже во второклассной школе,— писал К.Воронцов,— Сергей стал, как говорится, сочинять стихи, но не опубликовывал их. Мне в то время его стихи нравились, и я просил лишь его, чтобы он писал. Наприм<ер>, помню, такой стих: «Милый друг, не рыдай...» <и т.д.>.

Стихов и в то время у него было много, которые до настоящего времени не печатались» (ИМЛИ).

«Белогривый поп Гаврила...» (с. 487).— Хроника, 1, 27 (с неточностью).

Четверостишие приведено в очерке Н.А.Сардановского «Из моих воспоминаний о Сергее Есенине» (машинопись, ГЛМ).

Печатается и датируется по воспоминаниям Н.А.Сардановского. Полный текст стихотворения неизвестен.

Сардановский Николай Алексеевич (1893—1961), товарищ юности Есенина. Они встречались в с. Константинове и в первые годы жизни в Москве. Впоследствии — преподаватель музыки.

«В начале своей писательской деятельности,— вспоминал Сардановский,— он <Есенин> сделал, кажется, только одну попытку написать комическое стихотворение. Я помню его первые строки: «Белогривый поп Гаврила» <...>. Ничего остроумного в этом стихотворении не получилось, хотя Сергей почему-то думал обратное».

«Я слыхал про вас премного...» (с. 488).— Панфилов Анатолий. Нинесе. Поиски, исследования, находки. М., 1990, с. 126.

Печатается по тексту первой публикации.

Датируется по воспоминаниям Варвары Степановны Гришиной (1895—1977).

Записано А.Д.Панфиловым со слов В.С.Гришиной (урожд. Ефремовой), землячки Есенина. Она рассказывала: «Шестнадцати лет <...> вышла я замуж в деревню Иванчино из Константинова. Муж, Гришин Николай Акимович, меня брал по любви. Но прошло немного времени, муж изменился, пристрастился к картам, выпивкам, стал уходить из дома, оставлять меня одну. Я сильно переживала. Однажды вечером <...> приходит девочка, приносит письмо <...>. Адресовано Николаю Гришину <...>. Письмо было все написано стихами. Я много его читала, запомнила: «Я слыхал про вас премного...» <и т.д.> Подписано письмо было так: „Нинесе“.

Позже Варвара Степановна узнала от своей сестры, что «это Сережа Есенин письмо прислал. Он приезжал на каникулы из Спас-Клепиков на две недели и спросил меня про твое житье. Я ему все рассказала, и он тут же, при мне написал письмо твоему мужу».

«Я все думала,— продолжала Варвара Степановна,— Есенин писал, почему же он тогда «Нинесе» расписался? Только потом догадалась: «Нинесе»-то ведь это «Есенин» наоборот.

После письма муж остепенился на какое-то время <...>, а потом за старое принялся, и в 1915 году мы с ним разошлись» (там же, с. 124—127).

Впоследствии письмо затерялось.

«Прощай, Зарайск! Я уезжаю!..» (с. 488).— Газ. «За новую жизнь», Зарайск, 1965, 6 окт., № 80 — ст. 1—2 (в очерке Е.Пирожниковой «Встречи с поэтом»).

Полностью печатается впервые по рукописи Е.Г.Пирожниковой «Наши встречи с Сергеем Есениным и воспоминания о нем» (РИАМЗ, научный архив, № 2544).

Датируется по содержанию воспоминаний.

Пирожникова (урожд. Кириллова) Екатерина Григорьевна (1894—1975) познакомилась с Есениным летом 1912 года в Зарайске. Известна надпись поэта на книге ей и ее сестре Елизавете (см. т. 7 наст. изд.).

Рассказывая о встрече с Есениным, Е.Пирожникова вспоминала: «Сергей Александрович был в хорошем настроении. Он читал стихи — говорил «своего сочинения». Вдруг повернулся к сестре:

— Помните, как это: «Прощай, свободная стихия, в последний раз передо мной ты катишь волны голубые»... и так далее?

Весело смеялись. Подумав, Сергей Александрович стал сочинять:

— Прощай, Зарайск! Я уезжаю! <и т.д.>

Улыбнулся и махнул рукой:

— Нет! Нет! Не получилось. Постараюсь потом описать Зарайск...»

Какие-либо другие строки Есенина, связанные с городом Зарайском, неизвестны.

Гуси («Бай, бай, детка...») (с. 488).— Хроника, I, 216.

Четверостишие — отрывок из стихотворения «Гуси» — приведено в очерке Н.А.Сардановского «Из моих воспоминаний о Сергее Есенине» (Машинопись с правкой и подписью автора, помечена 1926 годом — ИМЛИ). Полный текст стихотворения неизвестен.

Печатается и датируется по воспоминаниям Н.А.Сардановского.

О Н.А.Сардановском см. в коммент. к четверостишию «Белогривый поп Гаврила...» (с. 499—500).

«Могу отметить,— вспоминал Сардановский, что он <Есенин> любил музыку и пение <...>; Моя посредственная игра на скрипке ему определенно нравилась, и я помню, как в Москве мы вдвоем подолгу засиживались вечерами: он читал стихи, я играл на скрипке...

Я помню, ему очень хотелось переложить какой-либо свой стих на музыку, и он меня упрашивал подобрать музыкальное сопровождение к его детскому стишку «Гуси»: «Бай, бай, детка...» <и т.д.> (ИМЛИ).

Вместе с тем известен факт обращения к музыкальному творчеству самого Есенина. Так, в книге лирики Александра Балагина «Капризное сердце» (2-е изд., Тифлис, 1920) стихотворение «Разлука» («Сокол мой уплыл на струге...»), посвященное Александру Ширяевцу, сопровождено пометой, что оно «положено на музыку поэтом Сергеем Есениным». Каких-либо других сведений об этом не найдено.

«Сардановский с Сергеем Есениным...» (с. 489).— Газ. «Известия», М., 1926, 13 июня, № 134 (в статье Сергея Буданцева «На родине Есенина»); Кр. нива, М., 1926, № 26, 27 июня, с. 10 (в статье В.Наседкина «Село Есенино») — в обоих изданиях приводилась строка: «Без ладьи вышли на берег скатистый...»; Прокушев Ю. Юность Есенина. М., 1963, с. 38 — сохранившиеся строки 1—4; полностью — сб. «Воспоминания о Сергее Есенине». М., 1965, с. 89 (в очерке Н.А.Сардановского «Из воспоминаний о юности»).

Печатается по машинописи очерка Н.А.Сардановского «Из моих воспоминаний о Сергее Есенине» (ИМЛИ). Датируется по содержанию очерка.

Четверостишия связаны со случаем, имевшим место в родном селе поэта. Н.Сардановский вспоминал:

«В 1914 г., когда Ока была запружена Кузьминскими шлюзами <...>, мы решили переплыть реку, имея в виду, что до нас, кажется, никто в Константинове Оку еще не переплывал. 8 июля, когда в Константинове празднуют Казанскую, мы пробовали свои способности держаться на воде. Продержались в среднем по 40—55 минут. На другой день, при встречном ветре, Оку мы переплыли. Плыло нас только трое: Костя Рович, московский реалист, Сергей и я. Когда я последним выходил на другой берег Оки, Сергей сидел на песке, и из горла его шла кровь. Так как для нас, плохих пловцов, переплыть Оку представлялось целым подвигом, то мы и решили его «воспеть». Есенин написал на дверной притолоке того дома, где наша компания проживала, стихотворение, кажется, из трех строф, в тяжеловесном стиле греческой поэмы. Я помню последнюю строфу: «Сардановский с Сергеем Есениным...» <и т.д.>. Так как соревнование во всех его видах было нашей основной чертой, я записал там же, на притолоке, свое стихотворение: «То не легкие кречеты к небу вспарили...» <и т.д.>.

Исход конкурса был сомнителен, и Сергей тут же написал еще: «Когда придет к нам радость, слава ли..» <и т.д.>.

По народному поверью, на Ильин день (20 июля ст. ст.) какой-то легендарный олень довольно легкомысленно ведет себя по отношению к рекам и озерам, поэтому после Ильина дня купаться нельзя».

В другом варианте очерка («Из воспоминаний о юности») Н.Сардановский написал о начале стихотворения Есенина:

«Первые строчки неплохо рифмовались так:

..................жизни картиновой
..................понесло Константиново».
(Восп., 2, 131)

Кажется это единственное упоминание в стихах Есенина названия его родного села.

Стихи о «проплыве» были написаны на дверной притолоке дома священника И.Я.Смирнова. В этом доме часто собиралась молодежь и проводила свой досуг.

Делегация Всероссийского Союза писателей, выезжавшая в село Константиново, 6 июня 1926 года посетила этот дом и, как вспоминал член делегации В.Наседкин, видела на одной из его дверей «написанное Есениным стихотворение, которое, к сожалению, не разобрать, кроме последней строчки...»

«Упоенье — яд отравы...» (с. 489).— Сб. «Воспоминания о Сергее Есенине». М., 1965, с. 93 (в очерке Н.А.Сардановского «Из воспоминаний юности»).

Печатается по тексту, приведенному по памяти в письме Н.А.Сардановского к К.Л.Зелинскому от 31 января 1958 г. (РГАЛИ, ф. К.Л.Зелинского).

Датируется 1914 годом — по помете под текстом стихотворения в письме Н.А.Сардановского.

По воспоминаниям Н.А.Сардановского, это стихотворение Есенин вместе с другими своими произведениями читал преподавателю университета им. А.Л.Шанявского профессору П.Н.Сакулину. Профессор, по словам Есенина, «особенно одобрил» стихотворение «Выткался на озере алый свет зари...»

«Между прочим, я, не специалист в этом деле, услыхав это стихотворение, почувствовал впервые, что в стихах Есенина появляется подлинная талантливость,— продолжал Сардановский.— Однако я долго недоумевал, как мог профессор одобрить стихотворение Есени-

на, которое поэт посвятил мне <...> «Упоенье — яд отравы...» <и т.д.> (Восп., 1, 133).

Мине (с. 490).— Журн. «Огонек», М., 1980, № 40, 4 окт., с. 24 (в статье Сергея Куняева «От берегов, где просинь... (К истории неопубликованного стихотворения Сергея Есенина)» — с неточностями); Минувшее. Исторический альманах. Париж, 1989. <Кн.> 7, с. 53 (в очерке М.Л.Свирской «Из воспоминаний»).

Печатается и датируется по воспоминаниям.

Свирская (Гришевич) Мина Львовна (1901—1978), активный деятель партии социалистов-революционеров. После Октября не раз подвергалась репрессиям. В 1963 году уехала в Израиль. С Есениным познакомилась в 1917 году, в Петрограде. Дружила с З.Н.Райх, одно время часто бывала в обществе Есенина и его жены.

Рассказывая о праздновании дня рождения Есенина в 1917 году, М.Л.Свирская вспоминала: «Было очень оживленно и весело. Есенин настоял, чтобы я с ним и с Алешей <Ганиным> выпила на брудершафт. Мы выпили <...>. Вдруг Есенин встал, взял со стола одну свечу и потянул меня за руку: «Идем со мной, мы сейчас вернемся». Я встала и пошла за ним в их комнату. Есенин сел за стол и показал мне рукой на второй стул. Я села. Он стал писать.

— Сережа, я пойду.

— Нет, нет, посиди, я сейчас, сейчас.

Дописав, он прочел мне <...> стихотворение. Хорошо помню, что в нем было пять четверостиший, но пятое вспомнить не могу <далее приводится текст стихотворения «Мине»>.

— Сережа, почему ты написал, что влюблен так же, как я? Ведь ты меня научил любить.— Он ничего не ответил. Держа свечу в одной руке и листок со стихотворением в другой, вышел из комнаты. Я пошла за ним. Он прочел стихотворение присутствующим и отдал его мне <...>.

В своем стихотворении Есенин назвал меня «радостной». Видимо, я и была такой от счастья, что живу в революцию, которая меня сделала ее участницей <...>. Я верила в идеальное недалекое будущее. Своей непосредственной верой я заражала других. Сергею это тоже, наверное, передавалось, когда он бывал со мной, и за этим он тянулся. Время нашей дружбы было непродолжительно» (Минувшее, с. 53—54, 56—57).

«Пусть хлябь разверзнулась!..» (с. 490).— Газ. «Советская культура», 1965, 2 октября, № 117 (в очерке Сергея Коненкова «Слово о друге» с вариантом ст. 1:

Пусть революция! И пусть...).

Печатается по кн.: Коненков С.Т. Мой век. Воспоминания. Изд. второе, доп. М., 1988, с. 245.

Датируется по свидетельству С.Т.Коненкова, приведенному в статье Ю.Прокушева «Сергей Есенин в 1918 году» (альманах «Прометей», кн. IV, М., 1967, с. 319).

В этой статье экспромт дается в несколько иной редакции:

Пусть революция, ну что же,
В душе звенит святая Русь,
И небом мчащийся Коненков
Сквозь звезды оставляет путь.

С.Т.Коненков вспоминал: «Случалось, Есенин без предупреждения надолго пропадал и появлялся столь же неожиданно. Как-то за полночь стук в дверь. На улице дождь, сверкает молния. «Наверное, Сергей»,— подумал я.

— Кто там?

— Это я — Есенин. Пусти.

По голосу понял, что друг мой помимо дождя где-то изрядно подмок. И теперь вот среди ночи колобродит. Дай, думаю, задам ему загадку, решил я спросонья, совершенно упустив из виду, что человек под дождем стоит.

— Скажи экспромт — тогда пущу.

Минуты не прошло, как из-за двери послышался чуть с хрипотцой, громогласный в ночи есенинский баритон: «Пусть хлябь разверзнулась!» <и т.д.>.

Пришлось открывать. Вечер поэта Сергея Есенина во флигеле дома номер девять на Пресне закончился на рассвете. Ночи не было» (Коненков С.Т. Указ. соч., с. 245).

В книге Анатолия Панфилова «Нинесе» (М., 1990) приводится беседа с Маргаритой Ивановной Коненковой, женой скульптора, которая описанный эпизод с ночным приходом Есенина ошибочно относит к 1923 году. Она же сообщила автору книги текст экспромта, сов-

падающий с текстом в альманахе «Прометей», кроме строки 3 — вместо слова «мчащийся» поставлено слово «лающий».

«Шибче, шибче, ветер, дуй...» (с. 490).— Газ. «Подмосковье», 1993, 9 окт. № 41, с. 11 (в статье Владимира Ливадина «„Вы ж такое загибать умели...". Озорные строки Есенина»).

Четверостишие было скопировано А.Ф.Марковым с записи, сделанной рукой С.М.Городецкого. Печатается по копии, снятой А.Ф.Марковым. Он рассказал:

«В начале 30-х годов одно из столичных издательств подготовило к печати сборник стихотворений Сергея Городецкого с рисунками художника В.Милашевского. По какой-то причине издание не состоялось. Работник типографии, библиофил М.И.Чуванов (1890—1988) собрал гранки сборника, вложил среди них оригиналы рисованных шмуц-титулов, переплел и при случае книгу показал Городецкому. Тот остановил свое внимание на рисунке, изображавшем обелиск Свободы (воздвигнут в 1918 году в Москве на месте снесенного памятника генералу Скобелеву, простоял до 1940 года, ныне на этом месте находится монумент Юрию Долгорукому; обелиск представлял собой женскую фигуру, держащую в поднятой руке факел). Под рисунком Городецкий записал: «Из неизданного Есенина <далее идет текст четверостишия>. Сообщил С.Городецкий. 8/Х-35».

Книга находилась в собрании М.И.Чуванова. В настоящее время местонахождение ее с записью четверостишия неизвестно.

Датируется приблизительно — годом установления обелиска Свободы.

«Нате, возьмите, лопайте...» (с. 491).— Сб. «Памяти Есенина». М., 1926, с. 81 (в очерке Георгия Устинова «Годы восхода и заката. Воспоминания о Сергее Есенине»).

Печатается и датируется по воспоминаниям.

О Г.Ф.Устинове см. в наст. томе коммент. к стихотворению «Вот такой, какой есть...» (с. 408).

Г.Ф.Устинов вспоминал, как он и Есенин однажды шли по московской улице: «Есенин молчалив, он о чем-то сосредоточенно думает.

— О чем это ты?

— Да вот, понимаешь ли, ассонанс... Никак не могу подобрать. Мне нужен ассонанс к слову «лопайте».

Мы подходили к «Центропечати». И как раз на той ледяной луже, которая образовалась от центропечатской водосточной трубы, Есенин поскользнулся и сел в эту лужу среди тротуара.

— Нашел! — кричит он, сидя в ледяной мокроте и хохоча на всю Тверскую.— Нашел!

И когда мы поднимались по лестнице в «Центропечать», он мне продекламировал:

— Слушай, вот он — ассонанс, вернее, консонанс: «Нате, возьмите, лопайте...» <и т.д.>.

Есенин вообще тогда много работал над рифмой и ассонансами, и работа эта не пропала даром» (Сб. «Памяти Есенина». М., 1926, с. 80—81).

«Я памятник себе воздвиг из пробок...» (с. 491).— Анненков Юрий. Дневник моих встреч. Цикл трагедий. Т. I. Нью-Йорк, 1966, с. 167.

Печатается и датируется по воспоминаниям.

Анненков Юрий Павлович (1889—1974), театральный художник и график, автор известных иллюстраций к поэме А.Блока «Двенадцать». Познакомился с Есениным в доме И.Е.Репина (Куоккала) зимой 1915/1916 года. Встречи продолжались позже, до отъезда Есенина за границу.

Рассказывая о встрече с Есениным в Ростове-на-Дону в 1920 году, Ю.П.Анненков вспоминал эпизод, имевший место в ресторане «Альгамбра»:

«Есенин стучал кулаком по столу:

— Товарищ лакей! пробку!!

«Пробкой» называлась бутылка вина, так как в живых оставалась только пробка: вино выпивалось, бутылка билась вдребезги.— «Я памятник себе воздвиг из пробок» <и т.д.>.

Нет, не памятник: пирамиду!

И, повернувшись ко мне:

— Ты уверен, что у твоего Горация говорилось о пирамидах? Ведь, при Горации, пирамид, по-моему, еще не было?» (там же).

«Шершеневич был профессор...» (с. 491).— Газ. «Последние новости», Париж, 1927, 27 дек., № 2470 (в очерке Николая Оцупа «Сергей Есенин»).

Печатается и датируется по воспоминаниям.

Оцуп Николай Авдеевич (1894—1958), поэт, прозаик и критик. Познакомился с Есениным в 1915 году в Петрограде. Позднее встречался с ним и в Москве, и в Берлине.

Описывая в своем очерке литературный «Суд над имажинистами», состоявшийся 4 ноября 1920 года в Большом зале Московской консерватории, Н.Оцуп вспоминал о беседе с Есениным после окончания вечера: «Говорили мы о друзьях Есенина, имажинистах. Есенин отлично знал цену своему литературному окружению. Сидя один на один с Есениным сначала в кафе, потом на скамейке Тверского бульвара, я убедился, что «крестьянский поэт» был гораздо проницательнее, чем это принято думать о нем.

— Шершеневич,— говорил мне Есенин,— никогда я не считал его поэтом. И слава-то его не своя, а отцовская. Помните знаменитого юриста Шершеневича? Тот был поталантливее сына. Я даже песенку сочинил: «Шершеневич был профессор...» <и т.д.>.

Не менее суров был Есенин и к другим своим собратьям по имажинизму» (там же).

«Американским ароматом...» (с. 491).— Газ. «Русь святая», Липецк, 1993, 23 сент.— 6 окт., № 22/23, с. 5 (в заметке В.Кузнецовой «Экспромт Есенина»).

Печатается и датируется по авторизованной машинописи В.П.Комардёнкова «Воспоминания» (РГАЛИ, Коллекция мемуаров и дневников, ф. 1337, оп. 3, ед. хр. 49, с. 246).

Комардёнков Василий Петрович (1897—1973), график и театральный художник. Его дружба с Есениным началась в 1918 году.

В Москве в 1972 г. вышла книга В.Комардёнкова «Дни минувшие. (Из воспоминаний художника)». Эпизод с есенинским экспромтом в книгу не был включен.

Коснувшись жизни Есенина и А.Дункан в особняке на Пречистенке, где помещалась и школа танца, В.Комардёнков рассказывал: «Там часто бывали американцы — поклонники А.Дункан, находящиеся с миссией «Ара» (помощи голодающим на Волге). Что они делали в этой миссии, не знаю, а в школе они попивали привезенное с собой виски.

Помню, как один солидный янки просил Сергея Есенина ему что-нибудь написать на память, протягивая ручку. Тот, немного подумав, написал на подставленном крахмальном манжете: «Американским ароматом...» <и т.д.>. Подвыпивший янки был доволен, что часто спря-

гается слово «Ара». При следующей встрече он на плохом русском языке просил С.Есенина рассказать, что было написано, говоря, что его секретарша прочла, покраснела и не смогла перевести, а манжет советовала выбросить.

Сергей Александрович хохотал и говорил, что у него плохая секретарша, раз не может перевести русский мат. На этом кончились объяснения...»

«АРА» — ARA — сокр. от англ. American Relief Administration — «Американская администрация помощи», действовала в 1919—1923 гг., руководитель Г.Гувер.

Она была создана для оказания продовольственной и иной помощи европейским странам, пострадавшим во время первой мировой войны, и использовалась для усиления влияния США в Европе.

В 1921 году в связи с голодом в Поволжье деятельность «АРА» была разрешена в РСФСР. Наряду с благотворительной деятельностью «АРА» занималась сбором разведывательных данных экономического, политического и военного характера.

«С головы упал мой первый волос...» (с. 491).— Газ. «Веч. Свердловск», 1959, 12 окт., № 241 (в статье В.Белоусова «Новые стихи Сергея Есенина»).

Печатается по тексту в письме Г.Орешкова (ИМЛИ).

Над текстом помета рукой Григория Орешкова: «Копия», под стихотворением — той же рукой — «С.Есенин». Дата отсутствует.

Это письмо случайного знакомого Есенина послано после смерти поэта редактору неустановленного издания, откуда оно поступило в Музей Есенина (об этом говорит штамп музея на письме).

Датируется условно последними месяцами 1923 года по близости настроений, выраженных здесь и в нескольких других стихотворениях этого периода («Мне грустно на тебя смотреть...», «Я усталым таким еще не был...»).

В письме говорится: «В одну из случайных моих встреч в Москве с поэтом Есениным я пил с ним пиво, и он мне дал на память рукописное стих<отворени>е, которое он написал тут же. Вот оно: <далее приводится его текст>.

Подлинник я не посылаю, т.к. он мне дорог по памяти <...>.

гр. *Орешков Григорий*».

«Я родной земли печальник...» (с. 492).— Сергей Есенин. Мой путь. Избр. соч. в 3-х т. Т. 3. Челябинск, 1994, с. 322.

Датируется 1923—1924 годами.

Четверостишие было известно в семье Вс.Э.Мейерхольда и З.Н.Райх. Текст и рассказ об обстоятельствах появления экспромта записаны в 60-е годы литературоведом А.Л.Казаковым от Ольги Федоровны Орловой, бывшей воспитательницы Тани и Кости Есениных.

По рассказу З.Н.Райх О.Ф.Орловой, после одного из приводов Есенина в милицейский участок он попросил начальника отделения отпустить его домой: он поэт, а поэт не может быть арестова́н наравне с бродягами и проститутками. Начальник предложил Есенину тут же сочинить стих. Поэт и сочинил этот экспромт, удивив окружавших, после чего был освобожден (собрание А.Л.Казакова, Челябинск).

«Шафранный день звенит в колосьях...» (с. 492).— Красная газета. Веч. вып., Л., 1926, 28 дек., № 311 (в очерке Владимира Ричиотти «Есенин перед самим собой»).

Рассказывая о встрече с Есениным в одной из ленинградских квартир <июнь 1924 года>, Владимир Ричиотти вспоминал, как поэт попросил его спеть популярный тогда «Шарабан».

«Я настроил гитару,— продолжал В.Ричиотти,— ударил по струнам и запел. Есенин не сводил глаз с моих губ, встряхивал своими солнечными кудрями, которые кольцами спадали на голубые глаза. Он несколько раз менял свою позу, ища удобного расположения и, наконец, задорно сверкая глазами, стал мне подпевать. С последней строфой «Шарабана» стиховой материал песни был мною исчерпан, и я замолк, но голос Есенина все усиливался и звенел. Поэт импровизировал темы. Я, почти не дыша, тайно слушал и с увлечением дергал гитарные струны, а Есенин пел все новые и новые строфы о луне, о девушке и о душе. Я не помню всей песни, которую он мгновенно сложил, но мне почему-то запомнились последние три строфы: <далее идут первое двустишие и припев: «Ах, шарабан мой, американка»>. Я с жаром подхватывал припев, а гитара с надрывом вздрагивала под руками. Есенин вдруг охладился, закрыл глаза и стал медленнее и труднее произносить свои строфы: <далее идут второе двустишие и припев: «Ах, шарабан мой, дутые шины, // А я поеду да на машине»>.

И совсем каким-то глухим речитативом полупропел, полупрохрипел: <далее — третье двустишие и начало припева: «Ах, шарабан мой...»>.

Есенин заплакал и опрокинулся на диванные подушки. Слезы теплыми струями плыли по щекам и уголкам рта...»

Ричиотти Владимир (псевд.; наст. фам. и имя Турутович Леонид Осипович; 1899—1939), поэт, публицист.

«Берегись, Керзон...» (с. 492).— Публикуется впервые.

Двустишие приводится в письме Е.А.Гурвича Ю.Л.Прокушеву (ноябрь 1962 г.), хранится в собрании Ю.Л.Прокушева (Москва).

Печатается и датируется по этому письму.

«В 1924 году,— сообщал Е.А.Гурвич,— в бытность в Баку Есенина <...> он зашел как-то в редакцию газеты «Труд» АСПС <Азербайджанского Совета профсоюзов> и увидел шарж на председателя Баксовета Конушкина или председателя Союза горняков Никишина (не выяснил еще) с огромной шашкой на боку, которую ему преподнесла подшефная войсковая часть. Есенин вынул карандаш и подписал: <далее идет текст двустишия>».

Керзон — см. в наст. томе коммент. к стихотворению «Заря Востока» (с. 425).

«Тетя Мотя...» (с. 493).— Журн. «Звезда», М.—Л., 1958, № 2, февр. с. 169 (в воспоминаниях Ник. Вержбицкого «Встречи с Сергеем Есениным»).

Список рукой Н.К.Вержбицкого (РГАЛИ, ф. Н.К.Вержбицкого).

Печатается по тексту в кн.: Вержбицкий Николай. Встречи с Есениным. Воспоминания. Тбилиси, 1961, с. 61.

Датируется по воспоминаниям (временем проживания Есенина на квартире у Н.К.Вержбицкого в Тифлисе, Коджорская, 15).

Вержбицкий Николай Константинович познакомился с Есениным весной 1921 года, особенно близкие товарищеские отношения между ними установились с осени 1924 года по приезде поэта в Тифлис. Известны несколько писем Есенина к Вержбицкому (см. т. 6 наст. изд.).

Вспоминая о жизни Есенина на Коджорской, 15, Вержбицкий рассказывает о дружбе поэта с уличными ребятами. «Они толпой вваливались к нам в квартиру, требовали немедленного ответа на миллион вопросов, а главное — им были нужны развлечения. Есенин пел для них тут же сочиненные частушки <...>. Однажды, когда собрались ребятишки, Есенин экспромтом сочинил для них такие стихи: «Тетя Мотя в розовом капоте...» <и т.д.> (Вержбицкий Николай. Встречи с Есениным. Тбилиси, 1961, с. 60, 61). О чтении Есениным стихотвор-

ных экспромтов во время его пребывания на Кавказе рассказывают и другие мемуаристы. Так, журналист Е.А.Гурвич писал:

«Пятого мая 1925 года в клубе нефтяников (потом АзНТО) «Азнефть» отмечала День печати. На вечере был Есенин. Он был в ударе и всю ночь читал экспромтом стихи. И как жаль, что никто их не записал!..» (Гурвич Евсей. Есенин в Баку. Воспоминания.— Газ. «Баку». 1965, 2 окт., № 233).

Грузинский литератор Пармен Лория в своих воспоминаниях приводит такой факт:

«В клубе Батумской почты и телеграфа в воскресенье 21 декабря 1924 года был банкет по случаю выхода 1000-го номера газеты «Пухара» («Бедняк»), на него пришел Есенин, его приветствовали, ответное слово завершилось стихотворным экспромтом» (Рукопись. Частное собрание. Кобулети. Республика Грузия).

«Пусть я толка, да не таковского...» (с. 494).— Литовский О. Так и было. Очерки. Воспоминания. Встречи. М., 1958, с. 24.

Печатается и датируется по воспоминаниям.

Литовский Осаф Семенович (1892—1971), журналист, драматург, сценарист. Познакомился с Есениным в 1918 году, не раз встречался с поэтом позже.

«Нас с Есениным познакомил писатель Георгий Устинов <...>,— вспоминал О.Литовский.— Не было большего удовольствия,— я бы даже сказал: большей творческой радости,— чем вечерние наши беседы на разные темы истории, жизни, литературы <далее приводится комментируемое четверостишие>.

Так впоследствии Есенин вспоминал о наших встречах.

Жаль, конечно, что запомнилось так мало есенинских экспромтов. И это четверостишие он записал не то на столе, не то на скатерти,— и оно всегда мне напоминает Есенина, буйного и тихого, скандалиста и мальчишку, ерника и романтика» (там же).

«А тебе желаю мужа...» (с. 494).— Белоусов В. Сергей Есенин. М., 1965, с. 35.

Печатается по тексту первой публикации.

Датируется по содержанию письма Е.Н.Кизирян к автору книги.

Кизирян Екатерина Нерсесовна (1902—?), сестра Шаганэ Тальян, познакомилась с Есениным в Батуме в декабре 1924 года.

В письме к В.Г.Белоусову от 8 мая 1959 года Е.Н.Кизирян сообщала: «Однажды Есенин показывал нам <ей и Шаганэ> свои фотографии, сделанные в Батуме. Я попросила подарить одну из них. Он выбрал ту, на которой Повицкий был снят с ним, мечущим камни в море, и тут же написал стихи. Помню, в них говорилось о дождливом дне (в этот день был дождь), потом приблизительно следующее: «А тебе желаю мужа...» <и т.д.>. Стихотворение, кажется, начиналось со слова «Скучно». Эта фотография утрачена» (Белоусов В. Указ. соч., с. 34—35).

«Товарищу Шумяцкой...» (с. 494).— Газ. «Литературная Россия», 1980, 11 апр., № 15, с. 16 (в статье Виталия Вдовина «Новое о Сергее Есенине»).

Печатается по тексту этой публикации.

Датируется по содержанию статьи.

Шумяцкая Лия (Лидия) Исаевна (1889—1957), жена Б.З.Шумяцкого, в 1923—1925 годы работавшего полпредом и торгпредом РСФСР в Персии.

Автор публикации, встречавшийся с членами семьи Шумяцких, рассказывает: «В 1925 году Борис Захарович Шумяцкий был в отпуске на даче под Москвой. Однажды к ним на дачу приехал Есенин с друзьями. Они были приглашены к столу. Шел разговор о предполагавшейся поездке Есенина в Персию. Прощаясь, Есенин подарил жене Б.З.Шумяцкого книгу с автографом: «Товарищу Шумяцкой...» <и т.д.>. Под этим текстом Б.Л.Шумяцкий <внук дипломата> написал мне: «Правильность воспроизведения текста экспромта Есенина и обстоятельств встречи — удостоверяю». К сожалению, книга с есенинской надписью не сохранилась» (там же).

В этой же публикации приводится — по воспоминаниям В.И.Болдовкина — несколько иная редакция надписи Есенина. Вот она:

А теперь с любовью братскою
Пью за Лидию Исаевну Шумяцкую,
За чай без обеда
И мужа ее —
бывшего полпреда.

«Частушки» (с. 494).—

1.— Журн. «Современные записки», Париж, 1936, кн. 61, с. 179 (в очерке Марины Цветаевой «Нездешний вечер»).

Печатается по тексту первой публикации.

Датируется по содержанию очерка.

Частушка прозвучала в начале января 1916 года на литературном вечере в доме издателей «Северных записок» С.И.Чацкиной и Я.Л.Сакера (Петроград). На вечере были поэты М.Кузмин, О.Мандельштам, Г.Иванов, Н.Оцуп, Р.Ивнев, Л.Каннегисер... М.И.Цветаева вспоминала: «Читаю весь свой стихотворный 1915 год <...>. Потом — читают все. Есенин читает «Марфу Посадницу» <...>. Потом частушки под гармонику, с точно из короба, точно из ее кузова сыплющимся горохом говорка: <далее идет текст частушки>». (Цветаева М. Нездешний вечер. В ее кн.: Проза. М., 1989, с. 270, 271—272).

Известны народные частушки:

Играй, тальяночка моя,
Сегодня тихая заря,
Сегодня тиха зоренька —
Услышит чернобровенька.

Ты играй, гармонь моя,
Сегодня тихая заря,
Тихая, вечерняя,—
Услышит нареченная.

(Частушки северного края. Из собр. М.В.Хвалынской. Архангельск, 1983, с. 126).

2.— Мариенгоф Анатолий. Роман без вранья. Л., 1927, с. 95.

Печатается по тексту первой публикации.

3, 4.— Мариенгоф Анатолий. Роман без вранья. Оксфорд. 1979 (Приложение II, с. 25). Репринт с издания: Л., 1928.

Печатаются по рукописи: Мариенгоф А. Первый черновик «Романа без вранья» (ИРЛИ).

Все три частушки датируются по содержанию воспоминаний.

«По вечерам частенько бываем на Пресне у Сергея Тимофеевича Коненкова <...>. Взяв гармошку, Коненков затягивает есенинское яблочко: «Эх, яблочко, // Цвету звонкого...» <и т.д.>. (Мариенгоф Анатолий. Роман без вранья. Л., 1927, с. 95).

Далее в рукописи идет текст, не включенный в печатное издание романа:

«Есенин вдруг затемнел.

— А хочешь о комиссаре, который меня в Чекушке допрашивал?

— А ну!

И затянул хрипловато — тепло: «Эх, яблочко, // Цвету ясного...» <и т.д.>.

А ночью на Пресне у Коненкова заливалась тальянка, и Есенин пел: «Не ходи ты в МЧКа...» <и т.д.>.

5, 6, 7.— Мариенгоф Анатолий. Роман без вранья. Оксфорд, 1979 (Приложение II, с. 25—26). Репринт с издания: Л., 1928.

Печатаются по рукописи: А.Мариенгоф. Первый черновик «Романа без вранья» (ИРЛИ).

Датируются по содержанию.

8.— Публикуется впервые.

Печатается по рукописи: А.Мариенгоф. Первый черновик «Романа без вранья» (ИРЛИ).

Датируется по содержанию.

9.— Мариенгоф Анатолий. Роман без вранья. Оксфорд, 1979 (Приложение II, с. 27). Репринт с издания: Л., 1928.

Печатается по первому черновику романа (ИРЛИ).

Датируется по содержанию воспоминаний.

10.— Мариенгоф Анатолий. Роман без вранья. Л., 1927, с. 121.

Печатается по тексту первой публикации.

Датируется по содержанию воспоминаний.

Мартышка, Мартышон — шутливое прозвище жены Мариенгофа — Никритиной Анны Борисовны (1900—1982), актрисы.

«Есенин придумывает частушки.

Я считаю Никритину замечательной, а он поет:

Ах, Мартышечка-душа // Собой не больно хороша.

А когда она бывает у нас, ту же частушку Есенин поет на другой манер...» (там же, с. 121).

11.— Хроника, 2, 42.

Печатается по рукописи А.Б.Мариенгофа «Мой век, мои друзья и подруги» (РНБ, ф. А.Б.Мариенгофа).

Датируется по содержанию воспоминаний.

Частушка относится ко времени совместной жизни С.Есенина и А.Дункан в Москве на Пречистенке.

12.— Гуль Роман. Жизнь на фукса. М.—Л., 1927, с. 224 (в очерке «Есенин в Берлине»).

Печатается по тексту первой публикации.

Датируется по содержанию очерка.

Гуль Роман Борисович (1896—1986) — писатель, критик. В 1919 году эмигрировал за границу. С большой теплотой отзывался о Есенине и его творчестве в печати русского зарубежья.

Познакомился с Есениным в Берлине в 1923 году.

Рассказывая в очерке о своих берлинских встречах с Есениным, Гуль отмечал: «Потом были вечера — у Кусикова. Там пилось и пелось. Кусиков — цыганское под гитару. Есенин — частушки под балалайку: «У бандитов деньги в банке...» <и т.д.> — выкрикивал Есенин под веселое треньканье» (там же, с. 224).

13, 14.— Мариенгоф Анатолий. Роман без вранья. Оксфорд, 1979 (Приложение II , с. 26). Репринт с издания: Л., 1928.

Печатается по первому черновику романа.

Датируется по содержанию.

15, 16, 17.— Мариенгоф Анатолий. Роман с друзьями.— Журн. «Октябрь», М., 1965, № 11, окт., с. 88.

Печатается по тексту журнала.

Датируется временем знакомства и встреч Есенина с А.Л.Миклашевской (домашние и близкие звали ее Гутей). О ней см. коммент. к стихотворению «Заметался пожар голубой...» в т. 1 наст. изд.

А.Мариенгоф, в частности, в журнале писал: «На Малую Никитскую Есенин обычно приезжал с охапкой цветов. Садился на потертый коврик у Гутиных ног, гладил ее тонкие пальцы без колец, читал ей свои новые стихи или с чарующей хрипотцой напевал рязанские частушки, подмешивая к ним четверостишия собственного сочинения: „Не ходи тропинкой склизкой...“ <и т.д.>».

18.— Публикуется впервые.

Текст частушки — в письме краеведа Сергея Дмитриевича Умникова (род. 1902 г.; Царское село) Н.Г.Юсову от 21 декабря 1991 г. Сергей Дмитриевич в 1924 году встречался с Есениным, о чем написал воспоминания.

Датируется по содержанию письма.

В письме С.Д.Умников сообщал: «Одна моя однокурсница вспоминала, что на прогулке по парку Детского Села в 1924 г. она с травинкой в руке протиснулась к Есенину. Он протянул руку к растению, взял его и спросил:

— Как это называется?

Она ответила:

— Сныть-трава.

Он: «Сныть трава, трынь-трава...» <и т.д.>.

Это был, по-видимому, экспромт.

Я выпросил у знакомой засушенную и сохраненную ею сныть. Остатки травинки (она крошится) хранятся у меня до сих пор».

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

ПРИПИСЫВАЕМОЕ (DUBIA)

В ОЖИДАНИИ ЗИМЫ

Под осенними осинками
Зайка зайке говорит:
— Посмотри, как паутинками
Наш осинничек обвит.
Замелькали нити белые,
Закраснел в дубраве лист;
Сквозь деревья помертвелые
Чей-то слышен вой и свист.
То зима идет сердитая —
Горе бедному зверью!
Поспешим к ее прибытию
Шубку выбелить свою.—
Под осенними осинками
Обнялись друзья, молчат...
Повернулись к солнцу спинками —
Шубки серые белят.

<1911—1913>

ПАСТУХ

Я сгоню на луг росистый
Шуструю скотину...
Там у речки, речки быстрой,
Срежу камышину...
Продырявлю камышину,
Сделаю свирель я
И рассыплюсь соловьиной
Переливной трелью.

<1911—1913>

В ЭТУ НОЧЬ

В эту ночь тревожно-голубую,
Распустились ольхи и березы,
И прозрачный воздух на поляны
Уронил серебряные слезы.
На рассвете зорька золотая
Загорелась ярким перламутром
И шепнула сонной деревушке:
«С добрым утром!»

<1913>

УЙТИ БЫ...

Мне снится родимое поле,
Все снится задумчивый лес
И тихая песня на воле,
Как отзвук далеких небес.
Осины шумят за полями
В алмазах весенних лучей,
И звонко лепечет струями
Певун светлоликий — ручей...
Уйти бы в родимое поле,

В зеленый задумчивый лес
И тихо смеяться на воле,
И петь о лазури небес...

<1913>

* * *

Будь Юрием, москвич.
Живи, в лесу аукай,
И ты увидишь сон свой наяву.
Давным-давно твой тезка
Юрий Долгорукий
Тебе в подарок основал Москву.

<1914—1915>

НОЯБРЬ

На белом снеге оттиск лапок
Медлительных гусиных стад,
И звонче голос нежных маток
И смех косматых жеребят.

За сетью снежной паутины
Зимующий темнеет стог.
И, как старухи, горбят спины
Деревья вдоль больших дорог.

<1916?>

* * *

Я вплетаю в свой стих год от году
Азиатского вязева нить.
О скажи мне, в какую погоду
Я бы мог о Москве позабыть?

Чтоб с тоскою своей неослабной
Не ходить в захудалый кабак,
Пить мадеру с девицей похабной
И любить ее черт знает как.

И не петь ей про синие нивы,
Про семью и про старый мой дом...
Если выпил сегодня я пива,
Значит, завтра напьюсь коньяком!

<1922—1923>

* * *

Месяц рожу полощет в луже,
С неба светит лиловый сатин.
Я стою никому не нужен,
Одинокий и пьяный, один.

А хорошего в жизни мало,
Боль не тонет в проклятом вине,
Даже та, что любил, перестала
Улыбаться при встрече мне.

А за что? А за то, что пью я,
Разве можно за это ругать,
Коль на этой на пьяной планете
Родила меня бедная мать.

Я стою никому не нужен,
Одинокий и пьяный, один.
Месяц рожу полощет в луже,
С неба светит лиловый сатин.

<1923—1924>

* * *

Жизнь, как коня, держи за узду,
Не охай и не ахай.
Если тебя посылают в ....,
Посылай всех на ...!

<1924—1925>

ВЕСЕННЕЙ ДЕВОЧКЕ ЛЕЛЕ

Еще девочка ты, дочь степей,
Не знакомая с жизненным ядом.
Потому-то и хочется мне
Твоего недозрелого взгляда.

Ты не смотришь, не нравлюсь, ну что ж...
Я отцветший, я ворон осенний,
Но тому, в ком ты вызовешь дрожь,
Позавидую в позднем волненьи.

<1925. Баку>

НОКТЮРН

Ночь... Передо мной
Белеет лист бумаги,—
Словно степь, что вьюгой
Дикой замело.
Голова поникла,
И морщин зигзаги
Перекрыли вдоль
Усталое чело.

Тишиной погоста
Замер гул трамваев.
Город утопает

В каменную жуть...
Что же мне так больно,
Сам того не знаю.
Или мне придется
Кончить здесь свой путь.

А мечты кипят,
И в муках разум тонет.
Где ты, юность — синь
Навек угасших снов?
В глубине души
Безмолвно что-то стонет
Над холмом истлевших
В пыль и прах годов...

Жизнь свою листая,
Стыдно мне и жутко.
Мне бы не родиться
Вовсе и не жить.
Боже мой! Зачем
Такую злую шутку
Сатана со мной
Изволил сотворить!

Мне приснилась бабка
Мертвая в косынке:
— Ты ли это, внук мой?
Как ты худ и сед!
. . . .
Не пора ль и мне
Кончать уже волынку —
Этот путь унылый
Маяты и бед!

<1925>

КОММЕНТАРИИ К ПРИЛОЖЕНИЮ 2

В ожидании зимы (с. 517).— Соловьева Е.Е. и др. «Родная речь». Книга для чтения во II классе начальной школы. М., 1944, с. 52. Там же на с. 224 «Пастух». Принадлежность Есенину обоих стихотворений указана в оглавлении книги.

Печатается по тексту «Родной речи».

Стихотворение «В ожидании зимы», как и «Пастух», поэтическим языком, лирической интонацией близко к пейзажным зарисовкам 1911—1913 годов («Восход солнца», «Зима», «Береза»).

Датируется приблизительно этими годами.

Первые публикации стихотворений состоялись, возможно, в дореволюционных детских журналах или в литературных приложениях к ним, откуда и были взяты составителями «Родной речи».

Стихотворения «В ожидании зимы», как и помещенные далее «Пастух», «В эту ночь», «Уйти бы...», «Месяц рожу полощет в луже...» были рассмотрены в статье Л.Ф.Соколовой, В.П.Тимофеева «Опыт атрибуции стихотворных текстов с проблемным есенинским авторством» (сб. «Теория поэтической речи и поэтическая лексикография». Шадринск, 1971, с. 164—178). В результате анализа художественного строя, лексического состава и других элементов стихотворений авторы пришли к выводу о возможной принадлежности этих произведений Есенину.

С.А.Рейсер в книге «Основы текстологии» (2-е изд., Л., 1978, с. 93) отметил несостоятельность и наивность работы Соколовой, Тимофеева. Думается, критик не во всем прав, не видя ни одного положительного момента в труде исследователей.

Пастух (с. 518).— Соловьева Е.Е. и др. «Родная речь». Книга для чтения во II классе начальной школы. М., 1944, с. 224.

Печатается по тексту «Родной речи».

См. выше коммент. к стихотворению «В ожидании зимы».

В эту ночь (с. 518).— Газ. «Наш путь», М., 1913, 30 авг., № 5. Вместе со стихотворением «Уйти бы...», с подписью «А.Т.»

Печатается и датируется по первой публикации.

Напечатано в конфискованном номере большевистской газеты. О возможной принадлежности Есенину стихотворений «В эту ночь» и «Уйти бы...» писала С.Стриевская в статье «Не Есенин ли это?..» (газ. «Литературная Россия», М., 1966, 14 окт., № 42, с. 11). Предположения, в частности, основываются на том, что вторая строфа сти-

хотворения «В эту ночь» «почти полностью совпадает с концовкой стихотворения С.Есенина „С добрым утром!“, опубликованного в июле 1914 г. в журнале „Мирок“».

К статье дано примечание от редакции еженедельника: «Предположение Софьи Иосифовны Стриевской показалось нам интересным, и мы решили познакомить с ее изысканиями наших читателей, хотя прямых доказательств авторства Есенина нет».

К сказанному добавим, что сам поэт считал: он «первый раз увидел напечатанными свои вещи» 10 декабря 1913 года (см.: Бениславская Г.А.. Воспоминания о Есенине.— Сб. «С.А.Есенин. Материалы к биографии». М., 1992, с. 30).

До настоящего времени достоверно известны два псевдонима Есенина: Аристон (так подписано стихотворение «Береза» в журн. «Мирок», 1914, кн. 1) и Метеор (упомянут в письме к М.П.Бальзамовой, февраль 1914 г.).

См. коммент. к стихотворению «В ожидании зимы» (с. 523).

«Уйти бы...» (с. 518).— Газ. «Наш путь», М., 1913, 30 авг., № 5. Вместе со стихотворением «В эту ночь», подпись: «А.Т.»

Печатается и датируется по первой публикации.

См. коммент. к стихотворениям «В ожидании зимы» (с. 523) и «В эту ночь» (с. 523).

«Будь Юрием, москвич...» (с. 519).— Стародуб К., Емельянова В., Краусова И. Я люблю этот город вязевый. Путеводитель по литературным местам Москвы. 2-е изд., доп. и перераб., М., 1990, с. 234 (в главе четвертой «Я знаю тебя, Замоскворечье», написанной В.В.Емельяновой).

Печатается по тексту этого издания.

Датируется с учетом воспоминаний А.Р.Изрядновой, вступившей в гражданский брак с Есениным в 1914 году.

Строки обращены к сыну Есенина и Изрядновой Юрию — Георгию (1914—1937).

«В конце декабря <1914 г.> у меня родился сын,— вспоминала Анна Романовна Изряднова,— Есенину пришлось много канителиться со мной (жили мы только вдвоем). Нужно было меня отправить в больницу, заботиться о квартире. Когда я вернулась домой, у него был образцовый порядок: везде вымыто, печи истоплены, и даже обед готов и куплено пирожное, ждал. На ребенка смотрел с любопытством,

все твердил: «Вот я и отец». Потом скоро привык, полюбил его, качал, убаюкивая, пел над ним песни» (Восп., 1, 145).

Ноябрь (с. 519).— «Страда». Лит. сб., кн. 2, Пг., 1917, с. 204. Подпись: «Е.».

Ни в перечне фамилий поэтов, публикуемых в разделе «Стихотворения», ни в оглавлении сборника автор стихотворения «Ноябрь» за подписью «Е.» не указан.

Печатается по этому изданию.

Датируется условно временем подготовки к печати сборника.

Предположение о принадлежности стихотворения Есенину высказал В.Вдовин в статье «Забытое стихотворение С.Есенина» (газ. «Неделя», М., 1965, 24—30 окт., № 44, с. 11). В другой статье — «Есенин и литературно-художественное общество «Страда» — он, в частности, замечал: «В пользу этого предположения говорит тематика стиха, его образная система, ритмика, ярко индивидуальное, чисто есенинское видение мира, столь характерное для его поэзии предреволюционных лет» (Сб. «Есенин и русская поэзия». Л., 1967, с. 182—183).

Заметим, что одно из писем Есенина (к М.П.Бальзамовой от 24 апреля 1915 г. из Петрограда) подписано: «Уважающий Вас Е.» (см. т. 6 наст. изд.).

«Я вплетаю в свой стих год от году...» (с. 519).— Газ. «Подмосковье», 1992, 15 февр., № 7, с. 10. Страница с машинописным текстом воспроизведена факсимильно. Над перечеркнутым текстом: «Сергей Есенин». В правом верхнем углу — цифра «35». Послесловие Н.Л. <Н.П.Леонтьева>.

Печатается по этому тексту.

Условно датируется 1922—1923 годами — временем создания цикла «Москва кабацкая».

Как сообщается в послесловии, стихотворение «хранилось в бумагах архива Рюрика Ивнева и обнаружилось совершенно случайно».

О Рюрике Ивневе см. коммент. к стихотворению «Я одену тебя побирушкой...» (с. 372—373).

«Месяц рожу полощет в луже...» (с. 520).— Сб. «Теория поэтической речи и поэтическая лексикография». Шадринск, 1971, с. 175.

Печатается по тексту сборника.

Условно датируется 1923—1924 годами — по тематической близости к сборнику «Москва кабацкая».

См. коммент. к стихотворению «В ожидании зимы» (с. 523).

«Жизнь, как коня, держи за узду...» (с. 521).— Газ. «Подмосковье», 1993, 9 окт., № 41, с. 11 (в статье Владимира Ливадина „Вы ж такое загибать умели...". Озорные строки Есенина»).

Печатается по первой публикации.

Датируется приблизительно 1924—1925 годами.

Лист с записью рукой Есенина этого стихотворения находился в собрании Евдоксии Федоровны Никитиной (1895—1973) — «Никитинские субботники». Четверостишие учтено в «Справочно-библиографическом указателе», составленном А.П.Ломаном и В.В.Базановым (ИРЛИ). В настоящее время местонахождение листа с текстом четверостишия неизвестно.

Весенней девочке Леле (с. 521).— Газ. «Ленинский путь», Туапсе, 1973, 12 окт., № 163 (в очерке И.Шнейдера «Иркутская находка» <отрывок из книги «Встречи с Есениным», 3-е доп. изд.>).

Печатается по тексту в кн.: Шнейдер Илья. Встречи с Есениным. Воспоминания. 3-е изд. доп., М., 1974, с. 128.

Датируется по содержанию воспоминаний.

Шнейдер Илья Ильич (1891—1980), журналист, театральный работник, директор-распорядитель школы Айседоры Дункан, а потом театра-студии ее имени. Познакомился с Есениным в 1921 году; во время совместной жизни Сергея Есенина и Айседоры Дункан часто встречался с поэтом.

И.Шнейдер в своих воспоминаниях рассказывает о встрече в Иркутске со школьницей и ее матерью, О.П.Радченко. Они сообщили, что их бабушка и мать — Елена Степановна Хмельницкая (Селиванова) хранит неизвестное стихотворение Сергея Есенина, написанное им в Баку. Сама Елена Степановна находилась в больнице, и они поведали с ее слов об обстоятельствах, при которых стихотворение было написано. Случайно оказавшись в квартире Селивановых, живших тогда в Баку, и приняв приглашение хозяев попить чаю, Есенин «все время старался заглянуть в глаза Леле. Она смущенно каждый раз отворачивалась. Есенин пробыл у них недолго, каких-нибудь 15-20 минут. Уходя, он опять пытался заглянуть в глаза девушки, все так же избегавшей его взгляда. Тогда он взял клочок бумаги и написал на нем: «Весенней девочке Леле...» <далее идет текст стихотворения с подписью: С.Есенин>. (Шнейдер Илья. Встречи с Есениным. 3-е изд. доп., М., 1974, с. 126—128).

Автограф стихотворения И.Шнейдеру увидеть не удалось. Ему была вручена лишь копия с оригинала.

Ноктюрн (с. 521).— Газ. «Знамя строителя», М., 1961, 12 июля, № 82 (в статье Л.Оссиана «Ноктюрн. Неопубликованное стихотворение С.Есенина»); газ. «Вечірній Київ», 1962, 23 липня, № 172 (в статье того же автора «Нове про Есеніна», статья на украинском языке).

Текст стихотворения (на русском языке) в публикации киевской газеты по сравнению с текстом в «Знамени строителя» дан полнее.

Печатается по тексту газ. «Вечірній Київ».

«В декабре 1925 года,— писал в своей статье Л.Оссиан (газ. «Знамя строителя»),— я приехал в командировку в Ленинград и остановился в гостинице «Англетер». Я заходил к Есенину в номер. В одно из таких посещений, в беседе с поэтом мое внимание привлек листок из блокнота, лежащий на полу, заполненный ровным почерком». Как вспоминал Л.Оссиан, это был автограф стихотворения «Ноктюрн», после первой строфы сильно перечеркнутый рукой поэта. По его просьбе поэт дочитал стихотворение до конца, но просил никогда никому не показывать этих строк. Многие годы Л.Оссиан выполнял просьбу поэта. «Однако в настоящее время,— закончил он свою статью,— уже на склоне многих лет, я все же считаю необходимым это стихотворение опубликовать».

Датируется по свидетельству Л.Оссиана.

Несмотря на двукратную публикацию этого стихотворения, ни в точности текста, ни в принадлежности его Есенину полной уверенности нет.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

ПРИПИСАННОЕ, НО НЕ ВКЛЮЧЕННОЕ В НАСТОЯЩЕЕ ИЗДАНИЕ

Ошибочные публикации под фамилией Есенина

Весенний дождь («Как ударил — зазвенело...»).

Стихотворение с указанием авторства С.Есенина печаталось: Ясное утро. Кн. 3 для 3 и 4 года обучения. Сост. В.Флеров, М., [1924], с. 314; Хрестоматия. Восьмилетка. Кн. для I отделения сельской школы. Сост. И.Свериков. 3-е изд., Л., 1924, с. 177—178; в 30-х годах — в «Хрестоматии» (Рига), в 1980 году — перепечатано из риж-

ской «Хрестоматии» в статье Ю.Денисова «Неизвестное стихотворение. К 85-летию со дня рождения С.Есенина». (газ. «Знамя строителя», М., 4 сент., № 104).

Однако еще в 3-м издании книги «Ясное утро», сост. В.Флеровым (М.—Л., 1925), стихотворение было напечатано без подписи, но в оглавлении указан автор: «Клычков С.». Действительно, стихотворение принадлежит С.А.Клычкову и публикуется в его книгах под заголовком «Весенний гром» (см. напр.: Клычков Сергей. Стихотворения. М., 1985, с. 60).

«*Разгулялась вьюга...*».

Стихотворение входило в следующие книги Есенина: Избранное. М., 1952; Стихотворения. Л., 1953 (Б-ка поэта. Малая серия, второе издание); Сочинения. В 2-х т. Т. 1. Стихотворения. М., 1955; Стихотворения, поэмы. Хабаровск, 1956; Избранные произведения. Л., 1957; Лирика. Иркутск, 1958; Избранное. Алма-Ата, 1960; Стихотворения, поэмы. Южно-Сахалинск, 1969.

Впервые оно было опубликовано в журнале «Доброе утро» в 1918 году (М., № 3/4, февр.— март, с. 27). Подпись: «Сергей Молот».

Составитель сборника «Избранное» (М., 1952) П.И.Чагин, видимо, используя журнальную публикацию, посчитал автором стихотворения «Разгулялась вьюга...» Сергея Есенина, скрывшегося под псевдонимом «Сергей Молот».

В двухтомнике «Сочинения» (М., 1955), одним из составителей которого был П.И.Чагин, во вступительной статье К.Зелинского отмечалось: «...в 1914 году в детских журналах «Доброе утро» и «Мирок» появились первые стихотворения молодого поэта под псевдонимом «Сергей Молот» (т. 1, с. 8), здесь же, в примечаниях, была указана и первая публикация.

Однако в том же 1955 году в журнале «Звезда» (Л., № 11, ноябрь, с. 190—191) была напечатана «горестная замета» А.Дымшица «Сергей, но не Есенин...». Она появилась в связи с публикацией стихотворения «Разгулялась вьюга...» в двух изданиях Есенина (Б-ка поэта. Малая серия; Сочинения. В 2-х т. Т. 1). Процитировав «слабые, эпигонские стишки» Сергея Молота из журнала «Доброе утро», А.Дымшиц сделал однозначный вывод: «Нет, Молот — это, конечно же, не Есенин. И принять его за Есенина — значит обознаться».

В 1956 году журнал «Звезда» (№ 4, апр., с. 189) вернулся к материалу «Сергей, но не Есенин...». В другой «горестной замете» «Сим подтверждаю...» приводились следующие строки из письма читателя Л.Ф.Хинкулова (г. Киев): «Псевдоним «Сергей Молот» принадлежит поэту и либреттисту Платону Афанасьевичу Стежкину (см. каталоги Общества драматических писателей за 1914 год)».

Псевдоним «Сергей Молот» был учтен в «Словаре псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей» И.Ф.Масанова (т. 2, М., 1957, с. 197). Здесь он одновременно отнесен и к Сергею Александровичу Есенину, и к Платону Афанасьевичу Стежкину.

В 4-м же томе «Словаря» (М., 1960, с. 555) в разделе «Исправления» указано: «Псевдоним «Молот, Сергей» приписан С.Есенину. В следующей записи этот же псевдоним приписан П.А.Стежкину. Последнее более вероятно».

«Шел козел дорогою, дорогою, дорогою...».

Стихотворение напечатано в заметке А.Жаворонкова «Неопубликованные строки С.Есенина» (Журн. «Нева», М.—Л., 1957, № 1, с. 220). В заметке говорится о листке, на котором по приезде в Ленинград «Есенин написал стихи в духе веселой народной песенки». «Эти шутливые стихи, никогда не публиковавшиеся,— замечает А.Жаворонков,— были, по всей вероятности, предпоследними строчками поэта».

Однако сравнение есенинской записки, адресованной Вольфу Эрлиху и сделанной на оборотной стороне листа, с данным стихотворением со всей очевидностью выявляет несхожесть двух почерков. Видимо, поэтому ни один составитель не счел возможным включить это стихотворение в есенинские сборники. Скорее всего, стихотворение было записано одним из знакомых В.Эрлиха, посетивших его квартиру.

1. «Тихий теплится вечер...» 2. «Россию нельзя позабыть...».

Стихотворения напечатаны в подборке «Стихи Сергея Есенина. К 75-летию со дня рождения поэта» (вместе с «Гой ты, Русь, моя родная...», «Отговорила роща золотая...», «Выткался на озере алый свет зари...», «Мы теперь уходим понемногу...») — журн. «Родина», М., Издание Сов. комитета по культурным связям с соотечественниками за рубежом. 1970, № 5, сент.— окт., с. 2.

Оба указанных стихотворения принадлежат поэту Александру Андреевичу Прокофьеву и печатаются в его книгах — см. напр.: Про-

кофьев Александр. Стихотворения и поэмы. Л. 1976, с. 681 (Б-ка поэта. Большая серия. 2-е изд.). Они были включены в есенинскую подборку по недосмотру одного из сотрудников журнала.

Намеренные публикации под фамилией Есенина

Послание евангелисту Демьяну <Бедному>.

В апреле — мае 1925 года центральные газеты «Правда» и «Беднота» опубликовали большую антирелигиозную поэму Демьяна Бедного «Новый завет без изъяна евангелиста Демьяна». Произведение вызвало разноречивые отклики. Хвала и брань, восторги и проклятия, сомнения и вопросы — все это было в многочисленных письмах читателей редакциям газет и автору.

В начале 1926 года в Москве стало распространяться как принадлежащее Есенину стихотворение «Послание евангелисту Демьяну». Оно ходило в списках с различными вариантами строк, особенно последней. Ни одной публикации стихотворения в советской печати того времени не обнаружено, хотя, по некоторым сведениям, оно было напечатано в одной из многотиражек Москвы.

Первые известные печатные публикации состоялись в периодических изданиях русского зарубежья. Так, в газ. «Сегодня» (Рига, 1926, 26 апреля, № 91а) был помещен фрагмент «Послания...» с оговоркой, что «это послание приписывается недавно умершему трагической смертью Есенину». В последующих публикациях автором стихотворения безоговорочно назывался Есенин (газ.: «Последние известия». Ревель, 1926, 6 мая, № 99; «За свободу!». Варшава, 1926, 15—16 мая, № 110; «Руль». Берлин, 1926, 23 июня, № 1687; журн.: «Зарубежный вестник». Брюссель, 1926, № 1).

В 1927 году парижское издательство «Колосья» выпустило книгу «Избранный Есенин в одном томе», где было напечатано «Послание...». Публикация сопровождалась примечанием издательства: «Стихотворение это, являющееся ответом на «Евангелие» Демьяна Бедного — в рукописном виде за подписью С.Есенина — ходило по рукам в России. Есть основания предполагать, что оно написано именно им. Издательству, однако, не удалось проверить этот факт, и поэтому, включив это стихотворение в настоящий том, оно тем не менее оговаривается, что не берет на себя ответственность за определение автора стихотворения» (с. 201).

Спустя почти четверть века (1951) в парижском издательстве «Возрождение» вышла книга «Сергей Есенин. Стихотворения. 1910—1925» под редакцией и со вступительной статьей Георгия Иванова.

К предисловию-статье «Есенин» — было добавлено:

«P.S. Помещаю знаменитый «Ответ Демьяну Бедному» здесь, после предисловия. Жаль это, замечательное во многих отношениях, стихотворение печатать в конце книги в виде приложения. Но и включать его в самый сборник все-таки не совсем удобно. Не сомневаюсь, что оно принадлежит Есенину. Однако никаких доказательств его авторства у меня нет» (с. 32).

Вместе с тем еще 3 и 4 апреля 1926 года соответственно газеты «Известия» (№ 76) и «Правда» (№ 77) поместили письмо Екатерины Есениной, где, в частности, говорилось: «Что касается «Послания Демьяну Бедному», то категорически утверждаю, что это стихотворение брату моему не принадлежит».

Комментатор 8-го тома Полного собрания сочинений Демьяна Бедного (М.—Л., 1926) Г.Лелевич, говоря об откликах на «Новый завет без изъяна...», отметил: «Какой-то неизвестный поэт даже посвятил Демьяну энергичное ругательное стихотворение (его часто со злостным, бестактным и оскорбительным для памяти поэта умыслом приписывают Есенину)» (с. 303).

Через некоторое время подлинный автор «Послания...» был установлен. Как писал А.Ефремин в книге «Громовая поэзия» (М.—Л., 1929, с. 240), им «оказался некий мелкий рифмоплет, кичившийся весьма «успехами» своих «стихов». Речь шла о журналисте Николае Николаевиче Горбачеве (1888—1928 ?). В советской печати эта фамилия не упоминалась вплоть до 1973 года, когда она была названа как фамилия автора «Послания...» (Матвей Ройзман. Все, что помню о Есенине. М., 1973, с. 186—187).В зарубежной же печати подлинный автор «Послания...» был назван в очерке Родиона Березова «С.Есенин, Д.Бедный, В.Маяковский», опубликованном в газ. «Новое русское слово» (Нью-Йорк, 1949, 13 февр.). Родион Березов (Р.М.Акульшин) привел состоявшийся в его присутствии разговор Демьяна Бедного с литератором Л.Н.Войтоловским о «Послании...»:

— Если не секрет, кто автор этих стихов,— поинтересовался Войтоловский.

— Тридцатипятилетний советский служащий из Центросоюза Горбачев.

— А ведь недаром стихи приписываются Есенину: стиль удивительно напоминает «Русь советскую».

— Автор таким способом надеялся скрыть свое лицо, но это ему не удалось.

И все-таки мнение о том, что «Послание...» написал Есенин, продолжало существовать. Так, во время поездки французского писателя Андре Жида по СССР (лето 1936 г.) в застолье, украдкой, ему прочитали, как он вспоминал, «замечательное стихотворение — после запрещения оно передавалось из уст в уста». «Стихотворение,— отмечал А.Жид,— было написано Есениным в ответ на богохульную статью» (Жид А. Подземелья Ватикана. Фальшивомонетчики. Возвращение из СССР. М., 1990, с. 604—605. Никакими комментариями утверждение А.Жида не сопровождалось).

Несмотря на то, что подлинный автор «Послания...» был давно известен, в 1990—1991 годах несколько советских изданий поместили на своих страницах «Послание...», не отвергая принадлежности его Есенину или сомневаясь в ней.

Последнюю точку в этой затянувшейся истории поставила в 1994 году «Независимая газета» (М., 29 апр., № 81). В статье Владимира Виноградова «Я часто думаю — за что его казнили?» воспроизведены архивно-следственные материалы ОГПУ из дела № 39327. Горбачев Н.Н. привлекался к уголовной ответственности за то, что написал и распространил стихотворение «Послание евангелисту Демьяну». Боясь ответственности, скрыл свое имя, выдав стихотворение за есенинское.

На допросе 20 мая 1926 года Н.Н.Горбачев заявил: «Оскорбленное религиозное чувство вынудило меня ответить Демьяну Бедному своим стихотворением <...>. Своей фамилией я не подписывал стихотворения по той причине, что не считал это стихотворение художественным».

Сосланный на 3 года в Сибирь, на вопрос одного из лагерных заключенных — «Как, разве не Есенин автор стихотворения?», Н.Н.Горбачев ответил: «Нет, я. А на мертвых валить легче».

Приговор Н.Н.Горбачеву был вынесен Особым совещанием при коллегии ОГПУ 21 июля 1926 года. По решению того же органа он был досрочно, 5 ноября 1926 года, освобожден.

30 марта 1994 года Н.Н.Горбачев реабилитирован Генеральной прокуратурой Российской Федерации (Ответ Генеральной прокуратуры от 7 июня 1994 г. на запрос Института мировой литературы им. А.М.Горького РАН от 12 апреля 1994 г.).

Жене Рокотову («Помнишь наши встречи, споры и мечты?..»).

Напечатано в заметке С.Оболенского «Неизвестное стихотворение Есенина» (журн. «Нева», М.—Л., 1959, № 11, с. 222). Позже вошло в 5-й т. Собр. соч. С.Есенина (М., 1962, с. 255), публиковалось в кн.: Шнейдер И. «Встречи с Есениным. Воспоминания» (1-е изд. М., 1965, с. 95—96; 3-е изд., доп., М., 1974, с. 158).

Автор заметки сообщал, что в одном из букинистических магазинов Ленинграда он увидел в продаже «фотографии Сергея Есенина и Максима Горького, а также собственноручный силуэт Александра Блока — все с посвящениями Рокотову». С.Оболенский снял копии с надписей Есенина и Блока, есенинские строки позже переслал в комиссию по литературному наследию поэта (председатель К.Л.Зелинский).

Что касается горьковского автографа, то он был приобретен музеем, подвергнут научной экспертизе и признан фальшивкой. Об этом рассказано в статье А.Марченкова «Загадка трех автографов» (газ. «Труд», М., 1971, 31 янв., № 26). В той же статье дана оценка блоковскому автографу, который «вообще не выдерживает никакой критики».

На основе этих и других фактов А.Марченков высказал сомнение в принадлежности стихотворения «Помнишь наши встречи, споры и мечты?..» Есенину.

Автор статьи предполагает: все три «автографа» выполнены в 20-е годы неким Рокотовым, работником одного из книжных магазинов Ленинграда.

Во всяком случае, нельзя не согласиться с выводом литературоведа: «Стихотворение «Жене Рокотову» не может быть признано есенинским, пока не будет доказано обратное».

«За сухое дерево месяц зацепился...»; Подражание Борису Садовскому.

Оба стихотворения напечатаны в газ. «Веч. Тбилиси», 1959, 15 авг., № 192 (в статье В.Белоусова «Неопубликованные стихи Сергея

Есенина»). Стихотворения воспроизводились по рукописи поэта Б.А.Садовского «Встречи с Есениным (Из воспоминаний)», хранящейся в РГАЛИ.

В 1962 году стихотворения вошли в 5-й т. Собр. соч. Есенина (с. 242—243).

Однако первое стихотворение, приписанное Садовским Есенину, с вариантами некоторых строк было опубликовано в 27/28 томе «Литературного наследства» (М., 1937) как «автопародия» Блока, сообщенная публикатору Б.А.Садовским. Позднее это стихотворение было включено в т. 3. Собр. соч. А.Блока в 8-ми т. (М.—Л., 1960, с. 416). В 8-м же томе этого издания (М.—Л., 1963, с. 757) отмечено, что «воспоминания» Б.Садовского по некоторым фактам вводят читателя в заблуждение. Позже М.Д.Эльзоном (журн. «Русская литература», Л., 1982, № 3, с. 205—266) сделаны соответствующие уточнения. В действительности стихотворение «За сухое дерево месяц зацепился...» написано самим Б.Садовским и под названием «В роще» опубликовано им в газете «Нижегородский листок» 8 ноября 1912 г., № 299.

Что касается другого стихотворения, то его вторая строфа почти полностью совпадает со стихотворением Б.Садовского «На мельнице», напечатанным в «Нижегородском листке» 16 января 1912 г., № 15.

Все это, однако, не было принято во внимание Натальей Филипповой, напечатавшей статью «Садовский и Есенин (К истории двух неопубликованных стихотворений великого поэта)».— Журн. «Русский архив», М., 1993, № 3, с. 96—100.

Публикацию воспоминаний Б.А.Садовско́го (наст. фамилия Садовский; 1881—1952) «Встреча с Есениным» и комментарии к ним см. в кн.: С.А.Есенин. Материалы к биографии. М., 1992, с. 335—338, 430—433.

«Сам ад посеял семена...».

Напечатано в статье А.Котлова «Забытое стихотворение Сергея Есенина» (газ. «Советская Мордовия», Са́ранск, 1973, 7 янв., № 6). Это произведение взято А.Котловым из журнала «Женская жизнь» (М., 1915, № 4, с. 14). Выдавая стихотворение за есенинское, А.Котлов не указывает, что под его текстом стоит криптоним «Е.Ш.». Никаких данных о принадлежности этого криптонима Есенину нет.

Бездоказательность и явная предвзятость публикации А.Котлова отмечена в статье В.Вдовина «В погоне за сенсацией» («Лит. газета», М., 1975, 3 сент., № 36, с. 4).

Стихотворения, принадлежность которых Есенину весьма сомнительна (архивные списки) или источник текста недостоверен (публикации)

Кроме приведенных, напечатано или хранится в списках (ГЛМ, ИМЛИ и других архивах) еще несколько стихотворений, подписанных фамилией Есенина. Эти тексты или вызывают большие сомнения в авторстве Есенина, или же их источник недостоверен.

По этим причинам не включаются в издание следующие стихотворения:

1. «*Бутылки о головы бью...*» (ГЛМ, недатированная машинопись).

2. «*Ветер веет с юга...*» (Флегон А. За пределами русских словарей <...>. Лондон, 1973, с. 42, 91).

3. «*Во имя отца и сына...*» (ГЛМ, надпись печатными буквами на рисунке, помещенном на обороте листа с автографом стихотворения Есенина «Море голосов воробьиных...»; не опубликована.— Учтено: А.П.Ломан, В.В.Базанов. Лит. наследие Есенина. Справочно-библиографический указатель — машинопись, ИРЛИ, ф. С.А.Есенина).

4. «*Вы думаете, кто такой Ося Брик?*» (Карабчиевский Юрий. Воскресение Маяковского. М., 1990, с. 147 — сноска).

5. «*Осень гнилая давно уж настала...*» (Флегон А. Указ. соч., Лондон, 1973, с. 99).

6. «*Памяти коснеющей не верьте...*» (Музей С.Есенина в Ташкенте, рукопись воспоминаний неустановленного лица).

7. *Письмо от матери* («Пишешь мне, что ты по горло занят...») — ИМЛИ, машинопись с пояснением Н.А.Рыбкина.

8. «*Стая воробушек с криком летела...*» (Флегон А. Указ. соч., Лондон, 1973, с. 62).

9. «*Я выливал стихи из крови...*» (ГЛМ, недатированная машинопись, с пояснениями).

СОДЕРЖАНИЕ*

СТИХОТВОРЕНИЯ

*В первом столбце приведены страницы текста, во втором — его вариантов, в третьем — комментариев к нему.

СТИХИ НА СЛУЧАЙ. ЧАСТУШКИ

ОТРЫВКИ. НЕОКОНЧЕННОЕ

КОЛЛЕКТИВНОЕ

Есенин С.А.

Е 81 Полное собрание сочинений. В 7-ми томах. Т. 4. Изд. 2-е. Стихотворения, не вошедшие в «Собрание стихотворений». Сост., подгот. текста и коммент. С.П.Кошечкина, Н.Г.Юсова. М.: ИМЛИ РАН, 2004. 544 с.

В четвертом томе Полного собрания сочинений представлены стихотворения, не вошедшие в подготовленное автором трехтомное «Собрание стихотворений», выпущенное в 1926 году.

ББК 84

Утверждено к печати Ученым советом
Института мировой литературы
им. А.М.Горького РАН

СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ЕСЕНИН

Полное собрание сочинений в семи томах

Том четвертый

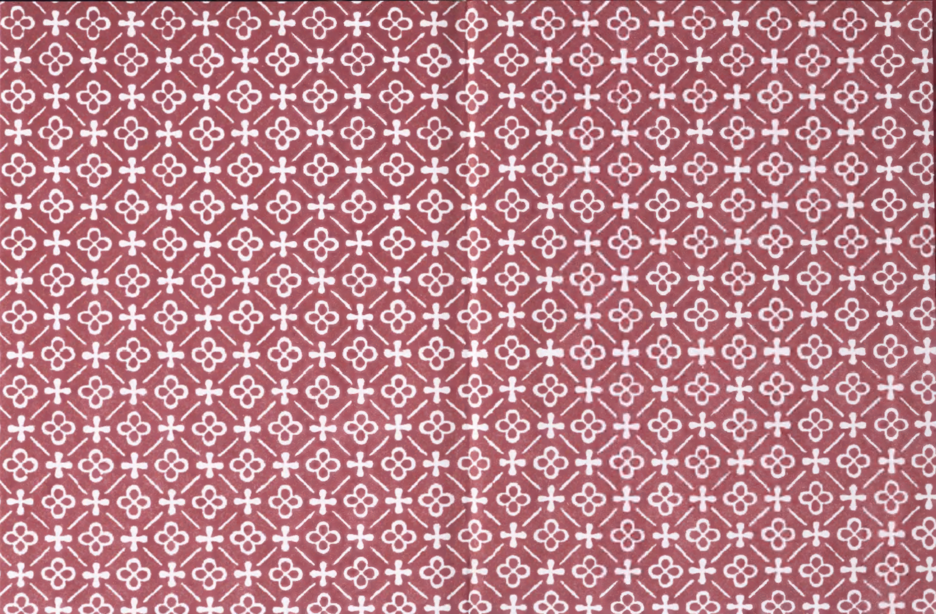
Редактор издательства *Т.С.Шеханова, А.В.Бездидько*
Художественный редактор *В.С.Голубев*
Технический редактор *Л.Н.Золотухина*
Корректор *Л.М.Марченко*
Изготовление оригинал-макета *Т.И.Мишутиной*

ИД № 01286 от 22.03.2000

Подписано к печати 31.3.2004. Формат 70x108$^1/_{32}$.
Гарнитура академическая. Печать офсетная. Бумага офсетная.
Усл.печ.л. 23,8. Тираж 1000 экз. Заказ № 9940

Институт мировой литературы им. А.М.Горького РАН
121069, Москва, ул. Поварская, д. 25-а
Тел.: (095) 202-21-23, 291-23-01

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6

СЕРГЕЙ
ЕСЕНИН
4
Сергей
ЕСЕНИН
4